

ЛИТА
ЛЕТНИЦКАЯ

Измена хуже

ПРЕДАТЕЛЬСТВА

— Ты, глупая пустышка, не смей уводить моего мужчину! Я беременна и у нас будет ребенок, ясно? Ты уже давно в прошлом!

Моего мужа увела любовница и теперь она звонит мне с угрозами.

Все бы ничего, но мы все еще женаты и если бы я случайно не забеременела от своего мужа.

Ловлю свое отражение в зеркале. Спутанные волосы и блеск в глазах. Беру расческу и глажу свои волосы. Мне стыдно смотреть своему отражению в глаза. Отвожу взгляд и натыкаюсь на лежащую в корзине рубашку мужа, ту, что была вчера на нем. Я дотрагиваюсь до нее, глажу холодящую, легкую ткань. Беру в руки. И вдыхаю его аромат. Но он совершенно чужой. Я отшатываюсь.

Рубашка пахнет сладкими духами и дымом. Как я вчера не заметила этот запах? Я отбрасываю ее снова в корзину. Господи, что я делаю? Нюхаю рубашку почти бывшего мужа. Совесть снова начинает мучить меня. Я переспала фактически с чужим мужчиной.

Мы же должны уже развестись. Он за этим приходил?

Растаяла в его руках и обо всем на свете забыла.

Как-то нам вчера не до разговоров было. Мы, как два магнита, едва соприкоснувшись, притянулись друг к другу, склеились и уже не смогли оторваться. Мы так и уснули в объятиях друг друга. После нашей близости мне не хотелось думать ни о чем. Голова стала легкая-легкая, словно все мысли, мучившие меня, испарились и забрали с собой груз и их тяжесть.

Мне срочно надо смыть с себя этот позор. Я захожу в душ, а когда выхожу, слышу, как телефон разрывается в комнате. Ругаясь и спотыкаясь добегаю до него, но звонок прекращается. На экране незнакомый номер, не из списка контактов. В моих руках начинается уже следующий звонок. Быстро прикладываю телефон к уху, но лучше бы я этого не делала. Интонации на повышенных нотах в динамике, чуть не разрывают мне перепонки:

— Ты, глупая пустышка, не смей уводить моего мужчину! Я беременна и у нас будет ребенок, ясно? Ты уже давно в прошлом!

— Девушка я вас не знаю, — отвечаю осторожно, она явно перепутала номер.

— Я Лика, — представляется она, — будущая жена Радима.

Теперь я узнаю визгливые нотки ее голоса, что однажды услышала и они врезались мне в память. Вот уж, что я хотела бы забыть и не вспоминать.

Н-да, будущая жена...

— Марина, я ухожу. — этой фразой встречает муж на пороге, когда я только возвращаюсь с работы.

У двери уже стоит собранный чемодан. Я непонимающе перевожу взгляд с мужа на чемодан. Он сам упаковал одежду? Обычно это я занимаюсь ее сбором, когда мы собираемся в поездки.

— Радим, снова командировка? — это единственное подходящее объяснение, которое приходит мне в голову, почему муж стоит на пороге с собранными вещами.

Муж застывает в заминке, переводит взгляд в сторону, пряча от меня глаза. Почему не хочет посмотреть на меня?

— Нет, — наконец выдавливают он, — я ухожу от тебя, из этой квартиры.

Все обмирает внутри и пальцы леденеют. Это же не то, что я подумала в первую очередь. Он же не бросает меня?

— Что значит уходишь? — мне нужны уточнения. Я не могу поверить в услышанное. Смотрю на него, пытаюсь найти ответы.

Мой муж — красивый и харизматичный темноглазый брюнет. В нашей жизни была куча совместных планов — дом, дети, отдых. Я пытаюсь понять, что взбрело ему в голову? Он смеется надо мной? Это какая-то дурная шутка?

— Это неправда. Ты не можешь меня бросить, — неверяще мотаю головой.

— Марина, — он вздыхает и зажимает переносицу, — есть причина. Я не говорил тебе, но... у меня будет ребенок, — он снова отводит взгляд.

Очень хочу посмотреть ему в глаза. Они никогда не лгут мне. Радим никогда, ничего, не говорит просто так. Что-то заставляет его говорить мне всю эту ложь.

— Какой ребенок Радим? Откуда? — я в полном смятенье. Смотрю в его лицо, пытаюсь найти ответы. Но Радим по-прежнему не смотрит мне в глаза. Его лицо, как каменная маска, по которому невозможно что-либо прочесть.

— Это ребенок от другой. Я изменил тебе... — выдыхает он.

Повисает пауза, гнетущая своей тишиной. Его признание повергает в шок. Я хватаю ртом воздух, пытаюсь надыхаться. Я словно лечу с обрыва спиной вниз и даже не знаю сколько осталось мне до смерти, очевидно недолго. Прислоняюсь спиной к шкафу, обретая хоть какую то физическую опору. Сердце сжимается в болевом спазме. Мне невообразимо больно слышать это. Поверить в это.

— К-как изменил? — только и могу выдавить из себя, спустя тысячу мгновений, когда мое сердце по клеточкам умирало. — Мы же любим друг друга, разве нет? — мой голос хрипнет и теряется под конец фразы, словно он тоже отказывается произносить этот абсурд.

Радим не отвечает. Стоит как застывшая, каменная глыба. Только мышцы на плечах и руках отчетливо бугрятся под рубашкой.

Мой любимый, до каждой клеточки, родной муж, изменил, предал меня, нашу любовь. Да еще и ждет ребенка от другой женщины. Как мне принять это?

Это как удар под дых. От него невозможно оправиться сразу. Я задыхаюсь и зажмуриваюсь, прогоняя накатывающие слезы. Нет времени на истерику. Мне нужно все выяснить! Я делаю глубокий вдох, проглатывая ком в горле.

— Как давно? — мой голос предательски дрожит и срывается в шепот, но мне важно

узнать. — Как давно ты мне изменяешь? — почему-то это становится самым важным вопросом.

— Марина, — он качает головой — это была ошибка.

— Измена была ошибкой? Твой ребенок — ошибка? Что именно ошибка? — я не выдерживаю, меня, наконец, прорывает. — Ты же не хотел детей? Когда мы обсуждали с тобой эту тему, ты просил подождать. Хотел устроиться на новом месте, обжиться, расплатиться с долгами. А с другой, ты решил не ждать?

— Марин, это решение далось мне нелегко. Но я прошу принять его. — жестко чеканит, будто пытаюсь убедить, в правильности своих слов. Никогда Радим не разговаривал, со мной так. С деловыми партнерами, с друзьями мог, со мной — нет.

— Радь, почему от нее, не от меня? — пытаюсь спрятать дрожь в своем голосе, но у меня не получается. Так не хочется показывать свою слабость, вмиг ставшему чужим мужчине.

— Мариш... — и это его "Мариш" выходит так пронзительно и нежно, мое сердце сжимается. Радим всегда так зовет меня в минуты близости. Он трет переносицу выдыхая. — Понимаешь, наше время прошло. Жизнь не стоит на месте, мы меняемся. Просто я не могу поступить иначе, на данный момент.

Радим начинает обуваться. Он встает, сжимая ручку чемодана, того самого, что мы привезли с курорта месяц назад. Две недели абсолютнейшего счастья и безмятежности в уединенном бунгало на сказочном острове Корфу, пролетели как второй медовый месяц.

Все изменилось, когда мы вернулись. Муж стал отчужденным и задумчивым. Перестал делиться своими переживаниями. Я пробовала выяснить, что у него случилось. Он отговаривался навалившейся, после отпуска, работой. Уже тогда, нужно было бить тревогу. И все у него вызнать. Но я, как всегда, отмахнулась. Он же, у меня, такой сильный и умный. Он справится со всем.

Справился. Не в мою пользу.

— Эта квартира останется тебе. Я, как и прежде, буду платить ипотеку. Остальные вещи заберу позже. — от былой нежности в его голосе не остается и следа. Он говорит монотонно, как заученную фразу, не глядя на меня. Наконец, обувшись в свои любимые лоферы, он поднимает взгляд. Его обычно теплые, смешливые, темно-карие глаза, сейчас холодны, как камень морозной ночью. Они смотрят словно чужие. Его обычно красивые, полные губы, вытянуты в тонкую полоску, а линия челюсти резко очерчена. Радим крепко сжимает ручку чемодана так, что вены на руке выступают, выдавая его напряжение.

Я прикрываю глаза, чтобы сглотнуть, подкативший снова ком. Глубоко вздыхаю, чтобы утихомирить взбесившийся пульс. А когда открываю, Радим вдруг порывисто и очень крепко меня обнимает.

— Прости, — шепот на ушко, едва слышный, что, кажется, он мерещится мне.

Радим с легкостью отстраняется. Уходит, забирая с собой мой смысл жизни. Мне остается лишь шлейф его парфюма и стылая пустота. Он, что и правда от меня ушел? Настолько нелепой кажется эта мысль.

Дверной звонок выводит меня из ступора. Я порывисто кидаюсь к двери. Божечки, неужели Радим что-то забыл? Я отщелкиваю замок.

Но на пороге незнакомый мужчина. И он голый! Ну, почти.

Он стыдливо прикрывается какой-то тряпицей.

И нагло протискивается в мою квартиру!

"Вот это наглость" — первая моя мысль.

— Вы, что себе позволяете? Сейчас же выйдите! — восклицаю я возмущенно, раскрывая дверь пошире. На то две причины: не хочу оставаться одна с незнакомым мужчиной, вызывающим опасения и лифт продолжает гудеть, давая мне надежду, что сейчас вернется Радим и это все окажется розыгрышем. Наверно я слишком много смотрела пранк-видео, раз еще на что-то надеюсь.

— Не могу, — беспечно заявляет незнакомец, хлопая ресницами.

— Как это, не можете? — я опешила. Как можно быть таким наглым и бесцеремонным? Откуда-то же он вышел в подобном виде?

Мужчина непринужденно пожимает плечами, отчего тряпочка, которой незнакомец прикрывает самое "ценное", начинает опасно сползать.

Нет, я не смотрю туда! Просто рельеф тела завораживающе перекачивается. Он в меру подкачен, руки и плечевой пояс красиво прорисованы мышцами и тугими венами. Тот рельеф, что никак не удавался Радиму, сколько бы он не трудился на тренажерах в спортзале.

И вот эти косые, V-образные, внизу живота... Восемь кубиков. Нет. Их я тоже не считала, они сами посчитались.

Звук открывающихся лифтовых дверей прервал мое постыдное занятие. Я таки оторвала взгляд от залипательного рисунка вен его рук и подняла на лицо незнакомца. Его выражение тут же отрезвило меня. Стоит, не может спрятать улыбочку. Наглец!

Из лифта вышел сосед, поздоровавшись и не дождавшись моей реакции, он направился к своей двери, гремя связкой ключей в руках.

Я запоздало бросила ему приветствие в спину. Тут же ощутив, как загорелись мои уши. Так всегда бывает, когда я попадаю в неловкую ситуацию. Вот как, у Пиноккио рос нос, а у меня пылают уши.

И хоть наглого незнакомца не было видно из подъезда, я все равно сгорала от стыда, от всей нелепости ситуации. Он надежно спрятался за стеночкой. Знал, куда нырнуть, чтобы его не было видно.

Я развернулась снова к бесцеремонному гостю, намереваясь, наконец, выгнать. И замерла.

Он смотрел на меня так жалобно, держа палец у губ, а потом сложив обе руки в умоляющем жесте.

Тут меня, как громом поразило, ко мне пришло понимание, из чьей квартиры он вышел. И тут же мой настрой переключился с решительного, на очень решительный.

Сосед, погремев ключами и дверным замком, скрылся за своей дверью.

А я почему-то шепотом спросила:

— Вы из сто седьмой вышли? — получилось строго и обвиняюще.

Теперь, когда угроза соседом миновала, наглец встал расслабленно и небрежно.

А меня такая злость взяла. Ведь я поняла, что он любовник соседки, жены того самого соседа, что прошел сейчас мимо меня.

Видимо, наглец тоже понял, что его раскусили, отчего поза его стала совсем небрежной, он вальяжно облокотился о стену и не собирался никуда уходить.

Мой взгляд заметался по прихожей в поисках чего-нибудь тяжелого или достаточно угрожающего, чтобы вмиг снять его, бесячую уже, ухмылку. И как назло, ничего не находилось.

— Выметайтесь, немедленно! — получилось чересчур визгливо, на повышенных нотах.

— Ну, не могу же я без одежды выйти на улицу.

— На дворе лето! И вы как-то же вышли в подъезд?

Он снова пожал плечами:

— Вариантов было немного. Либо в окно, либо в дверь.

— Ну хорошо, в окно, действительно опасно. Седьмой этаж, как-никак.

Он одобрительно кивает.

— И что вы тогда от меня ждете?

Его улыбка мне не нравится.

Она кажется чересчур самоуверенной и предвкушающей.

— Может, ты закроешь, наконец, дверь и мы займемся более приятными вещами? — его голос мурлыкающий и томный, вдобавок он поигрывает бровями, рассчитывая, наверно, на положительный эффект, но добивает только резко отрицательного. Такая злость и ненависть берет на всех этих бабников и изменщиков!

Боже, скажите, что это происходит не со мной. Муж ушел, а на пороге наглый незнакомец, никак не желающий выметаться. Как же хорошо было, когда рядом был Радим. Он бы сразу взашей вытолкнул этого самоуверенного подлеца. Который, к тому же еще и любовник соседки. И не стесняется этого. Стоит, заигрывает со мной и ничего его не смущает. Кобель!

— Вы более приятными вещами еще не позанимались? — я кивком указываю на соседскую дверь.

Он невозмутимо пожимает плечами:

— Всегда можно закончить вечер в приятной компании. Не отказывайся, красавица. Я огонь в постели. — он поигрывает мышцами груди, привлекая внимание. Но теперь, его телодвижения вызывают во мне только отвращение.

Я закипаю в возмущении и негодовании. Из чужой постели сразу намылился в мою. И ни капли сомнений или мук совести.

— Хотите, сейчас ваш вечер закончится очень приятно? Я найду вам компанию. — я снова указываю на соседскую дверь и даже делаю шаг в подъезд.

Он тут же перехватывает меня за руку останавливая.

— Не нужно, я все понял. Просто одолжите мне одежду, и я уйду.

Еще бы он не понял. Сосед — здоровый мужик, в прошлом занимался боксом и сейчас поддерживает форму.

Одежду ему еще. Но я сейчас на все согласна, лишь бы он быстрее покинул мою квартиру. Я привыкла считать свой дом — крепостью и не хочу видеть у себя на пороге незнакомых, мало вызывающих доверие людей.

Бряцание отпираемого дверного замка заставляет замереть. Он щелкает едва слышно, но в тишине подъезда звучит оглушающе.

Я стряхиваю его руку. Неприятно даже касание этого человека.

Сейчас кто-то из соседей выйдет, и я сгорю от стыда. Голый мужчина на пороге моей квартиры и это не муж!

Открывается все та же, злополучная, сто седьмая. Ну, не может же мне так везти!

На пороге легким движением рук появляются ботинки, за ними стопочка сложенных вещей, сверху приземляется мобильник. Дверь снова захлопывается с тихим щелчком.

Виртуозно! Надо же так уметь.

— А это, полагаю, ваше... "имущество".

— Мое, — покорно соглашается.

— Гляжу, у вас это отработанная схема.

Незнакомец лишь тихо хмыкает, протискиваясь мимо меня, и направляется за своими вещами, светя своими ягодичными мышцами. Я быстренько отворачиваюсь и заскакиваю домой, запираясь сразу на все замки.

Мне показалось или он ими тоже поигрывал, специально напрягая?

Наконец, я остаюсь одна в своей "крепости".

Еще минуту я стою, прислонившись к двери, успокаивая ритм сердца. Мое смятение от ухода мужа полностью вытеснено присутствием наглого незнакомца у меня дома.

В мгновение, как я вспоминаю Радима, возвращается болезненное ощущение в груди, как будто сердце сжимают тиски. Неудержимо наворачиваются слезы.

Я все еще не верю, что мой Радим мог так со мной поступить. И я понимаю — он больше не мой. Ушел, оставил меня, он теперь с другой. И у них будет ребенок.

Все, о чем я мечтала, в одночасье разрушается, по какой-то злой насмешке судьбы, отдано другой. Моя жизнь, мои планы и теперь уже — не мой любимый.

Я хочу сделать вдох, но ком в горле мешает, оседаю на пуфик в прихожей, задыхаюсь, пытаюсь сделать судорожный вдох. Боль обиды нарастает, сдавливая грудь. Мне кажется, я ее не выдержу.

Слезы катятся по щекам неукротимым потоком, застилая глаза.

Бросил. Настолько нелепым, глупым образом, вот так, в коридоре, когда я только пришла с работы. А ведь я должна была вернуться как минимум на полчаса позже. Просто доехать сегодня получилось без обычных пробок. Значит ли это, что Радим хотел и вовсе уйти по-английски? Без объяснений, прощаний и выяснения отношений.

Мне казалось, пять лет мы жили в любви и согласии. Но теперь у меня сомнения на этот счет. Как может любящий человек так подло поступить? Изменить, а потом предать — уйти, не объяснившись. Я думала знаю Радима. Как я ошибалась. Оказывается, я знала совсем другого человека — нежного, преданного, заботливого, любящего.

Как я могла не заметить, не забить тревогу, он же был сам не свой последний месяц, как мы вернулись с острова.

Мой взгляд цепляется за фотографии в гостиной, выставленные, как на параде. Все в красивых дизайнерских рамочках. Я специально заказывала в одном стиле, чтобы фото смотрелись единой композицией. На них мы с Радимом вместе, обнимаемся, целуемся, просто стоим вместе.

На одной фотке он в солнцезащитных авиаторах, спущенных на кончик носа. Голова немного запрокинута назад и на шее отчетливо выступает кадык. Он смеется, показывая все свои тридцать два белоснежных и солнечных блики играют на его лице.

Боже, как мне нравится эта фотография. Я специально выбирала для нее рамку, долго искала, а потом просто заказала у понравившегося дизайнера.

Как я любила целовать его кадык. Он от этого неизменно млеет и затаскивал меня в постель.

Обида снова встает комком в горле. И такая злость берет, что теперь я лишена таких радостных моментов — прикосновения к любимому. Ярость, первобытная, необузданная, затапливает мозг, затуманивая разум. Я хватаю рамку и с силой кидаю в стену бумажную копию изменщика, вымещая на куске керамики и стекла всю свою злость. Он теперь не мой.

Но красивая рамка отскакивает от стены, оставаясь практически целой. Только стекло разошлось на множество трещин, как моя жизнь теперь. Я прячу лицо в ладонях и уже безудержно реву.

Телефон оказывается под рукой. И мне приходит гениальная мысль — выплеснуть всю эту боль на Радима. За что он посмел так со мной поступить?

Я набираю сообщение — стираю. Набираю снова и удаляю. Мне все кажется они недостаточно гневные.

Нет, я не могу все э
то переварить в одиночку.

Открываю список контактов и делаю один лишь звонок.

— Приезжай, пожалуйста.

Людка, верная моя подруга, прилетает на крыльях ночи, не иначе. Чем же объяснить ее быстрое появление.

— Та-ак, — с порога начинает она, — и что у нас произошло?

Уперев руки в боки, она со всей серьезностью смотрит на мое заплаканное лицо. Ну, конечно, я даже не потрудилась умыться.

— Р-радим ушел от меня, — рыдания опять подкатывают к горлу. Оказалось, так трудно это произнести, признаться в этом близкому человеку.

— Ууу, иди ко мне, обниму, — порывисто обхватывает, прижимая к себе.

Людка такая. Всегда очень тактильная. Не чурается лишней раз обняться и потискаться. Это то, что нужно, в этот трудный момент — плечо, моральная поддержка.

— Не, ну, твой Радим гад, конечно. Но из-за чего ушел-то? Поссорились? Может, наладится еще. Вернется.

— Не вернется, — еще пуще начала рыдать я, — он к любовнице ушел, беременной.

— Вот же гад! — с чувством выдает Людка.

Из нее, как из рога изобилия сыпятся пожелания изменщику и предателю. Самое острое, пожалуй, подсыпать красного перца в презервативы. Но, к сожалению, это не актуально. Во первых, вряд ли Радим будет забирать эти предметы контрацепции из дома. Во вторых, такого добра дома и нет, я уже давно перешла на гормональные уколы раз в три месяца.

Я мотаю головой.

— Ну, тогда мы, этой мымре, волосы-то повыдергиваем, да?

— Нет, ты что! Она же в положении! — пугаюсь я.

— Хреновое положение выходит. Любовнице нельзя, мужу нельзя, милосердная ты наша. — грустно вздыхает. — Ясно, что к этому делу нужно винишко.

— Вина нет. Но у Радима было что-то крепкое, виски или скотч. Только я не буду. Ты же знаешь, не переносу крепкое спиртное, да и завтра на работу.

— Ну, да. Ты сама-то не в положении? — вдруг спохватывается подруга.

Я отчаянно трясу головой. Если бы. Но мы с Радимом уже давно решили подождать с детьми. Сначала его новая работа съела все свободное время. Затем квартира в ипотеку и обустройство на новом месте. Я тоже устроилась на работу, чтобы дома не скучать. Все время оказывалось, что пока не время.

— Сейчас в доставке закажу, подожди.

Она отпускает меня, некоторое время зависает в своем телефоне.

Я стараюсь взять себя в руки, продолжая всхлипывать. Но с подругой мне теперь спокойнее. Минуты саможаления проходят и я, наконец, успокаиваюсь.

— А это, что за тряпка у тебя валяется на пороге? Это, что полотенце?

Боже, я чувствую, как от стыда у меня начинают гореть щеки. Я прячу их в ладонях, пытаюсь хоть немного остудить. Смотрю на Людку. Это же незнакомца. Скинул здесь свое "прикрытие".

— Это... — замаялась я, не зная, как и объяснить, — это соседское, то есть... нет. Это одного наглого незнакомца. — все таки признаюсь я.

— Кого-кого? — иронично переспрашивает подруга. — Я гляжу, ты тут не скучаешь.

— Да нет же! Он, просто, бесцеремонно ввалился в квартиру и ни за что не хотел выметаться.

Брови моей подруги взлетают вверх. Это я еще промолчала, куда крепилось это полотенчко.

— К этой новости нужно хотя бы чаю, — направляясь на кухню, сообщает она.

Ах да, чаю. Нужно же было самой предложить, а я с порога залила ее слезами и загрузила проблемами.

Щелкнув кнопкой включения чайника, Людка подходит к окну, рассматривая улицу.

— Ух ты, какой! — внезапно восклицает она. — А это, случайно, не тот незнакомец, там у машины дымит?

Сомнительно, конечно, столько времени прошло.

Солнце уже спряталось за горизонт и вечер набирает свои краски. Выглядываю в окно. Точно он. Стоит, прислонившись к тачке, блестящей глянцевыми боками.

Людка, несомненно, примчалась на всех парах, достаточно быстро. Меньше получаса прошло. Но, что он потерял под окнами, на стоянке? Давно уже должен был испариться, исчезнуть, замести следы. Его же, чуть не застучали на горяченьком. Можно только позавидовать его выдержке. Не нервы, а стальные тросы. Хотя, чего ждать от человека без стыда и совести.

Утвердительно киваю.

— У-ку-си ме-ня пче-ла-а. А хорош, гад. И машина у него крута. Не знаю, что за марка, но вид сверху шикарен. — Людка с любопытством разглядывает незнакомца. — А между прочим, он там стоял еще когда я примчала к тебе на такси. Я его сразу заметила. Как говоришь, он попал в твою квартиру?

— Бесцеремонно. — буркаю я. — Позвонил в дверь и зашел, не спросив разрешения.

— А хорош, наглец. — тянет она, разве что не облизываясь, как кошка на сметану.

Я смотрю на стоянку. Она полностью забита машинами. Значит, он приехал намного раньше, возможно, днем, когда здесь еще остаются места для парковки.

Незнакомец смотрит вверх, разглядывая окна, неспешно выпуская струю дыма, одну за одной. Скользит взглядом и вдруг натывается на наше окно. Я даже вижу, как порочная улыбка растягивает его губы. Свободной рукой он касается их и изящным движением посылает воздушный поцелуй. В этот момент мне чудится, что незнакомец смотрит прямо в мои глаза.

Чайник закипает и момент разрушается. Я сбегая заварить чай.

— Все укатил, красавчик. — через несколько минут сообщает Людка, отворачиваясь от окна. Она смотрит на меня осуждающе. — И этого мачо-мэна ты выгнала из квартиры?

Я поджимаю губы:

— А что мне с ним еще делать?

— Затащила бы в постель, раз Радим такой дурак, не понимает своего счастья. Стоит ли такому, хранить верность? Сама подумай.

— Первого встречного? — судорожный вздох срывается с губ. Радим — слишком болезненная тема сейчас. — Я так не могу. Нужно же хоть немножко знать, доверять человеку для "этого" дела.

На самом деле, я вообще пока не представляю, как смогу с кем-то еще сойтись.

— Ну а что? Ты молодая, привлекательная и обаятельная. Почему бы и нет? Не век же ждать своего "принца".

Я делаю большие глаза, на ее заявление. В сомнении качаю головой.

— Эх, почему я раньше не приехала? — тяжело вздыхает Людка. — Забрала бы себе, раз ты разбрасываешься такими экземплярами.

Звонок в домофон заставляет подскочить на месте. Я точно стану дерганной невротичкой со всеми этими событиями.

— Доставка, — радостно сообщает Людка, — винишко прибыло.

Подруга застывает на пороге гостиной. Развернувшаяся картина ненадолго ее шокирует — разбитая рамка с фотографией, лежит у стены. Я так и не собралась ее убрать. У меня нет на это моральных сил. Пусть пока там полежит.

— Ого, — Людка смотрит на меня с тревогой, — еще разрушения будут?

— Нет, не будут, — устало оседаю на диван.

— Ничего, сейчас мы тебя полечим и жизнь заиграет новыми красками.

Спустя пару бокалов, которых я смаковала, растягивая удовольствие, чтобы завтра быть хоть немножечко в форме, я не выдерживаю и прошу:

— Оставайся, Радима все равно нет, я не хочу оставаться одна сейчас.

Со словами:

— Йу-ху-у, пижамная ве-че-ринка-а-а, — Людка "выкручивает" музыку на полную громкость, начиная танцевать.

Наша пати на двоих заканчивается слишком быстро. Сначала нам намекают, что пора бы и сворачиваться — "тактичным" стуком по батарее. Потом и вовсе звонок в дверь заставляет включить музыку фоном.

На пороге сосед-боксер в домашнем. Желает нам хор

ошего вечера и быть чуть тише. Даже подумать не могла, что у этих квартир такая звукопроницаемость. Видимо, соседи у нас достаточно тихие и спокойные.

Кончается все плохо.

Напоминалка в телефоне трезвонит, вырывая меня из объятий сна. Божечки, за что? Шесть утра! На час раньше будильника.

Я не выспалась, но на работу, все равно, придется идти.

Проснувшись даже не сразу вспоминаю, чем закончился наш вечер.

Заиграла наша с Радимом песня "Леди в красном" Криса де Бурга и Людке пришлось меня утешать. Сделать она это решила оригинальным способом — сменой обстановки, передвинув мебель в гостиной. Трудотерапия прошла на ура.

Ощущение, словно мы только заснули с подругой. Шарю по другой стороне кровати, где вчера приземлилась Людка и заснула сном младенца. И не мудрено, после гостиной она намеревалась сделать перестановку в спальне, но нечаянно споткнувшись о кровать, так и не смогла больше подняться. Я тоже решила проверить кровать на мягкость и не помню, как провалилась в сон.

На той стороне уже пусто. Людкина прыть меня всегда удивляла. Откуда в человеке берутся столько энергии и энтузиазма? Вкусно тянет ароматом свежесваренного кофе. Хочется еще понежиться в кровати. Но грохот на кухне заставляет подскочить.

— Не громи мою кухню с утра! — хриплю чуть слышно. Связки отказываются выдавать внятный звук.

Людка заглядывает в комнату:

— Не знаю, что это за крик задушенной сойки, но завтрак уже на кухне.

— Ты — лучший друг на свете!!! — на радостях получается более понятно.

Я, наконец, дотягиваюсь до телефона. На экране напоминалка сообщает, что пора на прием к врачу. Женскому врачу. Ах да, истекает же срок моих противозачаточных уколов.

Сразу же смотрю электронную запись на прием к знакомому гинекологу. На мою удачу, есть свободное окошечко на вечер. Берем. Настроение улучшается. Люблю, когда получается все с первого раза. Обычно к моему врачу так просто не пробиться. А к незнакомому я не хочу. Для меня это слишком деликатный вопрос.

В приподнятом настроении я и появляюсь на кухне. Людка уже за столом, завтракает. Ммм, яичница. Такая нежность и безграничная благодарность затапливают, что наворачиваются слезы.

— Кто создал тебя такую?.. — невольно вырывается из меня мелодия песни.

— Я тоже тебя люблю, — допивая кофе, вскакивает она со своего места, чмокает в щеку и со словами:

— Все, уже убегаю. Такси ждет, мне еще заскочить домой, переодеться перед работой, закроешь за мной... — исчезает, оставляя за собой отголоски цокота ее каблучков.

Когда я с кофе в руках выглядываю в окно. Она уже на парковке, садится в такси.

Зачем-то смотрю на место, где вчера стоял незнакомец. Там припаркована уже другая машина. Как будто мне вчера почудился мираж с воздушным поцелуем.

Нет, выкинуть из головы всех этих гуляк и изменщиков. Не хочу о них думать сейчас. Но мысли настойчиво просятся, не оставляя в забвенном одиночестве.

А вечером я сталкиваюсь с реальностью, которую не хотела принимать. Она подкараулила меня в неожиданном месте, когда я совсем этого не ждала. Какой процент вероятности встретиться с мужем и его любовницей в женской консультации не очень

популярной клиники? Я думала один на миллион. Оказалось я очень везучий человек, потому что меня поймал именно этот один процент.

Сначала я не верю, когда узнаю знакомые нотки в интонациях говорящего мужчины, еще не видя его. Затем, мой взгляд находит обладателя голоса и меня, словно ледяной водой окатывает. Потому что это Радим. А когда я вижу с кем он говорит, мои ноги прирастают к полу, отказываясь двигаться дальше.

Я перевожу взгляд на девушку рядом. Так вот, ты какая, похитительница любимых мужей. Вот мы и встретились, новая любовь Радима. Крашенная блондинка, наращенное... все! Явно следит за своей внешностью. Губы уточкой, капризно изогнуты.

Вся ее поза демонстрирует ее положение и недовольство. Под легким платьем выпирает небольшой животик, руки придерживают поясицу, демонстрируя его. Радим рядом, внимательно ее слушает. Вскидывает лицо к потолку — его жест, как все достало.

До меня доносится ее визгливый голос:

— Радимчик, ну, пожалуйста...

Радим начинает разворачиваться. Еще секунда и он меня заметит! Я пчусь назад и, наконец, срываюсь. Бегу без оглядки.

Оказалось, я еще не готова столкнуться с ним нос к носу. Слишком болезненны воспоминания, как он со мной поступил, как предал, растоптал своей изменой все годы нашего счастья. А было ли оно — счастье? Может, оно было только у меня в голове? Больно и обидно это осознавать.

Мне не важен уже прием у врача и как трудно обычно записаться именно к этому специалисту. Все тлен. Не хочу ничего. Этой реальности. К черту противозачаточные уколы.

Я не готова столкнуться с новой действительностью, где Радим чужой мужчина, отец чужого ребенка.

Я выбегаю из больницы. Не замечая никого.

Мне все еще чудится голос Радима, доносящийся вслед.

Выскакиваю из больницы в панике. В голове стоит ее визгливый голос. Ноги сами несут меня вперед.

Я не понимаю, как оказываюсь рядом с остановкой общественного транспорта.

Автобус, стоящий рядом, призывно мигает фарами и я не думая запрыгиваю на подножку. За мной тут же захлопывается дверь.

Я не оборачиваюсь, боюсь посмотреть назад, так, словно за мной гонятся волки. Но нет, конечно, какие волки могут быть в городе? За мной гонятся мои страхи, так тщательно скрываемые. Я жутко, до тошноты боюсь одиночества. Нет, не физического. Его я могу пережить. Я боюсь остаться одна, что я больше никому не буду нужна. Не к кому будет возвращаться домой. Некого будет любить и заботиться.

Радим остался с ней, отрезая пути к возвращению. Теперь-то понятно, почему он ушел к ней. Именно таких девушек и любят мужчины, глянцевого своей красотой. А я. Я — обычная. Может, просто чуть более симпатичная, чем большинство.

А я ведь поверила Радиму, когда он добивался меня, он обещал, что будет всегда со мной, любящий, верный, мой.

Так больно становится от обиды, что все его обещания и заверения оказались ложью. Все его клятвы любить вечно, всегда — оказались пустыми словами.

Боль, бесконечная, душащая, ранящая, разрывает сердце, сковывая грудную клетку жесткими тисками. Как же жить теперь с этой болью? Судорожно хватаю ртом воздух, пытаюсь заглушить раздражающие ощущения порцией воздуха. Не выходит. Они никуда не уходят.

Я хватаюсь за поручни, повисая на них. Нет сил стоять на ногах. Какой-то добрый на вид дядечка уступает мне место, я не сопротивляюсь. Он же отгоняет от меня кондуктора, заплатив за мой проезд. Но я всего этого не вижу. Слезы застилают глаза. Я отворачиваюсь к окну, скрывая лицо за пеленой волос. Мне хочется отгородиться от всего мира.

Радим был моим первым и единственным. Моей сказкой. Моим сном и реальностью. Я думала, так и останется на всю жизнь.

Но пришла она — разлучница с его ребенком.

И я не понимаю, как жить теперь?

Спустя многие мгновения боли и выплаканных слез, наконец наступает опустошение. За окном мелькают знакомые пейзажи ставшего родным города. Я отрешенно наблюдаю за проплывающими домами, скверами, улицами. Автобус сделал круг и вернулся в район, в котором мы живем. Теперь уже я одна. Я даже не знаю, где живет мой муж, знаю только с кем.

Он сделал очень больно, но у меня все равно не получается его ненавидеть.

Почему некоторым достается все, а другим ничего? Ведь это я все это хотела любви, мужа, ребенка. А теперь все это достанется ей, этой крашеной блондинке.

Знакомая остановка мелькает за окном. Это же моя! Отсюда я спокойно могу дойти до дома. Я выскакиваю из автобуса в последний момент.

Когда я дохожу до дома, на улице зажигаются фонари. Чем мне нравится наш новый жилищный комплекс, что здесь всегда освещено по вечерам. Уютные дворики с детскими площадками, на которых до сих пор гудит детвора.

Я выныриваю из своих переживаний и наконец, замечаю. Мягкий, теплый вечер. На небе зажигаются первые звезды. Прохладный ветерок играет с моими волосами. Люди отдыхают, заполнив все лавочки. Лето.

Мне не хочется домой. Дома пустота.

Я иду к скульптурной композиции грибочков, рядом с детской площадкой. За неимением свободных, сидячих мест, они у местных используются в качестве стульев. Грибочек неудобный, но на нем хотя бы можно отдохнуть от этого сумасшедшего дня.

Рядом со мной неожиданно раздается хрипловатый баритон:

— Привет, красавица.

Мне, кажется, я узнаю этот голос. Я оборачиваюсь, в неверии. Точно. Тот самый незнакомец, что буквально вчера не хотел выметаться из моей квартиры.

Невольно отмечаю, какой он сегодня помятый. Невыспавшийся что ли?

— Вы зря ждете. — сейчас у меня не осталось сочувствия к подлецам, — Ваша Любовь укатила сегодня в отпуск. С мужем. — безжалостно припечатываю, смотря на него строго и даже, наверное, с вызовом.

— Да, я знаю. Она мне написала.

Прекрасно, он в курсе. У меня напрочь пропадает желание сидеть на грибочках.

Я без расшаркиваний и прощаний поднимаюсь и направляюсь в сторону дома. Он следует за мной. Какой навязчивый.

Как же мне избавиться от внимания назойливого наглеца? Сейчас я предпочла бы, остаться одной.

— Валера, просто Валера. — неожиданно представляется он.

— Нет, ваша тактика не сработает. Я не буду с вами знакомиться.

— Но теперь вы знаете мое имя. За малым осталось узнать ваше.

Поджимаю губы в протесте. Я не хочу с ним разговаривать.

— Тогда, если вы не против, я просто вас провожу.

Обреченный вздох вырывается из груди. Боюсь, все мои слова будут бесполезны.

Так, мы и доходим до подъезда. Я — в молчании. Он — непрерывно пытаюсь меня разговорить.

Вдруг резко распахивается дверца ближайшей от нас машины. Оттуда вылетает взъерошенный, злой мужчина. Я не сразу узнаю в нем Радима. Его лицо искажает гримаса ярости с решимостью. Таким я его никогда не видела.

Я застываю в страхе.

Ой, мамочки, что же будет?!

А я и не заметила его машину у дома. Настолько меня отвлек Валера своей болтовней.

Радим направляется к нам твердым, уверенным шагом с грацией и опасностью прирученного хищника, скрытой угрозой, инфернальным блеском его глаз.

Там в больнице он стоял спиной и я не видела лица, не успела его разглядеть.

Сейчас же я замерла, рассмотрев такие родные черты. Щетина — всегда ему шла, складка между бровей, темные круги под глазами. Неужели это случилось с ним всего за сутки? И все равно он невообразимо прекрасен в своей мрачности.

Накатила такая щемящая нежность и инстинктивное желание позаботиться, накормить, обогреть. Но нет, мне нельзя об этом даже думать. У него теперь другая заботушка, что накормит и обогреть.

Реакция Валеры на появление Радима удивляет. Он берет меня за локоть и задвигает себе за спину.

Радим налетает как дикая, необузданная сила природы — смерч, сметающий все со своего пути.

— Убери руки от моей жены! — в его интонациях проскальзывают рычащие нотки, вызывающие россыпь мурашек по моей коже.

Я зажмуриваюсь. Мне страшно видеть мужа таким. Я много раз слышала от друзей и знакомых, каким он может быть. Но мне он не показывал эту свою черту. И я всегда удивлялась, как нежный, заботливый, любящий Радим может быть жестким и непримиримым. Настал момент, когда я это вижу. И это страшно ужасно и восхитительно прекрасно одновременно. Дикая, неукротимая сила ярости.

Мгновение я стою съезжившись и зажмурившись, ожидая его гнева, но меня лишь легонечко отодвигают.

Я открываю один глазик, взглянуть, что происходит.

Рубашка, обтягивающая плечи Радима, загораживает мне обзор. Он высокий и поэтому я дышу ему в лопатки. Напряжение отчетливо читается в его позе.

Отодвинув от меня Валеру, Радим встал между нами.

Я стою за его спиной, белая ткань рубашки словно светится, предлагая ее разглядеть. Она нереально мерцает своей белизной в сгущающихся сумерках.

Вот он такой сильный, крепкий, близкий, рядом.

Протяни руку и обними. Стоит, плечи напряжены, мускулы натягивают ткань и запах, такой родной. Я втягиваю его. Ммм... Можно забыть связывающую по рукам реальность и прикоснуться.

Я все-таки прижимаюсь лбом к этой манящей, белоснежной материи. Сжимая рукава его рубашки. Снова представляя, что Радим мой. Но нет, это лишь иллюзия. Там, с той стороны Радима, стоит человек не подозревающий о жесткости Радима и ситуацию надо спасать. Я шепчу:

— Радим, не надо, пожалуйста.

Он застывает, словно каменная глыба.

Мне так больно сейчас. Мне нельзя прикасаться к нему. Я же знаю, наши касания неизбежно ведут к вспышке желания.

Я делаю усилие над собой, отрываясь от него. Мне нужно быть более благоразумной. Не

доводить до...

Я выглядываю из-за спины мужа и смотрю на Валеру.

— Марина, зайди, пожалуйста, — говорит Радим, прямо смотря в лицо сопернику.

Ну, не подерутся же они, взрослые же люди. Или нет? Нервное беспокойство затапливает вены, заставляя сердце биться неровно.

— Я никуда не пойду. Вы сейчас делов натворите. Я себе не прощу.

Тут Валера меня удивляет. Он смотрит на меня и что-то читает в моем взгляде. Поднимает руки капитулируя.

— Я на нее не претендую, остынь. Всего лишь проводил.

Легко разворачивается и уходит не оглядываясь.

Еще несколько мгновений, Радим смотрит в удаляющуюся спину, потом разворачивается ко мне.

— Пойдем домой.

И мне чудится в этой фразе скрытая теплота.

Мы заходим в подъезд, поднимаемся в лифте. Все молча. Внезапно куда-то исчезают все слова. Минуты текут, накаляя напряжение между нами и я не выдерживаю:

— Зачем ты пришел?

— Я все еще собственник этой квартиры. Если ты забыла. И мне нужно забрать сменную одежду.

Да, точно. Вещи. Нужно было вместо перестановки мебели собрать все его пожитки. Он же сразу предупредил, что придет за ними. Так бы я была избавлена от неловкости нынешней ситуации.

У меня нет ни сил ни желания наблюдать за его сборами, поэтому я сразу прохожу на кухню. Завариваю себе чай. И стою с кружкой в руках у окна, разглядывая парковку.

Нужно было, наверно, поскандалить, закатить истерику, пошвырять в него чем-нибудь увесистым. Но я, видимо, уже выплеснула всю свою боль в слезах, ранее.

Он подходит ко мне со спины неслышно, вздыхает.

Я продолжаю смотреть в окно не оборачиваясь. Радим стоит позади, отводит прядь волос с плеча, обнажая мою шею. Я застываю. Боюсь пошевелиться, чтобы не спровоцировать, его на дальнейшие действия. Я чувствую, как воздух между нами намагничивается. Горячее дыхание касается моей кожи, обжигая. Я чувствую, как мурашки бегут по ней.

Он произносит тихо, рассыпая интимность момента:

— Мариш, я не могу тебе сейчас все рассказать. Мне нужно время выяснить все, разобраться. И тогда все изменится. Поверь мне, пожалуйста.

Я предпочитаю не слышать в его голосе надрыва. Мне тоже тяжело! Поэтому я отвечаю единственно приемлемое сейчас:

— Это все равно ничего не изменит. Потому что между нами теперь непреодолимое препятствие — твоя любовница. И будущий ребенок!

Я не буду плакать, когда он уйдет.

Не буду.

Не буду!

Я запрокидываю голову, в надежде, что озера слез останутся в своей чаше. Непокорные слезы не держатся в глазах. Их слишком много. Господи, как же больно. Когда же это все закончится?

Шесть лет назад.

В тот день, Людка во что бы то ни стало, решила вытащить меня из дома.

— Давай, давай, быстрее, одевайся, — поторапливает меня Людка.

— Да не пойду я. — бурчу я, зарываясь в книгу. На носу экзамены, а она тянет меня на студвечеринку.

— Как это не пойдешь? Ты столько помогала, чтобы это ретропати состоялось. Ты обязана пойти!

— Вот, ты сама сказала ретро, а из ретро у меня только шерстяные носки, связанные бабушкой. — я отворачиваюсь, чтобы она не отвлекала меня больше от зубрежки.

— Ну вот еще. У тебя не получится откосить. — она обвиняюще тычет в меня пальцем. — Если дело только в одежде, я сейчас откопаю тебе офигенское платье. И попробуй только в нем не пойти.

Я с любопытством оборачиваюсь. Людка зарывается в наш шкаф и по очереди выуживает оттуда пестрые лоскутки ткани, отдаленно напоминающие то, что она ищет, потому что на них слишком мало материи. Наконец, выныривает с ярко-алой тканью в руках.

— Не-е-е, я такое не одену!

— Оденешь! — безапелляционно заявляет подруга.

— Оно красное!

— И это его плюс, поверь.

Откосить не получилось, конечно. У Людки и мертвый встанет и пойдет выполнять ее поручения.

Оргкомитет в лице Людки, приплел меня к организации ретровечеринки. Ее вечный двигатель никак не мог удержаться на одном месте, поэтому она участвовала в студенческой жизни везде, где только можно.

Подготовка к грандиозной вечеринке занимала все свободное время, а оставшееся я посвятила подготовке к зачетам и экзаменам. После которых следовало целое лето каникул. Но и тут меня ангажировала Людка. Она записалась на практику в гостиницу на черноморском побережье, уговорив и меня. Эта девушка с неумной энергией, всегда могла уболтать меня на безумные и рискованные поступки. Вот, также она уговорила меня помогать в приготовлении ретровечеринки.

Мы прибыли на пати в самом разгаре. С моими отговорками мы значительно опоздали к началу. Да еще, как в заколдованной сказке, на наше появление в зале выключилась музыка. Кто-то по инерции продолжил танцевать, а кто-то остановился в непонимании.

Людка, конечно же, понеслась выяснять, что случилось. Обнаружились неполадки со звуковой техникой. И конечно же, мне пришлось бегать вместе с Людкой, искать запасные шнуры, потому что старые полетели.

Когда, наконец, я нашла где присесть, у меня отваливались ноги. Не каждый день приходится бегать на двенадцатисантиметровой шпильке, в которые, меня тоже нарядила Людка и такие нагрузки мне точно противопоказаны.

Я пробегаюсь взглядом по толпе, скучающей в ожидании музыки. Кругом мелькают девчонки в струящихся подолами, летящих, пестрых, платьях, кто-то даже выбрал

рискованное мини в стиле бэби-долл.

Парни, чуть более расслабленно выбирали прикид на этот вечер. Абсолютное большинство в неизменной классике — темные брюки и белой рубашке. Из этого большинства выбилась одна группа парней. Старшекурсники. Их "верх" и "низ" сочетались в немыслимых цветовых комбинациях: голубой и коралловый, фиолетовый и охра, насыщенно-зеленый и красный. На их фоне выделяются светлые брюки и лимонно-желтая рубашка, простой черно-белый галстук в косую полоску, расслабленно болтающийся на шее Радима.

Наверно, тогда я влюбилась в него по-настоящему. Ему так шел этот образ. Высокий, стройный, неизменно непокорные вихры на голове, плутовской взгляд и чеширская улыбка, не сползающая весь вечер.

А я еще не хотела идти на эту вечеринку! Стоило пойти только, чтобы полюбоваться им со стороны.

Он крутился у диджейского пульта, о чем-то шепчась с парнем, ответственным сегодня за музыку.

Людка плюхается рядом, я поворачиваюсь к ней, отрываясь от интересующего меня вида.

— Все, миссия выполнена. Теперь можно и потанцевать.

Я делаю страшные глаза. Она еще собралась танцевать!

Музыка начинает играть. И я узнаю "Леди в красном" Криса де Бурга. Я улыбаюсь Людке.

"Медляк" — произношу я одними губами. Она закатывает глаза и откидывается на спинку сидения.

Да! Мне начинает нравиться здесь. Я, наконец, расслабляюсь. И Людка теперь не убежит танцевать.

Она мило щебечет и резко прерывается на середине фразы, округляя глаза. Я немного поворачиваю голову, чтобы посмотреть, кто к нам подошел и недоумеваю. Потому что ко мне пригласительно протянута рука, обтянутая лимонно-желтой манжетой.

— Потанцуем?

Вау, меня пригласил на танец, да не кто-нибудь, а сам Радим Красновский!

Я подняла взгляд. На его лице ни тени сомнения. И задорная улыбка на губах.

Людка пихнула меня в бок поторапливая. Даже времени на раздумья не дают, с двух сторон напирают.

Я вложила свою руку в протянутую ладонь и тут же была вытянута с места, и вовлечена в медленный танец.

Ох, надо же, как же он высок. На каблуках я почти дотягиваюсь до него, но он все равно еще на сантиметров десять выше.

Стоит только немножко поднять голову, посмотреть в его лицо.

Глаза в глаза.

Темная пучина карих глаз, затягивает. Он не улыбается, с серьезным лицом ведет в танце, легко и непринужденно, давно заученными и отточенными движениями. Просто следовать за ним, опираясь на его плечи. Я позабыла про ноющие ноги и непривычно высокие каблук. Я просто танцевала, отдаваясь моменту, забыв про окружающих, про все на свете.

Меня окутывало волшебство приглушенного света и зайчиков диско-шара по стенам,

завоораживающей мелодии и внимательного взгляда, направленного на меня.

Радима я знала с первого курса универа. А как же, активист, любимец преподавателей, да и просто "душа компании", вокруг которого постоянно роились девчонки. Но по настоящему мы познакомились только сейчас.

Так совпало, что мы учились в одном универе на разных курсах. Он — старшекурсник, выпускник, я — курсом младше.

Конечно, я была наслышана про Радима с первого курса. Высокий, широкоплечий, обаятельный красавчик, с вечными смешинками в глазах и заразной улыбкой, не мог не будоражить умы девчонок. Было на что купиться — карий омут его темных глаз, непокорные вихры каштановых волос, волевой подбородок и полные губы, всегда растянутые в усмешке.

После этого танца он так и называл меня "Леди в красном".

Потом, когда на следующий день он подловил меня у универа и позвал прогуляться, я не смогла отказаться. Мы бродили часами по городу, а потом уставшие сидели в кафе и много говорили. С ним было хорошо и весело. Та весна была чудом, сказкой. Он красиво, ненавязчиво ухаживал. Помогал с подготовкой к экзаменам, хотя больше отвлекал своим присутствием.

Летом, после экзаменов, нас ждало расставание. Людкина практика, как я корила себя, что согласилась на нее. Нашла бы что-нибудь поближе. Мне казалось, что разлука автоматически означает неизбежное прекращение отношений. Я так и уехала, не решившись сказать ему.

А он нашел меня на Черноморском побережье. Заселился в гостиницу, где я работала аниматором и уже больше не оставлял меня. Именно там, случился наш первый поцелуй.

А через год, весной, когда природа начала оживать и на деревьях появились первые листочки, он сделал мне предложение.

Сейчас

Минут десять кручу в руках телефон. Никак не могу решиться на звонок.

Сегодня звонили из банка, напомнили о просрочке по ипотеке. Неужели Радим забыл заплатить? Такое представить сложно. Он внимателен в своих обязательствах.

Мне нужно позвонить ему. Узнать причину, но я никак не могу решиться набрать его номер.

Вдох-выдох. Это, все же, придется сделать. Набираю и слышу гудки, женский голос сообщает, что абонент вне сети. Странно. Обычно Радим всегда на связи.

Набираю в мессенджер. Сообщение отправляется и не доходит. Неужели в черный список меня добавил?

С памятного приезда Радима прошла уже пара недель. Я стараюсь не считать дни с расставания. Но в голове они сами складываются во все более длинную цифру.

Он не звонил, не напоминал о себе. Я тоже не считала нужным ему звонить. Развод можно оформить через госуслуги, и если он соберется это сделать, мне придет уведомление. Пока пусто.

Телефон в руках продолжает крутиться, словно спиннер. Я прикидываю, покупать ли духи, которые присмотрела еще в прошлом месяце. Или заплатить за ипотеку? По всему выходит, что на Радима я не могу надеяться.

Теперь все самой и коммуналка, и покушать. С тех пор как Радим ушел я перестала готовить. И практически не питаюсь дома. Мне проще поужинать в кафе, чем что-то готовить. Появилась куча времени по вечерам и я не знаю, куда его деть.

Я перевожу взгляд на стену, там стоят наши свадебные фотки. Красивые, счастливые. В тот день, казалось, вся жизнь впереди, рядом с любимым и любящим мужем и она будет такой же счастливой всегда!

Я глубоко вздыхаю, чтобы прогнать эту тоску, что накатила, сжимая внутренности.

Теперь я сама для себя счастье. Мне нужно искать новую работу. Налаживать свою холостяцкую жизнь.

Я начинаю привыкать к одиночеству пустой квартиры. Единственное к чему я не могу привыкнуть — это к холоду пустой постели.

Я заставляю себя как и прежде ходить на работу — единственная стабильность в данный момент, теперь она мне жизненно необходима.

Работа у меня не напряжная. Сиди и собирай статистику по всем предприятиям сети магазинов. И передавай аналитикам. Не очень высокая зарплата, мне хватало на всякие женские мелочи, крупные покупки всегда оплачивал муж.

А пока не нашла новую работу, где же взять деньги?

Свой диплом по туризму и гостиничному бизнесу я забросила сразу же, как вышла замуж, а зря. Сейчас я понимаю всю беспечность своего решения.

Закидываю свое резюме на популярные сайты вакансий. Нужно же с чего-то начинать. Послужной список у меня коротковат. Пару лет на одном предприятии. Н-да негусто.

Телефон в руках раздражается трелью звонка.

Людка звонит. Как всегда в ее жизни какой-то движ. Не то, что у меня — стылое болото. Даже работу не могу найти стоящую.

— Ты не поверишь! Моя миняшечка, сейчас, с геликом поцеловалась. Ни за что не угадаешь, кто был за рулем! Говорит, не заметил меня! Меня! И не заметил! Представляешь? — это все она выдает на одном дыхании.

— Представляю. — спокойно отвечаю я, хотя экспрессией подруги трудно не заразиться. — И кто же был за рулем?

— Да, это твой незнакомец! Бывают же такие совпадения? Хотела познакомиться с ним, а он суровый такой — "претензий нет?", я — "нет". Отстегнул мне бабосиков "на покраску" и укатил.

— Что же ты его отпустила? — Улыбаюсь я. Этот "герой" ей явно понравился.

— Не захотел знакомиться со мной, — в ее голосе чувствуются нотки оскорбленной души.

Обычно от Людки мужики сами не уходят.

— Владелец гелика хоть жив? — оторопело спрашиваю.

— Жив конечно, за кого ты меня принимаешь? — притворно возмущается она. — Бампер немного поцарапал моей миняшечке, придется снова везти на покраску. — вздыхает она в трубку.

Улыбаюсь и качаю головой. Людка — автоледи и постоянно попадает в курьезные ситуации со своим мини Купером.

— Ну, раз все живы, давай встретимся в нашем кафе. У меня к тебе есть дело, заодно все подробно мне расскажешь.

— Оки, я уже близко. Буду ждать тебя.

К моменту моего появления в кафе официант принес Людке очередную чашку кофе. Я присаживаюсь за столик и тоже делаю заказ.

— Ты меня заинтриговала, рассказывай. — начинает подруга, видя мою нерешительность.

Я застываю в заминке.

— Люд, мне деньги нужны. Я не знаю, у кого еще можно попросить. — Чувствую себя при этом странно. Никогда не приходилось занимать у нее.

— Ты что? Конечно. Я тебя не брошу. Мы же с первого курса с тобой подруги — не разлей вода.

Такая нежная благодарность накатывает, за то, что судьба, злодейка, обделив в семейном счастье, не поскупилась на верную подругу.

— Ты не думай, это на время, пока не утрясутся мои дела. Просто я в поиске работы. С той зарплатой, что получаю сейчас, я не проживу. — смущенно отвечаю.

— А родители твои?

Я пожимаю плечами:

— Я им пока не говорила. У папы сердце, ты же знаешь. В последний раз он еле восстановился после приступа. Я боюсь им сообщать.

— Да, ситуация, действительно, сложная. На меня всегда можешь рассчитывать. И насчет работы я поспрашиваю. Найдем мы тебе хорошенькое местечко. Даже не сомневайся. — она игриво подмигивает мне.

Я улыбаюсь. С Людкой всегда просто в общении.

Мы расходимся по домам, через несколько часов. На душе легкость, как будто с меня свесили многотонную ношу.

А придя домой, я чувствую, как эта ноша наваливается вновь. Я застаю интереснейшую

картину на своей кухне.

Разуваюсь в прихожей, занятая своими мыслями. На кухне что-то гремит. Я застываю в страхе, так и не сняв одну босоножку. Запахи готовящейся еды успокаивают. Неужели мама приехала без предупреждения? Подхожу к кухне. Нет, не мама. Точнее, мама, но не моя. На кухне хозяйничает свекровь. Что она здесь забыла?

По первой ее фразе я понимаю что.

— Вот, кушать тебе готовлю. Приехала, смотрю, холодильник пустой. Думаю, дай-ка вкусенького приготовлю, для Мариночки. А то исхудала поди.

Подозреваю, неспроста этот неожиданный визит.

Разглядываю свою кухню. На плите исходя дивным ароматом сочно жарятся пирожки. Что-то неопознанное булькает в кастрюльке. Ну и весь вид кухни говорит, что это еще не конец.

Неужели она знает о нашем расставании с Радимом? Иначе откуда такой энтузиазм в заботе о моем здоровье. Никогда не интересовалась. Значит, Радим ей рассказал. Осторожно начинаю выпрашивать.

— Анна Николаевна, как же вы здесь... оказались?

— Пришла проведать тебя, как видишь.

— А в квартиру, как попали?

— Как, как. Сын мой, отдал ключи свои. Сказал, зайти посмотреть, как ты живешь.

Она вздыхает. Продолжает, не дожидаясь моего ответа:

— Что ж ты, бедочка такая. Ты разве не знаешь, что мужа нужно держать при себе и привязывать всеми возможными способами?

Я хмурюсь. Только этого в моей жизни еще не хватало. Я, конечно, в хороших отношениях с мамой Радима. Но, все же, не привыкла вот так встречать гостей. Когда гости, собственно, сами в дом попадают и хозяйничают. Я чувствую себя неудобно. словно мою крепость открыли всем ветрам и гуляй кто хочешь.

— Да ты не смущайся так. Я ж с благими намерениями. Проходи присаживайся.

Отлично. Теперь мне можно присесть за свой стол. Да и благими намерениями, как говорится...

— Я, конечно, вам благодарна, но мы с Радимом сами разберемся. И зачем его держать? У него теперь другая... семья. — вымученно заканчиваю.

— Да, какая она ему семья? Шалава эта. Влезла в такую дружную, крепкую семью и все растоптала своими мерзкими каблучищами. — внезапно выговаривает свекровь, выпуская на свет все, что копилось.

— При чем тут каблучки? Разве возможно влезть в действительно крепкую семью? К тому же у них ребенок будет, — обречено заканчиваю. Не то, что у нас. Пять лет ждали "подходящего времени". Я уже хотела снова поднять эту тему, поговорить с Радимом. Но поздно. Уже все случилось с другой женщиной.

Анна Николаевна выкладывает на стол жареные пирожки, клубничное варенье. Наливает чай. Я сыта. Только что в кафе отужинала. Ловлю ее строгий взгляд "чтоб все съела", точно такой же, как у моей мамы. Обречено беру один пирожок. Ну, ладно, не поем, так покусаю.

— Во-от, кушай, милая, нам еще Радиму нужно деточку родить, здоровенького.

Я чуть чаем не поперхнулась! Невозможно же быть такой непробиваемой.

— Вы, наверно, забыли, мы с Радимом разводимся. И я не беременна, между прочим.

— Тю, кто ж вам даст развестись. А с деточкой вопрос решаемый.

Я аж задыхаюсь от возмущения. Кладу пирожок на место. Смотрю на него сочувственно. Не судьба значит.

— А кто нам помешает? Мы взрослые люди и заявление можно подать, даже не заходя в ЗАГС.

— Ну, что ты, зачем же сразу разводится? Радим же любит тебя! — последний аргумент, на мой взгляд, совершенно лишний.

— Когда любят — не изменяют и не заводят детей от других женщин! — Не выдерживаю я, выплескивая наболевшее.

— Пойми, у Радима не все гладко на работе, нужно просто потерпеть, подождать. Он вернется и все наладится.

Господи, она понимает, что говорит? Мне этот разговор уже напоминает разговор немого с глухим. Как будто мы говорим о разных вещах.

Меня взрывает:

— Как вы не понимаете? Он сам! Сам! Ушел от меня к другой! Что я должна терпеть? У нас общего только бумажка о браке и эта квартира, все! И это исправимо. Квартиру можно поделить, бумага вообще перестанет что-либо стоить после развода. Ни детей, ни еще какого-либо имущества, связывающего нас, больше не останется.

Анна Николаевна поджимает губы. Она явно не ожидала от всегда такой спокойной меня этой тирады.

Больше не могу терпеть ее нотаций и бессмысленных наставлений. Ухожу в спальню. Привести в порядок пульс и взбесившееся сердцебиение.

Когда остываю, мне становится неловко за свое поведение и несдержанную реакцию. Но чувствую, что бесполезно мусолить эту тему по кругу. Не моя вина, что Радим решил загулять на стороне. Я была хорошей женой, и секс у нас был регулярный. Я не верю в эту чушь, что в измене мужчины виновата женщина. Если какая женщина и виновата, то это точно не жена!

Через время Анна Николаевна заходит в спальню.

— Не сердись Мариночка, мне больно смотреть, как вы страдаете. — говорит она примирительно.

Я глубоко вздыхаю, убирая вставший в груди болезненный ком. Отхожу к окну, чтобы отвлечься и не сорваться опять на этой взрослой, одинокой женщине.

— Когда мой Лешенька, покинул этот мир, я поняла, насколько тяжело в жизни без мужчины. Приходится все самой тянуть. И ребенка, и дом, и работу. — немного помолчав, она продолжает. — Я тебя не тороплю, но подумай хорошенько и прими правильное решение. Не руби сгоряча. Эта наглая девка еще сама отвалится, как пиявка, когда поймет, что просчиталась с Радимом, а вы с ним так и не склеите свое семейное счастье.

Когда свекровь уходит, я снова остаюсь одна, продолжая крутить в голове ее слова.

Радим страдает? Сомневаюсь. Он с такой легкостью ушел, оставив пять лет брака выброшенными в корзину.

Забывать бы все, как страшный сон. Но память безжалостна и немилосердна. Она помнит все хорошее, что было между нами и категорически отказывается от остального.

Просыпаюсь оттого, что на телефон сыпятся сообщения. Один за другим. Так не хочется

выныривать из объятий сна. Жду, что трель сообщений закончится и можно будет еще поспать. Но она так и не прекращается. Не выдерживаю. Нашариваю телефон на тумбе.

Почти час ночи! Кому не спится?

Просьпаюсь оттого, что на телефон сыпятся сообщения. Один за другим. Так не хочется выныривать из объятий сна. Выглядываю одним глазиком. За окном еще темень. Жду, что трель сообщений закончится и можно будет еще поспать. Но она так и не прекращается. Не выдерживаю. Нашариваю телефон на тумбе.

Почти час ночи! Кому не спится?

Может с Людкой что-то опять случилось? Но увидев абонента, застываю с занесенным над строчкой уведомлений пальцем.

Это Радим.

Оказывается от него висят еще несколько пропущенных звонков. В задумчивости вожу пальцем по экрану, не решаясь разблокировать.

Странно. Что ему понадобилось в столь поздний час? Не все вещи забрал? Я даже не заглядывала на его половину шкафа. Просто не открывала ее.

Откидываю телефон как ядовитую змею. Эмоции сменяются, как на карусели. Любопытство — что там случилось? Отторжение — не хочу знать даже. Гнев — не мог другое время выбрать для звонков? Страх — а вдруг что-то плохое случилось. На последней меня и срывает.

Я хватаю телефон. Сердце бешено колотится от адреналина, впрыснувшегося в кровь.

Последним висит сообщение:

"Марина ответь, нужно поговорить..."

И весь мой запал тут же сдувается.

Но о чем?! Еще не все сказал? Развод?! Так не терпится? Ну да, у них, наверно, горит. Она хочет выйти замуж до рождения, как честная женщина. Такая обида берет от этих мыслей. Как же так? А следом злость. Что для меня, он поскупился счастьем быть любимой, воспитывать своего малыша? А для нее все это отсыпал?

Телефон больше не разрывается от бесконечной трели сообщений. Но я теперь не могу уснуть. Перезвонить ему, рука не поднимается. Я так себя накрутила, что руки дрожат. Меня все еще гложет обида. Оставляю как есть. Захочет, еще раз позвонит.

Еще пару часов я ворочаюсь в постели, стараясь уснуть. Не получается. Встаю. Сегодня утро вышло очень ранним.

Плетусь на кухню. Анна Николаевна, конечно, расстаралась. Наготовила как на роту. Мне столько не съесть. Вчерашние, непробованные пирожки, сегодня вызывают отторжение у желудка. Отодвигаю их подальше от себя. Собираю всю эту гору жаренных "бочков" в пакет. Раздарю дворовым кошкам. Бедняги будут рады такому пиршеству.

Обязательный утренний ритуал — пройти по всем соцсетям и проверить почту.

Прекрасные новости ждут меня на электронке. Приглашение на собеседование в двух фирмах, поднимают мне настроение. Как хорошо, что разное время и я успею на оба.

Ради такого дела можно взять отгул на работе. Пишу в мессенджер нашей кадровичке Леночке. Она обещала мне в любое время возместить недогуленные дни отпуска.

Жизнь налаживается и хочется петь и танцевать. Но памятуя о прекрасной слышимости квартир, включаю тихую музыку, мурлыкая себе под нос. Есть время подготовиться к собеседованиям.

И никакие звонки от Радима не заставят меня отвлечься от своей цели.

***

Иду по летнему городу, вдыхая неповторимый запах тепла и свежестриженного газона. Неспешно плывут облачка по прозрачно-голубому небу. Полупустые улочки, близится обеденное время.

Людка сегодня снова на суперважных переговорах. И некому составить мне компанию. Даже на обед ее не вытащить.

После провала на двух собеседованиях успокаиваю себя мороженым. Где, что я сделала не так? Ну да, резюме не очень обширное. Но я молода, обучаемая, трудолюбива. Опыт работы им нужен в их сфере. Кривлюсь. Такие дотошные HR-менеджеры в обеих компаниях. Ну, их к эльфам! Буду искать дальше. Найду работу в другом месте.

Накатывает дикое желание кардинально изменить все в своей жизни! Поменять стиль в одежде, прическу. Даже место жительства. Вот когда я жалею, что не сама съехала с квартиры, где все напоминает мне о совместной жизни с Радимом.

Если с новым гардеробом пока заминочка выйдет, то прическу я точно могу поменять. Хочу свой колорированный светлыми прядями темно-русый, длиной немного ниже плеч превратить в кардинально противоположное.

Стоит лишь найти приличный салон. Здесь, в центре они на каждом шагу. Первый же попавшийся встречает меня длинной очередью ожидающих. Минуя еще несколько, также забитых "по записи" салонов, сворачиваю на узкую улочку. Скромная вывеска салона "У Марины". Должно быть это знак.

Колокольчик над дверью звенит, оповещая небольшое помещение о моем приходе. Две импозантные женщины в возрасте, сидящие в "сушке", поворачивают голову на мой приход.

— Садись деточка, — говорит одна из них, — сейчас наша Светочка подойдет и поможет тебе.

Я оглядываюсь вокруг. Аккуратно, чистенько, уютненько, камерно.

Через несколько минут из служебной двери выпархивает девушка с ярко-красными волосами, Светлана — на бейдже. Приглашающе кивает на парикмахерское кресло.

После недолгих расспросов я выбираю кардинально темный оттенок для себя и стрижку. Коротко. Светлана предлагает мне добавить ярких прядей. Я соглашаюсь.

Я погружаюсь в блаженную негу манипуляций с моими волосами. Всегда люблю делать прически. Когда Света заканчивает и разворачивает кресло к зеркалу, я не узнаю себя. Теперь эта дерзкая, яркая брюнетка с амарантовыми прядками — это я!

Сюда, само собой, напрашивается новая сумочка и новые босоножечки. Божечки как же удержаться от лишних сейчас трат.

Я горячо благодарю Свету, это то, что мне нужно было. Пожалуй, теперь это будет любимым моим местом, нужно его запомнить.

Перед сном, листая сообщения, натыкаюсь на уведомление из банка. То-очно, ипотека. За поисками работы, и собственно, своей нынешней работой, я совсем забыла о ней. А Радим звонил ночью! Пока я полна решимости и азарта набираю его номер, но девушка на том конце сообщает, что абонент вне сети. Это уже не смешно. Такая злость берет.

Сообщения от мужа так и висят не прочитанными.

Нажимаю "удалить ветку". Не хочу знать, что он мне написал.

Звонок от мамы разрушает все мои наполеоновские планы по "завоеванию" рынка труда.

Она сообщает, что отцу плохо. У него снова приступ. Леночка, наверное, уже посидела за мои отгулы, но я не могу иначе. Здоровье отца для меня важнее всего.

Я мчу в родной город. На рейсовом автобусе это не так-то быстро. Два часа по кочкам и ухабам разбитой междугородней дороги. Оказывается, я отвыкла от не комфортности передвижения автобусом и частому отсутствию сидячих мест. Радим всегда возил меня к родителям на своей машине. Сейчас меня охватывает давно забытое чувство — ностальгия по студенческим временам, когда я, вот также, ездила домой на выходные.

Пока я еду, в груди не перестает трепетать беспокойство за моего самого близкого и родного человека. Вопреки мнению, что девочки мамины, я выросла папиной дочкой. Папа всегда лучше меня понимал. В спорах с мамой вставал на мою сторону. Мама считала, что дочь нужно воспитывать в строгости и держать в ежовых рукавицах, а папа всегда холил и лелеял, как нежный, всегда любимый цветочек.

На пороге меня встречает мама. Она делает знак "тише".

— Отец отдыхает, — предупреждает она, провожая в гостиную, — Боже, что ты сделала со своими волосами? — тут же атакуя вопросами.

Мама не могла не заметить смену моей прически. Пожимаю плечами. Мне так захотелось. Кручу головой, чтобы она оценила весь образ. До сих пор не могу привыкнуть к легкости, которая появилась после стрижки.

Мама округляет глаза, заметив окраску, качает головой. И снова шепотом:

— Марина! Почему мне звонит Анна Николаевна и сообщает, что Радим ушел из дома. Ты, что его выгнала?!

Мама как всегда. Строит самые невероятные догадки.

— Мама, конечно же, нет! Как ты могла так подумать?!

— Что происходит тогда? Почему вы не живете вместе, и почему Анна Николаевна говорит, что ты не хочешь возвращать Радима?

Ох, уж эта Анна Николаевна. Я вздыхаю. На плечи наваливается такая тяжкая безысходность. Теперь понятно, почему папе стало плохо. После таких новостей немудрено. Ведь он всегда переживал за меня.

— Мам, — я устало тру виски, — Он к другой ушел... И она беременна.

Мама садится со мной рядом на диван. Участливо сжимает ладонь.

— Беременность посторонней девки еще не повод отпускать мужа.

Они, что сговорились со свекровью?

— Мама! Услышь меня, пожалуйста. Он к любовнице ушел, у них семья.

Мама недовольно морщится.

Звук шаркающих шагов заставляет нас прерваться. Папа появляется в гостиной, спасая меня от дальнейших расспросов. Я кидаюсь к нему.

— Ну, папа, зачем ты встал, тебе нужен покой и лежать.

Он тяжело оседает в кресло у двери и вымученно улыбается. Сердце сжимается, когда я вижу, как ему это трудно дается.

— Да, проснулся, слышу голос твой, на радостях вот и подскочил. Давно ты в гости не

приезжала, доченька. Соскучились мы.

Как меня умиляет, эта папина привычка. Он до сих пор говорит про них с мамой "мы". Мама уже хлопочет рядом с отцом.

Такая нежность заполняет сердце. Как возможно пронести свою любовь сквозь терни прожитых лет и выпавших на их долю испытаний?

Я помню папу до того, как его подкосила болезнь — бравым, крепким мужчиной, который катал меня на плечах. Рассказывал удивительные истории и кормил мороженым в нашем парке.

Счастливое, беззаботное детство, когда небо всегда было безоблачным, а проблемы легко решались, стоило только с ними прийти к папе. И дом у меня всегда ассоциируется с папиным заразительным смехом и маминой хмурой улыбкой, когда невозможно удержаться от отеческих шуток-прибауток.

— Как ты, папуль? — я по привычке глажу его руку, присаживаясь на подлокотник его кресла.

— Держусь пока. Прическу сменила, — улыбается папа, — мне нравится, тебе очень идет.

Как я люблю своего папу. Даже в тяжелые минуты он найдет добрые слова.

— Врачи сказали, нужно срочно обследоваться, — мама как всегда — сразу к делу.

— Ну, что ты, Верочка, — пытается урезонить ее папа.

— Но ты же знаешь, своего отца, он категорически отказывается. Хоть ты повлияй на него. Он же совершенно меня не слушает.

Еще одно беспокойство за родного человека в копилочку моих переживаний.

— Папуль, давай ты все-таки пройдешь все нужные процедуры, — говорю я мягким голосом и смотрю на папу укоряюще.

Он и сам уже все понимает. Перед дочкиными жалобными глазками он не может устоять. С тех пор как выросла, я стараюсь не пользоваться этим преимуществом. Но сейчас, другой случай, когда отец действует во вред себе, я не могу не воспользоваться всеми возможностями.

— Я ж, не против, дочка. Только они хотят, меня на свою больничную койку заманить. А это, уже другой разговор. Понимаешь?

Я обнимаю отца за шею, применяя "запрещенный" прием дожимая:

— Я все знаю, но и ты пойми, нам ты нужен здоровым и крепким. Как мы без тебя?

— Ну, хорошо, — сдается он.

— Нам уже сказали, готовить деньги, некоторые обследования платные. — сообщает мама.

— Сколько нужно, мам? — я смотрю на нее, в надежде.

Мама переводит взгляд на отца, поджимает губы, но все же отвечает.

— Конкретной цифры никто не называет. Мы рассчитывали на вашу с Радимом помощь.

Здесь, мне нечего ответить. Как опрометчиво я стерла все его сообщения. Стоит лишь, винить себя, за недалёковидность.

— Про Радима я не знаю... Не могу до него дозвониться. — начинаю я неуверенно. — У нас еще долг по ипотеке висит.

— А он заходил тут, неделю назад, ни словом не обмолвился. Странно. — задумчиво говорит папа. — Обещался помочь.

Я вскидываю голову, неверяще глядя на папу:

— Радиму, вы, неделю назад сказали, а мне только сейчас?

— Мы же не знали, что вы не общаетесь, — оправдывается мама.

"Не общаетесь", так завуалировано мама сказала о нашем расставании.

— Ты могла бы тоже, нам помочь, ты нам дочь или не дочь?

— Мама, я работу сейчас ищу, на мою старую зарплату я даже платеж за ипотеку не могу погасить.

Мама, снова, недовольно отворачивается.

— Не переживай, дочка, если что Сашку попросим. Наладится все.

Сашка это папин брат. Если кто и может помочь, то это он.

Домой я возвращаюсь в раздразе, полном смятении чувств и беспокойстве. Так хотелось остаться еще немного рядом с отцом. Переживания за его здоровье, так и не отпускали. Но нужно выходить на работу, такую нежеланную, но такую необходимую, сейчас.

Следующий день начинается недобро. Новости на моей работе распространяются фантастично. Как-то прознали, что я ищу новую работу. Понимаю это, когда мой босс, Дмитрий Владимирович, голубоглазый брюнет и любимец всея женского коллектива нашей фирмы, вызывает к себе, в начале рабочего дня. Полчаса песочит за несуществующие косяки, а потом недвусмысленно предлагает "подработать".

Думал я соглашусь? Вот уж, не на ту попал. Нужно быстрее искать замену этой работе. Все более неприятно становится находиться в таком коллективе.

Возвращаюсь от босса вымотанная, сажусь за свое рабочее место. Аня, Таня и Соня за соседними столами оживают. Эти три подружки — не разлей вода, начинают наперебой выспрашивать подробности. Зачем и почему вызывал босс? Их любопытство несколько напрягает. Все встает на свои места, когда Анечка проговаривается, что прошел слух, якобы начальник хочет предложить мне повышение. Ах, теперь "это" так называется? "Повышение". Даже не хочу больше знать, что подразумевает под этим словом начальство.

Кумушки не отстают, вспоминают, что сегодня у меня знаменательная дата.

Да сегодня была бы, пятая годовщина с нашей свадьбы с Радимом. Выспрашивают, где будем отмечать и с кем. Пятница, у всех не рабочее настроение, что ли? Говорю, что отмечаем в узком семейном кругу. Не отстанут же. Смеются. Желают горяченькой ночки. Вот уж вряд ли. Быстро переключаются на другие темы. Уже обсуждают планы на выходные. С ужасом думаю, что у меня-то планов нет и ждет пустая квартира.

В обед убегаю в кафе на соседней улице. Обычно здесь не обедают кумушки, потому что средняя цена выше, чем в кафешке напротив офиса, но мне это на руку. Хочу поговорить с подругой без лишних ушей. Звоню Людке. Мне остро, как никогда, нужна ее поддержка.

Всего через пару гудков слышу веселый голос:

— Подруга, сегодня пят-ни-ца! А это значит что? Правильно. Я всю неделю пахала, как обезьяна, теперь хочу превратиться в че-ло-ве-ка! Я хочу в клуб! И ты идешь со мной. Завтра суббота, у тебя выходной! Отговорки не принимаются.

— И в мыслях не было! — радуюсь я, — В чем мы сегодня с тобой совпадаем — это в желании отдохнуть!

— Да! Я хочу оттянуться на полную катушку. Задолбали уже, все эти переговоры и совещания. Я знаю, тебе это тоже нужно. Так, что заеду за тобой вечером. Готовься.

Людка в курсе сегодняшней даты. Поэтому ни словом не обмолвилась о ней и даже подготовила увеселительную программу. Как я благодарна ей за это. Она всегда меня чувствовала больше других.

А друзья в соцсетях, напротив, весь день поздравляют с деревянной свадьбой, а самые оригинальные с юбилеем. Настроение скатывается ниже некуда. Греет мысль, что вечером встречусь с Людкой.

Забыться бы и стереть из памяти, все эти, пять лет, как карандашный рисунок с бумаги.

Обед слишком быстро кончился. Я отправляю в корзину все таблицы за прошлую неделю. Нужно все переделывать по новой форме, что прислали вчера.

Если бы все в жизни было так же легко исправимо, как нажатие кнопочки делит.

Я настолько зарываюсь в мир цифр, что забываю про время. В шесть часов звонит Людка:

— Ну, я так и знала, что ты закопаешься на работе. Наверно, опять, последняя сидишь в офисе. Я жду тебя на парковке, возле вашего офиса.

У моей подруги явно есть экстрасенсорные способности, иначе откуда она знает?

Я поднимаю глаза от монитора, оглядываюсь. Действительно, все уже разбежались по домам. Огромное помещение опен спейса опустело. Вечер пятницы. Лето. Никому не хочется лишний часочек проводить в душном здании.

Я выключаю комп и бегу на парковку. Все подождет. Чувствую, как настроение летит вверх, в предвкушении отдыха и веселья. Улица встречает мягкостью теплого вечера и заигрывающего ветерка. На пустой парковке одиноко стоит Людкин Мини Купер. Подруга на водительском, подкрашивает глаза.

— Уже наводишь красоту? — залетаю я в салон миняшки.

— Не теряю время, — разводит она руками с тушью в одной и палеткой теней в другой. Она прячет их в бардачок. — Я почти готова, осталось собрать тебя. — подмигивает она недокрашенным глазом.

Я прыскаю и безудержно хохочу, настолько комичным кажется ее незавершенный образ.

Мои сборы заняли чуть больше времени, чем планировалось. Уже давно стемнело и включились фонари.

Я бегу на своих шпильках к такси. Мне так захотелось сегодня, быть на высоте.

Быть красивой и привлекательной. Позабыть обо всем плохом, в моей жизни и настроиться на позитив.

Взгляд цепляет знакомую марку авто. Я застываю, как громом пораженная. Сердце начинает выстукивать неровный ритм. Мне кажется, это машина Радима в дальнем ряду парковки. Я хочу разглядеть номера, но они скрыты рядом стоящими машинами. Людка подталкивает меня в спину, приглашающе распахивая дверцу такси.

Сажу в машине, у дома, который по своей воле, оставил. Друг вытащил в бар. Напиться. Сегодня пять лет, нашей совместной с Маришкой, жизни. Было бы. Весь вечер гонял в руках бокал с виски, так не выпив и глотка. В голове крутилась назойливая мысль, что нужно поехать, увидеть ее. Узнать, как она?

Недоумеваю. Как же я докатился, до жизни такой?

Тру руками лицо. Вообще не высыпаюсь в последние дни. Звездец на работе и Маришки моей нет рядом.

Нежной, хрупкой, моей малышки — Маришки.

Так хочется послать все лесом. Особенно эту Лику, что так тупо навязала себя и своего ребенка. Беременность есть. Тест на отцовство есть. И все указывает на мою причастность к этому ребенку, но есть одно жирное НО. Я не помню, как это произошло! То есть Лику помню, что терлась рядом со мной весь вечер, на корпоративе в ресторане. Помню, как резко устал, от всей суеты вечера. Нашел уединенную кабинку в лаундж-зоне. А дальше как в тумане...

Марина приехала. Рядом. А сказала, что поедет к родителям. Хочет повидать перед отпуском.

Опять Лика. Рядом со мной. На коленях.

Снова тру лицо. Как я мог их перепутать? Не понимаю.

Встряхиваю головой.

Утром проснулся в своей кровати, совершенно не помня, как добирался домой. Весь день проспал. И эпизод с Ликой замылся, показавшись мутным, дурным сном.

Вечером приехала Маришка и начала нас собирать в отпуск. Упаковала чемоданы и меня на ноги поставила. Суперженщина — моя жена.

Боль за грудиной растет. Сердце, словно сковано стальным обручем. Растираю ноющее место. Как я мог с ней так поступить? С моей милой, любимой, нежной Маришкой.

Несколько недель нашего безоблачного счастья на острове Корфу пролетели как один миг.

В первый же рабочий день явилась Лика с претензией, что носит моего ребенка.

Две недели же только прошло. Как-то все мутно. Потасил ее в клинику, делать тест. А там говорят рано еще, только с девятой недели беременности.

Не хотел говорить Маришке об этом инциденте. Непонятно еще, мой ли ребенок? Лику поставил перед фактом, сначала устанавливаем отцовство, потом решаем, что с этим делать. Но по факту, я вижу предвкушающий блеск в ее глазах. Думает я на крючке. Посмотрим. Время покажет, кто здесь хищник.

Я ждал этих, чертовых девяти недель, даже больше повышения. Но все планы разрушило одно анонимное письмо на корпоративной почте с угрозами, что семья моя пострадает, если я не откажусь от должности зама, когда мне ее предложат.

Я сразу же помчал к айтишникам, выяснить отправителя, но следы были оперативно подчищены. Хорошо, что я предусмотрительно заскринил и засунул в облако, это странное письмо. С ним и пошел к генеральному.

Тогда я еще не понимал, что маховик только начинает раскручиваться. Что за звездац начнет твориться в моей жизни.

Наш генеральный, Антон Федорович, мировой мужик, всегда топил за семью. Но именно он предложил мне кардинальный выход из ситуации, который меня изначально не устроил. Но с которым по итогу пришлось согласиться.

Гендир предложил простое решение. Он отправляет меня в командировку — на открытие нового филиала в соседнем городе, по результату которой и будет ясно, достоин ли я повышения. Давно ждал этой возможности. Упорно пахал, добиваясь этой должности. Но какой ценой мне дается она. Мне нужно расстаться с Маришкой, на время этой командировки. Сделать видимость, что с женой мы не семья.

Я не хотел расставаться с Маришкой, даже в шутку, даже на чуть-чуть. Это разрывало мне душу, и решение далось нелегко. Я должен был на время служебного расследования, разорвать все связи с женой. Сделать вид, что, в самом деле, ушел. Чтобы отвести угрозу от нее.

И надо же было такому случиться. Совершенно не ожидал встретиться в клинике на следующий день после "разрыва". Увидел ее и не сдержался, примчался к Маришке. Ждал у дома, как побитый пес. А она с этим хлыщем прогуливается! Тогда-то, мои тормоза и слетели. Хотелось втащить ему. Адреналин, вперемешку со злостью, бурлил в венах. Не понимаю, как сдержался. Маришка за спиной и ее робкая просьба, остудили, затапливая вены другим гормоном, тем, что отвечает за все мои нежные чувства к ней.

Хотел все рассказать, раскаяться в тот же день, но сдержало слово, данное Антону Федоровичу, что все останется в секрете, на время служебного расследования. Во избежание утечки информации.

Не хотел пугать Маришу, тем трешем, что творится в моей жизни, но сделал, только хуже. Уверен, трудно будет вернуть доверие любимой жены, но я сделаю все от меня зависящее и даже больше. Наизнанку вывернусь, но добыю ее снова.

Да, я хочу загладить вину, всеми возможными способами. Только простит ли меня моя упрямая жена? Все еще жена, она не подала на развод. И это дает надежду.

Много позже, я узнал, что все мои счета заморожены на время служебного расследования. Сам я пользовался корпоративной карточкой и не знал, что моей Маришке пришлось нелегко. Теперь, когда я вернулся, все исправлю.

Откидываю голову на подголовник, смотрю на окно нашей спальни, Свет в нем гаснет. Наверно Маришка легла спать. Как же не хочется ехать на съемную квартиру. В ее одинокую пустоту.

Я вымотан. Глаза закрываются. Не замечаю, как проваливаюсь в сон. А когда просыпаюсь, часы показывают половину второго ночи. Выхожу из машины. После тесноты салона хочется размяться.

Заспанный сосед гуляет с собакой. Мы знакомы, перебрасывались парой фраз. Он зовет собаку домой. И я сам, не понимаю как, спешу к подъезду, чтобы зайти вместе с ними. Сосед с собакой выходит из лифта этажом ниже, а я продолжаю подниматься. Дверцы скрипят разъезжаясь. Выхожу на площадку. Сердце колотится в предвкушении. Сейчас, наконец, за долгое время увижу Маришку. Нажимаю звонок. Один, два, три раза. Тишина.

Сижу у нашей двери, на пороге, потому что ключи я отдал матери. Жду Маришку. Сегодня пришли результаты теста на отцовство. Я бы и рад, сообщить хорошие новости, но...

Звук развивающихся дверей лифта выводит из раздумий. Моя Маришка, словно во сне, как неземная богиня, выплывает в своем струящемся, легком платье до колен. Застывает,

увидев меня. Потом вздернув свой, невообразимо прекрасный, носик проходит мимо, стуча шпильками.

Обычно такси встречает у подъезда, но сегодня кто-то заблокировал въезд во двор, и машина ждет нас на парковке за домом.

Я мешкаю, но, все же, протискиваюсь в тесный салон такси, пропахший автомобильным ароматизатором. Продвигаюсь дальше по заднему сидению, давая возможность Людке запрыгнуть следом, не обходя машину. Я оборачиваюсь, тщетно пытаюсь рассмотреть машину со знакомым силуэтом через заднее стекло. Но сквозь него вообще невозможно угадать, даже, кто сидит за рулем. Сумерки сгущаются, делая все темные машины одинаково черными, мешая определить цвет.

Такси трогается, отдаляя меня все дальше от возможности хоть что-то разглядеть. Я провожаю взглядом, скрывшуюся за поворотом парковку. Людка, заметив мой интерес, тоже смотрит назад, потом переводит взгляд на меня:

— Что ты там увидела? — интересуется она обеспокоенно.

— Да так, — я отрываю взгляд от скрывшейся за поворотом парковки. Озадаченно смотрю на подругу. — показалось, увидела машину Радима.

Почему знакомая марка авто вызывает во мне такое смятение? Я встряхиваю головой. Надо уже, отпустить всю боль, что связана с Радимом и продолжать жить дальше. Перестать думать о нем. Но как переключить мысли?

— Хочу забыть, — шепчу себе под нос, но Людка меня слышит, порывисто оборачивает меня в свои согревающие объятия.

— Прости, подруга, что не было рядом эти дни. — говорит она сочувственно, -

Обязательно забудешь ты этого гада. Вот увидишь, найдем тебе нормального мужчину и забудешь Радима, как страшный сон.

Ее слова только режут острой болью по сердцу, заставляя его обливаться кровью, незаживающей раны. Судорожный вздох срывается с моих губ. Так нелегко отпустить все переживания в один миг и не варить их в себе целыми днями.

— Я же думала наша семья навсегда, что наша любовь настоящая. А оказалось, что для него все совсем по-другому, — выплескиваю я свое наболевшее.

— Ты, что это, подруга, решила плакать? Не смей! Я не для того столько тебя прихорашивала, чтобы сейчас все испортить. Мы же даже еще не доехали и не показали всю эту красоту! — она отстраняется и окидывает нас оценивающим взглядом, игриво подмигивает.

Я улыбаюсь, промокая уголки глаз салфеткой, протянутой Людкой.

— Прости, что по большому, но мне нужно знать. Вы на развод уже подали?

— Я — нет. Думаю, Радим сам этим займется.

— Если что, у меня есть знакомый адвокат. Прости, не хотела загружать тебя сегодня. Просто имей в виду, на всякий случай. С общим имуществом он будет нелишним.

Я сижу, обтекаю. Развод. Мне еще предстоят все дразги, что связаны с этим словом.

— Да, определенно мне нужен будет адвокат. — говорю я уверенно.

Клуб встречает оглушающими басами, качающейся в ритм толпой, неоновой подсветкой, разрезающей полумрак.

Музыка заставляет вибрировать тело, зажигает в венах кровь, она несет меня в центр толпы. Людка подхватывает меня за руку и тянет за заказанный столик.

Администратор — молодой парень в стильной жилеточке поверх бордовой рубашки. Черный, лоснящийся галстук заправлен внутрь жилета. Принес меню, интересуясь, чем еще может помочь? Подруга гоняет его по карте вин. Я сразу отказалась от горячительного. В моих венах уже бурлит настроение отдыха, праздника и веселья.

Я как околдованная смотрю на танцпол. Мне и самой не терпится попасть туда. Но по Людкиной программе мы отмечаем окончание трудовой недели.

Она заказывает шампанское, словно мы сегодня отмечаем не только наступление выходных, но и мою неофициальную свободу.

Официант очень быстро приносит заказ.

— Начальник — зверь. Я устала пахать, как лошадь в постоянных дедлайнах. Вот честно, найти бы работу поспокойнее. — жалуется она.

Но я знаю, это ее минутка слабости. Отдохнет сегодня, выскажется. Уже завтра она ринется снова покорять служебные высоты. Мне бы тоже их покорять. Настрой более чем решительный. Я не знаю, чем это обусловлено. Может, расслабленной обстановкой, возможно, пузырьками алкоголя в венах.

— Для меня там ничего не нашлось? — спрашиваю я с надеждой.

Людка сочувственно качает головой.

— Не расстраивайся, подруга! Обязательно найдем тебе хорошее местечко. Я закинула удочку парочке друзей, если что наклюнется, сразу дам знать. — подбадривает она, видя мой расстроенный вид.

— Прости, опять я о своих "обезьянах". А давай найдем тебе "самца" на вечер. Пофлиртуешь, развеешься и, глядишь, забудешь... все неприятности.

"Забудешь Радима" читалось подтекстом в ее словах. Она оглядывает бар, что так удобно раскинулся напротив нашего столика. И быстро находит "жертву".

— Ох, ты ж. Смотри, какой мужи-и-ик, вон тот крепкий, широкоплечий брюнет. — она неприкрыто восхищается и пристально рассматривает его.

Я нахожу взглядом того брюнета. Ого, какой мощный. Его рубашка буквально трещит по швам на мощных плечах. Тут брюнет оборачивается.

— Да, е-мае! Борода-а-а. — разочарованно тянет Людка.

Я морщусь. Этот здоровяк скорее на лесоруба похож. Правда, у тех вряд ли такие "причесанные" бороды. Этот явно не брезгует барбершопом.

— Ну, ла-а-адно, — не сдается подруга, — а тогда тот, с противоположной стороны.

Я качаю головой. Перекачанные "самцы" не в моем вкусе. На третьем качке не выдерживаю и смеюсь:

— Ты мне ищешь или себе?

Она подхватывает мой смех и пожимает плечами, делая виноватые глаза.

За разговором я незаметно опустошаю бокал и считаю программу по "празднованию" конца рабочей недели законченной.

— Слушай. Там у бара тако-о-ой мужчина. Я должна с ним познакомиться. — неожиданно бросает Людка, вставая из-за стола. Поправляет на себе платье и походкой уверенной львицы, гипнотизируя жертву, направляется к объекту.

Я не стала высматривать, очередного здоровяка, что она присмотрела. Подруга на какое-то время занята, и теперь меня ничто не держит. Я вырываюсь на танцпол. Музыка захватывает меня и несет на волнах. Я закрываю глаза, полностью отдаваясь танцу. Как давно я не бывала в подобных местах. Пожалуй, в последний раз это случилось с мужем. Я

выкидываю эти мысли из головы. Сегодня им нет места.

Пара горячих ладоней ложится на мою талию. Я резко, в страхе, открываю глаза.

Пара горячих ладоней ложится на мою талию. Я резко, в страхе, открываю глаза. Сердце заходится неровным ритмом. Все волоски на теле встают дыбом. Адреналин затапливает вены, побуждая бежать.

Передо мной стоит такой же перекачанный самец, как показывала, до этого, Людка. Возможно, тот же самый, сложно понять. Хотя у этого борода покороче, определенно. Божечки, чем их кормят, чтобы сделать такими большими?

Тут, на мою талию сзади ложится еще одна пара горячих рук. Мои глаза, наверное, уже не могут стать еще больше. Я резко дергаюсь, желая высвободиться, но две пары рук надежно удерживают меня на месте. Я пытаюсь еще, но пленителям, мои трепыхания не доставляют каких-либо проблем, они также крепко удерживают меня.

Тот, что передо мной, мерзко скалится, наверно, рассчитывая расслабить, но добивается противоположного эффекта:

— Потанцуем, детка? — басит он.

Меня всю передергивает от этого "детка".

Я отчаянно мотаю головой.

Язык прилип к небу и отказывается шевелиться. Да мне страшно, но от страха и адреналина, мой мозг начинает работать быстрее, просчитывая варианты, соображая, как выкрутится из этой, патовой ситуации. Чужие руки плотно держат талию и нырнуть рыбкой вниз вряд ли получится. Еще противнее представлять, по каким частям тела пройдутся тогда их руки.

Страшно оборачиваться, если за спиной такой же шкаф. Я не понимаю, как выбраться из этих тисков. Звать охрану. Расшевелить бы язык. Или просто закричать?

На помощь приходит, как всегда, моя верная подруга. Как я рада ей сейчас.

— Мальчики, а позвольте ангажировать мою подругу, по секретным женским делам. — выдает она уверенно.

— Не позволим, — басит тот, что спереди, — это наша девушка на сегодня.

Мои глаза лезут на лоб. Я не хочу быть их девушкой, никогда. Я смотрю на подругу и мотаю головой.

Людка, видя мое отчаяние, не сдается. Уговаривает и угрожает вызвать охрану.

Оскал амбала не сходит с лица, утверждает, что они сами здесь и охрана, и власть.

Я тяну к Людке руку — она мое спасение, моя соломинка, я не готова отпускать ее. Мы переплетаем пальцы. Она прижимает меня к себе вплотную, отчего наш "треугольник" превращается в непонятную фигуру. Людка воинственно смотрит на амбала спереди, готовая, если что, применить все имеющиеся навыки самообороны.

Возможно, действует угроза привлечь охрану клуба, руки сзади разжимаются, и жаркое тело сзади отступает. А еще через секунду уверенный мужской голос произносит:

— Мужики, эти две прекрасные леди со мной.

За спиной подруги не могу разглядеть говорящего, но она отстраняется, и я вижу старого знакомого, которого совсем не ожидала здесь увидеть — Валеру! Как он здесь оказался? Вот это совпадение.

— А нам она ничего не сказала, значит — свободна. — басит амбал.

Тут уж я не выдерживаю, язык мой, наконец, отмораживается:

— Да, да, мы вместе... — указываю на Валеру и отчаянно начинаю отталкиваться от амбала одной рукой.

— Леди утверждает обратное, — говорит Валера, вставая к амбалу вплотную и сверля его глазами, сдвигая брови, — пойдем выйдем, обсудим. — предлагает спокойно.

— Пойдем, — соглашается амбал и, наконец, отпускает меня. Разворачивается, кивая Валере на выход.

Я вздыхаю с облегчением. Но тут же пугаюсь за моего спасителя. Хватаюсь за его рукав.

— Не ходи, — вырывается отчаянное.

Он беззаботно улыбается мне:

— Все будет хорошо, — озорно подмигивает мне и освобождает руку.

Валера конечно, крепкий товарищ, но мне за него страшновато. Тем более, второй амбал увязался следом за ними. Я провожаю взглядом троицу, попадая в объятия подруги.

— Мне нужно выйти на свежий воздух. — требую я у Людки, она тащит меня на выход причитая:

— Что-то я ступила, признаю. Нужно было сразу охрану звать. Увидела тебя, зажатую между двумя мужиками, так перепугалась и сразу ринулась в бой.

На улице свежо, прохладный ветерок развеивает волосы, охлаждает разгоряченную кожу. Дышать становится легче. Но я не вижу вышедших минутой ранее. Кручу головой. Перед клубом никого нет.

Смотрю на подругу, она пожимает плечами, отвечая на мой немой вопрос.

Я запрокидываю голову к освещенному уличными фонарями темному небу.

— Я на сегодня, пожалуй, отдохнула. Может, по домам? — предлагаю подруге. Она соглашается и убегает расплачиваться по счету.

Валера появляется из-за угла совершенно один.

— А где? — я пытаюсь подобрать слова. Он, что их раскидал?

— Остались покурить, — беззаботно отмахивается.

— Ну, что поехали? — возвращается Людка, — я такси уже вызвала.

— Отменяй такси, — командует Валера, — я вас подвезу.

— Ты же пил, — обвинительно тычет Людка.

— Не успел, — обнажает свои тридцать два белоснежных Валера, — ты меня вовремя отвлекла.

Людка подозрительно быстро соглашается и увлекает за спасителем на парковку, пресекая все мои возражения. В конце концов, я сдаюсь. Людка явно имеет виды на этого мужчину. И кто я, чтобы ей мешать?

Мы подходим к спортивному авто, подмигивающему нам хищными фарами. Судя по виду, это то самое, у которого он стоял в день знакомства на парковке. На мощном капоте знак БМВ. Это я знаю.

"Bay", — беззвучно произносит Людка, смотря на машину горящими глазами. Этот блеск я знаю. Он означает "на бордаж". Я улыбаюсь ее энтузиазму.

Валера открывает нам дверцу на заднее сидение. Людка демонстративно огибает его и запрыгивает на переднее пассажирское. Я же благодарю за столь галантный жест и приземляюсь сзади.

— Адрес? — спрашивает Валера, усевшись на водительское место, смотря на Людку.

Она демонстративно складывает руки под грудью, отчего ее провокационный вырез на груди еще больше подчеркивает выпуклые полушария и молча сверлит его глазами. Валера,

не отступает, тоже пристально разглядывает Людку, как будто видит в первый раз.

Я прерываю их молчаливые гляделки, прошу:

— Валер, ты же знаешь мой адрес. Отвези сначала меня.

Валера, не переставая играть в гляделки с Людкой, отвечает:

— Да, конечно.

Людка, вздернув подбородок, отворачивается к окну.

Лишь когда она отворачивается, я вижу заинтересованно проскользнувший взгляд по полушариям, так удобно выставленным на обозрение.

Все-таки мужики неисправимы. Валера так точно.

Мы подъезжаем к моему дому. Я, попросившись, выскальзываю из авто.

Кажется, Валера дергается выйти, но тут, басы стереосистемы взрывают узкое пространство салона машины.

Молодец Людка. Она мастер по привлечению внимания и переключения его на себя.

Я спокойно проскальзываю в подъезд. Цокот каблучков отдается гулким эхом по пустому подъезду. Лифт неспешно несет меня на седьмой этаж. Дверцы кабинки раздвигаются, я делаю шаг и застываю от увиденного.

Дверцы кабинки раздвигаются, я делаю шаг и застываю от увиденного.

На коврике у двери сидит Радим, опустив голову. Он вскидывает ее, услышав звук расходящихся створок лифта. Выглядит помятым и уставшим. Мое сердце сжимается от жалости. Он не шевелится, смотрит так голодно, так жадно. Как те кошки во дворе, которых я подкармливаю. В его глазах такой же голодный блеск. Сдается мне, он совсем по другому поводу.

Я отмираю и невозмутимо иду к двери как ни в чем не бывало. Но на самом деле я еле разгибаю колени, мне кажется, ноги сейчас не выдержат напряжения и подкосятся.

Встаю у двери, делая вид, что никто не сидит здесь с жалостным видом. Но мое сердце бешено колотится, отдавая пульсацией в ушах. Он так близко сейчас. Мне чудится, что чувствую жар его тела.

Никогда не могла пройти мимо жалобно смотрящего на меня кота, а когда такими жалобными глазами смотрит на меня муж, мое сердце сжимается, обливаясь кровью.

Но я кремень. Ничьи здесь жалобные моськи не растопят мое обледеневшее сердце. Я не покажу своего смятения. Не буду радостно встречать его. Пусть не думает, что здесь его кто-то ждал.

Я крепко сжимаю ключи, глубоко вдыхаю, чтобы усмирить пульс и твердой рукой нашарить скважину замка. Но у меня не выходит. Руки потряхивает мелкой дрожью и я никак не могу попасть и открыть дверь.

Моей ноги касается рука и мой пульс, взбесившись, подскакивает к горлу, отдавая набатом в ушах. Я застываю. Если, она поднимется выше, то почувствует дрожь моих коленок.

Рука медленно начинает ползти по внутренней стороне ноги, поднимаясь все выше. Я соображаю, как собрать мозги в кучку? все мои ощущения сейчас сосредоточены на скользящей руке и если не предпринять сейчас ничего, она скоро окажется под подолом, а этого точно нельзя допустить.

— Зачем пришел? — спрашиваю строгим голосом.

Рука даже не думает останавливаться. Ползет все выше, мягко оглаживая.

— Тебя увидеть... — говорит он с хрипотцой в голосе.

Я не могу больше выдерживать его прикосновений. Вышагиваю из плена соблазняющей руки, отстраняюсь.

— Увидел? Насмотрелся?

— Нет еще. Мало. Тебя очень мало.

Он поднимается на ноги. Встает рядом со мной, упираясь плечом в дверь. Смотрит мне в глаза. Я смотрю в его темные омуты и не могу отвести взгляд. А он не отводит свой. Глаза в глаза. Я чувствую, как он берет мою руку, держащую ключ и одним точным движением вставляет в замок. Помогая повернуть, нужных два оборота. Замок щелкает, открывая недра темной прихожей.

Радим толкает дверь, та распаивается, пропуская нас. Мягким движением он подталкивает меня в поясницу, настаивая пройти.

Радим толкает дверь, та распаивается, пропуская нас. Мягким движением он подталкивает меня в поясницу, настаивая пройти.

Его обжигающее дыхание касается моих волос и, кажется, он мурчит. Я делаю один нетвердый шаг, второй. Чувствую жар Радима за спиной. Он греет словно пламя костра.

Я поворачиваюсь к нему лицом, ложась на холодную стену, остужая воспламенившееся тело.

— Тебе лучше уйти, — говорю я протяжно. Не понимаю, что с моим голосом? Я сама его не узнаю.

Он мотает головой, прожигая взглядом из-под сдвинутых бровей:

— Не прогоняй меня, — хрипит, вставая вплотную, заблокировав меня руками с обеих сторон. Я чувствую его дыхание на своих губах. Еще чуть-чуть и не избежать столкновения.

Его такой родной запах с нотками цитрусовых и сандала, обволакивает, заставляя все рецепторы обостриться. Я буквально всей кожей чувствую его и тонкая ткань платья несколько меня не спасает.

Я отворачиваю лицо в сторону, избегая поцелуя. Мои короткие волосы проходятся по его носу, слишком близко. Не могу мыслить здраво в такой близости от него.

— Ммм. Покрасилась. Мне нравится и стрижка тебе к лицу. — мурлычет он, водя носом по шее. — И платье красивое, ты в нем как греческая богиня. Хрупкая, изящная, нежная, неземная.

Его слова льются как патока. Решил меня заболтать? Думает, закидает комплиментами и я сдамся. Не выйдет. Я не хочу слушать его сладкие речи. Но как назло, мое ухо ближе всего к его устам. Он прихватывает его мочку. Я мотаю головой, стараясь рассеять сладкий туман в голове.

Кладу руки на плечи Радима, в желании оттолкнуть, но прилипаю, водя по мышцам, спрятанным под рубашку, тактильно наслаждаясь таким знакомым рельефом.

Вроде был только один бокал шампанского, но отчего же меня так ведет в его руках? Таю как мороженое в жару, за считанные минуты. Голова идет кругом, переставая что-либо соображать. Я чувствую только его прикосновения, поцелуи, везде куда дотягиваются его губы.

— Маришка моя, как я соскучился по тебе. — чарующе нежный шепот с хрипотцой посылает гулять мурашки по коже.

Его горячие руки блуждают по моему телу, рассыпая чувственное наслаждение. Спускаются все ниже, сменяя подол платья. Подхватывают ноги, закидывая ему на талию, припечатывая к стенке. Я хватаюсь за его шею, чтобы удержаться, пальцы ерошат короткий ежик на его затылке. А самое сокровенное плотно прижато к его естеству.

Губы Радима добираются до подбородка, ведя по нему дорожку поцелуев, наконец, ловят мои в плен.

Кажется, нужно было оттолкнуть. Кажется, я хотела его прогнать.

Но мое здравомыслие окончательно отключается.

Он отрывает меня от стены и несет куда-то. Мне уже все равно куда. Мое сознание помахало мне ручкой.

Слышу чертыхания Радима, приоткрываю один глазик. Картина "муж в сборах на работу", такая привычная с утра. Я улыбаюсь. Как всегда, натягивает носки стоя. Ну взрослый же человек. Неудобно. Нет бы присесть. Он уже успел принять душ, волосы чуть влажные на макушке. На нем уже свежая рубашка и выглаженные брюки. Остается завязать ненавистный им галстук. И накинуть пиджак. Еще минутку наблюдаю, как он возится с запонками в манжетах. Так тщательно он наряжается только на важные переговоры.

Тело расслаблено блаженной негой вчерашней близости. Так хорошо и мысли текут вяло. Хочется мурлыкать как кошечка и греть пузико на солнышке, где-нибудь на пляже, а не работать эту работу. А куда собирается Радим так рано? Тело напрягается от внезапного беспокойства, заставляя "шестеренки" в голове зашевелиться активнее.

Улыбка сползает с моего лица. Я вспоминаю, что муж мне уже почти не муж и наша близость была ошибкой. От накотившего чувства стыда и раскаяния хочется провалиться сквозь землю, но я могу лишь зарыться под одеяло.

Радим замечает мои попытки спрятаться от этого мира. Подходит, садится рядом на кровать. Обнимает поверх одеяла. Пытается вытащить край, но я крепко держу. Если я его сейчас увижу, точно сгорю. От мук совести.

— Мариш, — слышу его голос, — ну, не прячься от меня.

А я не то, что от него, я от всего мира готова спрятаться, сгорая от стыда, было бы куда.

— Мариш, нам поговорить надо. Вылезай из домика. — уговаривает, пытаюсь пробраться под одеяло. Снова чертыхается, — Я на работу опаздываю, — слышу его удрученное.

Он целует одеяло, в которое я завернута. Попадает в плечо, затылок, висок. Мурашки бегут по коже. Так легко и привычно он это делает. Такое знакомое действие — поцеловать меня спящую, перед уходом на работу.

— Оке-е-ей, — тянет, — позже поговорим.

Тяжесть обнимающих меня рук исчезает, а через минуту я слышу звук захлопнувшегося замка.

Высовываю нос из душного одеяла. Тишина пустой квартиры. Ушел?

Точно работа! Подскакиваю с кровати, попутно пытаюсь выпутаться из одеяла. Оно надежно сковывает мои ноги, не выпуская из своего плена. Валюсь на пол, проиграв одеялу и его вечному свойству останавливать меня.

Лежа на полу, вспоминаю, сегодня же суббота — выходной. Одни трудоголики в лице Людки и мужа сегодня на работе. Спокойно распутываю скованные ноги. Не торопясь, это удастся сделать намного легче. Валюсь снова на постель в позе звезды. Можно немножко понежиться и никуда не торопиться.

Телефон тренькает сообщением. Я тянусь за ним. На экране сообщение от смс-банка.

Телефон тренькает сообщением. Я тянусь за ним. Уведомление от смс-банка. На карту упала приличная сумма. Я с удивлением смотрю на цифры. Этого хватит и на платеж по ипотеке, за коммуналку и на жизнь, и даже на "маленькие" прихоти.

Радим постарался. Первое желание отправить все обратно, но рациональная часть меня посчитала все за и против, и решила оставить. Пригодиться. Перевожу часть родителям.

Окидываю взглядом смятую постель. Срочно все постирать! Не могу оставить ее на помощницу по дому. Тем более, уже планировала отказаться от ее услуг.

Захожу в ванную и закидываю всю стопку в стиралку. Ставлю на самый длительный режим, пусть хорошенько все отстирает.

Ловлю свое отражение в зеркале. Спутанные волосы и блеск в глазах. Беру расческу и глажу свои волосы. Мне стыдно смотреть своему отражению в глаза. Отвожу взгляд и натыкаюсь на лежащую в корзине рубашку мужа, ту, что была вчера на нем. Я дотрагиваюсь до нее, глажу холодящую, легкую ткань. Беру в руки. И вдыхаю его аромат. Но он совершенно чужой. Я отшатываюсь. Рубашка пахнет сладкими духами и дымом. Как я вчера не заметила этот запах? Я отбрасываю ее снова в корзину. Господи, что я делаю? Нюхаю рубашку почти бывшего мужа. Совесть снова начинает мучить меня. Я переспала фактически с чужим мужчиной.

Мы же должны уже развестись. Он за этим приходил?

Растаяла в его руках и обо всем на свете забыла.

Как-то нам вчера не до разговоров было. Мы, как два магнита, едва соприкоснувшись, притянулись друг к другу, склеились и уже не смогли оторваться. Мы так и уснули в объятиях друг друга. После нашей близости мне не хотелось думать ни о чем. Голова стала легкая-легкая, словно все мысли, мучившие меня, испарились и забрали с собой груз и их тяжесть.

Мне срочно надо смыть с себя этот позор. Я захожу в душ, а когда выхожу, слышу, как телефон разрывается в комнате. Ругаясь и спотыкаясь добегаю до него, но звонок прекращается. На экране незнакомый номер, не из списка контактов. В моих руках начинается уже следующий звонок. Быстро прикладываю телефон к уху, но лучше бы я этого не делала. Интонации на повышенных нотах в динамике, чуть не разрывают мне перепонки:

— Ты, глупая пустышка, не смей уводить моего мужчину! Я беременна и у нас будет ребенок, ясно? Ты уже давно в прошлом!

— Девушка я вас не знаю, — отвечаю осторожно, она явно перепутала номер.

— Я Лика, — представляется она, — будущая жена Радима.

Теперь я узнаю визгливые нотки ее голоса, что однажды услышала и они врезались мне в память. Вот уж, что я хотела бы забыть и не вспоминать.

Будущая жена...

Будущая жена.

Пожалуй, я приняла эту данность. От этой мысли мне уже ни холодно ни жарко, но что-то неуловимо щемит в груди. Какое-то остаточное послевкусие, что могло быть все иначе. Более радужно и счастливо.

Так и не поняла, что эта женщина хочет услышать в ответ? Согласия держатся подальше от Радима? Но это не моя инициатива встреч. В любом случае дружить с этой Ликой я точно не собираюсь, а держать врагов близко не в моих интересах. Выслушивать оскорбления я тем более не намерена. Скидываю звонок и заношу номер в черный список. Нужно отсекал больное место быстро и без сожалений. Жаль, так же "отсечь" мужа я не могу. У нас еще остались неразрешенные вопросы.

Со своей совестью я пошла на сделку. Решила, что за прошлую ночь, мне не будет стыдно. Я со своим мужем спала и никаких законов не нарушала. Пусть усомнятся те, кто уводит мужей из семьи.

Как только решаю для себя этот вопрос, я словно ловлю дзен и чувствую облегчение, наступает душевное спокойствие. Слово я плыву по водам бескрайнего штиля. А отсюда появляется уверенность в своих силах. Я все смогу. И настроение поднимается от таких мыслей, хочется пошуршать по дому и сделать что-нибудь полезное.

Звонок в дверь застаёт меня с тряпкой в руках, заставляет напрячься. Звук домофона более привычен, а звонок я и не слышала давно. С тех пор как мы въехали в эту квартиру, потестили пару раз и забыли про него. Но в последнее время он стал популярным и это сильно напрягает. Вот уж никого не ждала. Выглядываю в глазок. Очень нужное приспособление в данной ситуации. Но там видно только море ярко-красных бутонов. Курьер?

Открываю дверь, натываясь на необъятный букет насыщенно-красных роз. Они на минутку отодвигаются и появляется лицо Радима. Кто бы сомневался.

Я уже многое передумала за день и твердо решила никаких предателей в моей жизни! Складываю руки на груди, пусть даже не старается мне всучить эту гору цветов, я точно ее не унесу. Радим тоже устает держать монструозный букет и перекидывает с одной руки на другую.

— Ты со своими проблемами разобрался? — гневно шиплю, вместо приветствий и не пытаюсь отодвинуться.

— Мариш, прости за это, не повторится больше. Платеж по ипотеке погасил и с другими долгами рассчитался. Просто со счетом были проблемы. Мариш, не на пороге же это обсуждать. Впусти домой.

— А зачем тебя впускать? Ты вроде бы ушел к другой женщине. Она даже звонила мне сегодня.

Муж снова пытается пристроить цветы поудобнее, но замирает на середине движения, застывая в неудобной позе с охапкой наперевес.

— В смысле звонила? Откуда у нее твой номер?

— Это ты мне объясни. Она же ТВОЯ БУДУЩАЯ ЖЕНА! — срывает меня на эмоции.

— Нет Мариш. О женитьбе точно нет никакой речи!

— Нет Мариш. О женитьбе точно нет никакой речи!

— Может и о разводе нет речи? — ошарашенно спрашиваю.

— Нет. — уверенно произносит он, глядя в мои глаза. — Развода не будет! Я тебя не отпущу.

Я хапаю ртом воздух в возмущении, настолько категорично заявление мужа. Они, что сговорились со свекровью? Как можно не развестись после всего, после его измены? Меня взрывает чувство противоречия. Я не согласна. Когда человек хочет, его нужно отпустить — моя жизненная догма.

— А как же твоя любовница, эта Лика? Ты, что планируешь на две семьи жить? — осеняет меня внезапной догадкой. — Даже не рассчитывай на это!

— Мариш, не выдумывай. Разве я похож на такого человека? Да я даже не жил с ней ни дня. — признается он в отчаянии. — Все это нелепая ошибка.

— А как же ребенок? Он тоже ошибка? Ты хочешь его бросить?

— Нет конечно, не брошу. Если он мой.

— Так ты еще не знаешь твой ли он? — напрягаюсь я. Такого поворота я не ожидала. Я думала этот вопрос решенный и давно установленный.

Он встряхивает головой. Опускает букет, бутонами вниз, умудряясь держать его одной рукой. Ерошит волосы и его длинная челка падает на глаза. Смотрит из-под нее, что делает его взгляд чуть зловещим.

— Это долгая история. Мариш,пусти домой, а? Давай не будем делать наши разборки достоянием общественности — устало произносит.

Да, я замечаю измотанный вид Радима. Темные круги под глазами. Запавшие щеки и уже явно не однодневная щетина, что совсем не мешала мне вчера. Но я не готова впускать Радима в квартиру, да и в свою жизнь тоже.

— А у тебя теперь нет дома! Ты сам ушел. Даже не надейся, что впусти тебя. Разберись сначала со своими проблемами, а потом поговорим, — безжалостно чеканю я.

— Окей, я разберусь, но потом мы поговорим снова. Обещай мне.

— Ты один раз уже предал мое доверие, знаешь ли. Я не могу вот так сразу взять и простить. Попробуй исправить это и тогда возможно...

— Окей, есть особые пожелания? Проси все, что захочешь. Я буду твоей Золотой Рыбкой. — разводит руками в широком жесте.

— Я пришлю тебе подробный список. — уверяю я.

— Цветы хоть возьми. — просит он, проследив мое намерение закрыть дверь.

— Веник свой забери, мне не нужен здесь мусор.

Замечаю его недовольную гримасу. Но захлопываю дверь, прежде чем он еще что-нибудь скажет. И тут же приникаю к глазку. Провожая его спину до лифта. Зачем-то слежу из окна гостиной, как Радим выходит из дома. Закидывает букет в мусорный бак.

Жааалко. Красивые были розы. Но нужно же мне как-то показать твердость своей позиции. А если я сейчас начну принимать подарки, он решит, что дело за малым и можно дальше меня продавливать.

Беру телефон, собираясь составить огромный список "желаний" и отправить мужу, но на ум, кроме духов, которые я тщательно выбирала в интернет-магазине, ничего не

приходит.

Вот так всегда, когда "золотая рыбка" готова исполнить все заветные желания ничего путного не придумывается.

Зато приходит сообщение от мамы с благодарностями за перевод, зовёт завтра на семейный обед.

Беспокойство за папу по-прежнему не отпускает, я не против снова увидеть родителей, проведать здоровье отца, соглашаюсь. Развеюсь немного. Выйду пораньше. Доеду с ветерком на утреннем автобусе. В воскресенье таксисты не горят желанием на междугородний перевоз. Хотя так заманчиво проехаться с комфортом.

Проведу у родителей весь день и вечером вернусь домой.

Со спокойной душой ложусь спать.

А утром перед домом натыкаюсь на неожиданный сюрприз.

Утром выскакиваю из дома, в приподнятом, легком настроении. Свежесть и прохлада утра бодрит и заряжает позитивом. Хочется, как девчонка скакать вприпрыжку до остановки. Приходится себя останавливать.

Но все мое настроение вмиг слетает, как только я вижу припаркованную возле подъезда машину. Очень узнаваемую со значком ситроен на капоте. Такая понтовая тачка только у одного человека в нашем городе. У моего мужа.

И как его эвакуатор не увез, удивляюсь. Собственно понимаю почему. Он сидит за рулем. Спит, откинув голову на подголовник. Удобненько ему. Я смотрю на Радима сквозь лобовое. Будто почувствовав мой прожигающий взгляд, его ресницы трепещут и словно легкие крылышки бабочки взлетают вверх, открывая его темные омуты. Туманные после сна глаза не сразу фокусируются.

Если Радим пытается вызвать таким образом жалость, он просчитался. Нет, он разжалобил, конечно, на мгновение мое сердце дрогнуло, но я сразу же прикрыла его броней обиды и наших разногласий.

Увидев меня, он споро выскакивает из машины, словно не спал только что в неудобном кресле.

— Привет, — по мальчишечьи произносит он, сверкая своей чеширской улыбкой. И я вспоминаю того бесшабашного парня, с которым познакомилась в универе, что точно так же ждал меня после пар. Только машина была другой, намного проще.

Озадаченно киваю ему.

— Ты что всю ночь здесь провел? Как тебя эвакуатор не увез? — изумленно спрашиваю. Наверно мне не удалось скрыть нотки беспокойства в голосе.

— Я ждал твой список — пожимает плечами, беззаботно улыбаясь.

— Под окнами?

— Здесь проще всего, — подмигивает, как озорной пацан. — Ты куда-то собираешься? — тут же хмурится он, оглядывая мое романтическое приталенное платье с летящей юбкой средней длины.

— Да, к родителям, — я обеспокоенно смотрю на наручные часы. С моей склонностью повсюду опаздывать я могу запросто не успеть к рейсу, а следующий только через три часа. И если я продолжу любезничать с мужем, так и случится.

— Не могу больше говорить, я спешу. — разворачиваюсь чтобы уйти, но чувствую горячие пальцы, обхватывающие мое запястье.

— Подожди, подожди! Ты на чем собралась ехать?

— На автобусе, — хмурюсь я, смотря на его руку, удерживающую меня. Дубль два разборок я не планирую с утра.

— Так давай, я подвезу.

— Подвезешь? В соседний город? — забавляет меня его выбор слов.

— Ну да.

— Ты же не выспался наверно?

— Ты дала мне надежду вчера и это лучше любых энергетиков.

Немного поразмыслив, потом еще немного подумав я решаю, что, вообще-то, прокатиться с ветерком на комфортабельной машине однозначно лучше, чем трястись в

пыльном, пропахшем не пойми чем рейсовом автобусе.

Киваю в согласии. Он, кажется, не сразу верит своему счастью. Даже как-то восстает духом, расправляет плечи и сияет лучезарной улыбкой.

— Это еще ничего не значит, — строго предупреждаю я, грозя пальцем.

— Как скажешь, — он обтекает капот и открывает дверцу переднего пассажирского, предлагая присаживаться.

Как по мне, то он слишком быстро соглашается.

Я занимаю предложенное место. Он быстро, словно боясь, что я передумаю, запрыгивает на водительское и включает зажигание.

Так близко. Когда давала свое согласие, я не успела подумать, что мы будем в узком пространстве салона одни. И это заставляет напрячься все мои органы чувств. Я слышу его парфюм, пропитавший все внутри тесного пространства. И он мне навевает неловкие воспоминания. Жму кнопку открытия окна. Глоток свежего воздуха мне сейчас не помешает.

Чтобы развеять неловкое молчание, я ляпаю первое, что приходит на ум:

— Вот первое мое желание.

— Заказывай, барыня, — усмехается он, выруливая на главную дорогу.

Я смотрю на него укоряюще. Шутить изволит. Ладно. Но у меня на повестке серьезный вопрос.

— Хочу чтобы ты помог моему отцу. Ты же знаешь, что у него проблемы с сердцем. Я его уговорила на обследование. Но за ним нужен глаз да глаз. Маму он не слушается. А с ним ты вроде бы нашел общий язык.

— Есть, моя госпожа, сделаю все, что в моих силах и даже боле.

Поддерживая такой шуточный, непринужденный тон, дорога пролетает незаметно.

Открывает дверь, как обычно, мама, в фартуке. Радостно приветствует, немного удивляется Радиму за моей спиной, но тут же радушно обнимает и его. Конечно, он не пожелал ждать в машине, хоть я и настаивала.

Мама увлекает за собой хлопотать на кухню, предоставляя Радима заботам отца. Приготовления к семейному обеду в самом разгаре. Но не для этого мама так настойчиво тянула меня на кухню, не дав даже толком поприветствовать отца.

— Вы что помирились? — первое, интересующее ее, когда мы останемся одни. — снова вместе?

Я качаю головой.

— Нет мам. Мы не вместе.

— А как тогда понимать? — она неопределенно мотает головой.

— Он просто подвез меня. — непринужденно пожимаю плечами.

— Подвез? — в ее голосе слышен скепсис.

— Мам, — тяну я, — ну мы же цивилизованные люди. Ничто не мешает нам поддерживать дружеские отношения.

За ночь я передумала много дум и эта оказалась самой разумной, на мой взгляд, хоть это и морально сложно воплощать в жизнь.

Я не должна винить за то, что Радим выбрал другую женщину, хоть эта мысль неизменно отзывается щемящей, ноющей болью в груди.

— Вот и замечательно. Я рада, что вы разумно все решили и договорились. Достаточно переживаний за отца, за вас не хватает уже сил.

Умолчу, пожалуй, про вчерашний разговор с Радимом. Если маме сказать, что он не хочет развода, она с меня не слезет и замучает своими расспросами и поучениями.

— Эх, молодежь. Вот в наше время все проще было. Либо разводитесь и разбегаетесь, либо тянете лямку дальше, вдвоем. — словно подслушав мои мысли, вздыхает мама. — Надеюсь ты не станешь снова расстраивать отца и говорить все это. Он то уже решил, что вы примирились, раз пришли вместе, я по его глазам вижу. Так, что не смей... — грозитя она поварешкой.

Мама, как всегда, умеет подбодрить в нужный момент.

— А что это будет? — указываю я на кастрюльку с варящимся мясом, переводя тему в мирное русло кулинарных шедевров мамы. Она с удовольствием рассказывает наше сегодняшнее меню. Основное блюдо — борщ. На второе лисички в сметане с пюрешечкой.

Капец. Я смотрю на кастрюлю, как на тикающую бомбу. Радим не любит борщ, точнее, свеклу в нем. А у мамы это коронное первое блюдо. Обычно ему удавалось избежать дегустации этого мамино шедевра, без ложной скромности говоря. Но сегодня, видимо, не его день.

В душе я даже немножечко злорадствую. А нечего было увязываться за мной. Я предоставляла ему возможность откосить от семейного ужина. Тем более у него теперь есть причина не появляться у моих родителей. Но он как камикадзе полез на "амбразуру".

Пока мама загрузила меня чистой картошкой для того пюре, приходит еще один гость — дядя Саша, папин брат и сразу тянет меня под мышку. Его вариант обнимашек и выражения любви.

— Ооо, смотри какая деваха вымахала. Уже невеста! Женихи-то небось толпами ходят? Когда замуж? — басит он так, что слышно, наверно, и у соседей.

Мама укоризненно качает головой. Дядь Саша всегда так шутит. Я его единственная и любимая племянка. Своих детей у него нет. Но сейчас его шутка звучит чересчур остро и двусмысленно. Словно Радим уже не в счет и я снова котируюсь на рынке невест. Посмотреть бы сейчас на его лицо, но у меня нет такой возможности. Они с отцом все еще беседуют в гостиной. Но он точно все слышал!

Дядь Саша, наконец, отпускает меня, чтобы "найти" своего брата.

— Ооо, любимый зятек! А я и не знал, что ты сегодня с нами. — слышен дядь Сашин бас из гостиной.

Я замираю с картошкой в руках прислушиваясь. Но из гостиной слышны лишь приглушенные голоса... Судя по дальнейшей тишине разговор потек в мирное русло.

Мама решила сделать из меня сегодня примерную хозяйку и вручила супницу с борщом. Мне удалось, даже не споткнувшись ни разу, под провожающими взглядами четырех пар глаз, донести ее по гостиной, где давно накрыт и сервирован стол.

Пригласив к столу, мама рассаживает всех по своим местам, как в чинном, благородном обществе. Меня сажают напротив Радима и дяди. И мама с торжественным видом открывает крышку супницы. Все взоры устремляются на ее содержимое. Радим, кажется, бледнеет. Пока мужчины вели неспешную беседу, он и не догадывался, что готовится на кухне. Пять лет он умудрялся избегать семейных ужинов, апофеозом которых являлся борщ. И вот карма настигла его. Он переводит застывший взгляд на меня.

Так хочется сделать жест наперерез горла — "тебе каюк", но я сдерживаюсь, взглядом транслируя только попробуй обидеть хозяйку своим пренебрежением.

Радим знает, что для мамы важно получить похвалу за свой шедевр, а пренебрежение приведет к глубочайшей обиде.

Он молча берет ложку, не отводя от меня своего гипнотизирующего взгляда. Он все понял. И даже что-то умудряется съесть из своей порции.

Вечером все высыпает на улицу, чтобы проводить нас. Радим с отцом уже стоят у машины, не прекращая разговора. Словно давние друзья после длительной разлуки не могут наговориться.

Дядя Саша останавливает меня, отводит немного в сторонку и говорит:

— Мариночка, ты же искала работу?

Я утвердительно киваю, заинтересованно смотря на него.

Он продолжает:

— У нас помощница одного очень хорошего руководителя в декрет выходит. В следующем месяце. Нам нужен сотрудник на эту должность. Зарплата хорошая, не обидим. — уверяет он.

Он застаёт врасплох этим предложением. Поначалу даже не знаю, что ответить. Мама, конечно, обещала поговорить с дядей, но я не думала, что вопрос решится так быстро.

— Дядь Саш, мне нужно подумать. Получается, снова нужно будет в другой город переезжать. Да и помощница руководителя не совсем мой профиль.

— Ну ты подумай, подумай. Месяц у тебя есть, но желательно чуть раньше. Предыдущая помощница введет тебя в курс дела, ничего сложного. Я пока для тебя это место попридержу.

Я горячо обнимаю своего единственного и так нежно любимого дядю. Я знаю, что он всегда на моей стороне, что бы ни случилось. Всегда придет на выручку и поможет в трудной ситуации.

— А твоему муженьку мы с отцом, сделали внушение, пусть перестанет чудить.

— Ну зачем вы? — смущаюсь я, — мы бы сами разобрались.

— Надо, надо. Своего отца у него нет, так хоть мы побудем старшими. Направим и подскажем. — улыбается он, похлопывая меня по спине.

Со всеми обнявшись и распрощавшись, мы загружаемся в машину. После нескольких минут неловкого молчания включаю музыку и отворачиваюсь к окну. Я пока не готова к дальнейшему диалогу.

Возвращаемся домой поздно. Радим намеренно с час кружит по городу. Я замечаю это, но молчу. Мне тоже хочется подольше побыть наедине вдвоем, хотя бы так, заглушая ноющее ощущение в груди, что, как прежде, уже ничего не будет. Моя тихая грусть Увидев подъездную дорожку к дому, невольно вздыхаю, и эти мгновения кончились.

Заглушив мотор, Радим смотрит на меня, берет мою руку в свою горячую ладонь.

Я мягко высвобождаю ее. Тактильный контакт для меня слишком чувствителен сейчас, отзывается гулкой болью в сердце. Его пальцы сжимаются в кулак.

— Я поговорил с отцом — все будет хорошо. — развеивает он неловкую паузу своим хрипловатым голосом.

— Спасибо. — шепчу я, стараясь передать всю благодарность за сегодняшний день. — Не провожай, я сама дойду. — быстро вылетаю из машины, чтобы не тянуть резину прощания.

Он провожает взглядом, как я заскакиваю в подъезд, не делая попыток проводить дальше.

А следующим утром, выйдя на улицу, я испытываю чувство дежавю.

Выйдя утром на улицу, накрывает чувство дежавю. Мое сердце невольно сжимается от открывшейся картины. Опять он перед домом в машине, спит на водительском.

Нет, сегодня я не буду совершать вчерашнюю ошибку и будить, пусть спит. Проскальзываю мимо. Спешу на работу.

Пробки на дорогах с утра не способствуют моему желанию вовремя приходить на работу. Влетаю в офис впритык, без одной минуты восемь прикладываю пропуск к сканеру. Еще бы чуть-чуть и вызов к начальству гарантирован.

Телефон вибрирует где-то в недрах сумки. Еле откопала его среди груды очень нужных вещей, которые зачем-то всегда нужно носить с собой.

Пропущенные вызовы и одно сообщение от контакта Радим: Мариш, ты уже на работе? Немного посомневавшись, стоит ли вообще отвечать, все же печатаю: Да. А что случилось?

Радим: Хотел подвезти)

Хм. Дежавю. Откладываю телефон на рабочий стол.

Но зря я надеялась на свою везучесть. Только я сажусь на свое место и включаю компьютер, прибегает секретарша босса Лизочка и почему-то шепотом сообщает, что "сам" вызывает.

На ковер к боссу идти совершенно нет желания. В последнее время он зачастил вызывать меня по всяким мелочам, которые вполне возможно решить и в чате.

Дмитрий Владимирович Орлов голубоглазый брюнет, лет сорока, любимец женской части коллектива нашей конторки, но почему-то вызывает к себе постоянно он только меня. Девчонки уже достали подкалывать по этому поводу.

Вот и сейчас слышу смешки из соседних кабинок. И хотя хочется удобного креслица и крепкого кофе, гордо выпрямляю спину и иду к начальству.

Босс, как всегда, сидит за своим столом, скрестив руки на груди. Прожигает меня своими голубыми глазами. Ждал.

— Что ж вы Мариночка меня подводите? — начинает босс, не успеваю я войти.

— В чем же? — недоумеваю.

— Ваши данные некорректны, Марина Павловна. Нужно же внимательнее относиться к своей работе.

Мои брови сами тянутся вверх. Не в первый раз у него ко мне те же претензии, а при разборе выясняется, что это даже не моя работа.

— Все свои данные я переделала по новым шаблонам. Как вы и желали. Там должно быть все корректно. — стараюсь сдержать сарказм в ответе. По его похотливым, ощупывающим меня глазам вижу, что не за этим меня вызвал.

— Мариночка, вы же помните мое предложение работать в удовольствие. Оно до сих пор в силе. — неожиданно переводит тему босс, подтверждая мою догадку.

А как же забыть такое "заманчивое" предложение.

— Мне и сейчас работается хорошо, — отвечаю невозмутимо.

— А вы подумайте еще. Я ведь могу и передумать. Желающих на вашу должность найдется предостаточно. Поверьте мне.

— А вы подумайте еще. Я ведь могу и передумать. Желающих на вашу должность найдется предостаточно. Поверьте мне.

Хмыкаю. Нашел чем испугать.

— Могу прям сейчас написать заявление. — вздергиваю я подбородок.

Он недовольно морщится, поджимая губы:

— Можете, можете... Идите работайте, Мариночка. — резко отворачивается к монитору, теряя ко мне интерес.

Выхожу от этого вампира, словно выжатый лимон.

Кумушки выглядывают из своих кабинок. Самый популярный вопрос: "Че хотел?". Игнорирую.

Подумываю и в самом деле прям сейчас написать заявление. Отработаю две недели и прощай, самодур-начальник. Так заманчиво. А потом головная боль с переездом в родной город. Решать, жить с родителями или лучше снять отдельное жилье. Отдельное предпочтительнее, но отец скорее всего, будет против и настоит, чтобы вернулась в отчий дом.

Эти размышления мешают работать. Время обеда приближается крошечными шажками на циферблате часов. За окном проходит лето, а я прозябаю в душном офисе. Вспыхивает замечательная идея — срочно выманить Людку на обед. Любопытство сдает, чем там закончился ее вечер в компании Валеры.

Сообщением отправляю приглашение на обед в кафешку недалеко от офиса. Подруга мгновенно отвечает согласием.

Ровно в двенадцать выключаю компьютер. Миную офисные коридоры, выскакиваю на свежий воздух теплого летнего денька. Легко стуча каблучками, иду, наслаждаясь долгожданным перерывом. Игривый ветерок, смело проходится по ногам, подхватывая подол платья, заставляя его придержать. Чувствую себя Мэрилин на воздуховоде, во время знаменитой съемки. Лишь бы не собрать зрителей на это шоу. Слышу посвистывание позади. Надеюсь, не мне.

"Дэвушк, а дэвушк", за спиной окончательно превращают мой прогулочный шаг в легкую пробежку.

Людка уже сидит за дальним столиком у окна с кучей вкусностей на столе. Как всегда, горячо приветствует, обнимает, словно тыщу лет не видела.

— Я тут заказала на свой вкус, угощайся, — щедро предлагает.

Ммм, салатки, обед деловой леди.

— Ну рассказывай, подруга, что такого случилось в твоей жизни, что ты вытягиваешь меня на обед?

— Все по-прежнему — босс выносит мозг. — вздыхаю я.

— Ты знаешь, мне кажется, это встроенное умение всех боссов. Мой точно такой же.

— Я просто не понимаю, чего он до меня докопался?

— Я всегда говорила, — указывая она на меня вилкой, — мужчины ведутся на твои оленьи глаза. Трудно не повестись, если честно.

Смущенно туплюсь в свой салат.

— Глаза как глаза. Если не подчеркивать, то и вообще самые обычные.

Людка красноречиво фыркает.

— Ты лучше расскажи, чем там пятничный вечер закончился?

— Да ничем. — недовольно морщит нос, — Отвез и оставил у дома. Даже на чашечку кофе или чего-нибудь погорячее не соблазнился. Кремень, а не мужик. Ну, правда, что его держит? Кольца у него на пальце нет. Постоянных отношений тоже, я спрашивала. — она внезапно притихает, вздыхает.

Н-да задел ее Валера. Не повелся на Людкин ум и сообразительность. И хоть она и старается бодриться, деже в ее голосе проскальзывают нотки уязвленной гордости.

— Кольцо не носишь. — походя замечает она, оглядывая мои руки. — правильно нужно удалять ненужные привычки.

Да, кольцо. Я сняла сегодня утром. Когда чистила зубы и увидела его на своем пальце, оно показалось мне чужеродным элементом на моей руке. Даже не знаю почему не сняла его раньше. Просто так сроднилась с этим ободком вокруг пальца, что уже и не чувствовала его, а когда сняла, испытала странное ощущение. Не облегчения и не потери, а словно что-то инородное, сросшееся со мной удалили, словно ненужный мне костыль.

Невольно кошусь на свою руку. Даже следа не осталось. Словно и не было его.

— Просто дома забыла, — зачем-то оправдываюсь.

Подруга ничего не отвечает, но в ее взгляде читается понимание, ее не обманешь.

После этого разговора в душе поселяется необъяснимое, тягостное чувство, словно я сделала что-то неправильное.

Краем глаза замечаю, как девчонки собирают вещички на выход. На часах без десяти конец рабочего дня. Решаю не отставать от коллектива и тоже собираюсь. Работа не волк, а я им скоро стану, если снова забуду о времени и одна останусь в офисе.

Ровно в пять вместе со всеми высыпаю из офиса. Телефон снова куда-то запропастился на тридцати квадратных сантиметрах моей сумки, и я усиленно пытаюсь его нашарить, когда выхожу на улицу. Поэтому не замечаю столпотворения у выхода.

Девчонки рядом со мной восхищенно ахают, и я отрываюсь от своих поисков. Прослеживаю направление их взглядов. И тоже замираю.

Это уже даже не дежавю.

Прослеживаю направление их взглядов. И тоже замираю. Оцепенение быстро отпускает меня.

Радим стоит у машины. В его руках огромная корзина, утопающая в красных, розовых и белых герберах, что за всеми цветами видна одна ручка, за которую он неловко держит все это великолепиие.

Вспомнил, значит, мои любимые цветы. Как давно он не дарил их. Так давно, что я даже не помню сколько лет тому назад.

Он выглядит так нелепо с этой корзиной. Я не хочу подходить. Словно разыгрывая сценку в кино, в котором я больше не главная героиня, но зрители этого не признают и по-прежнему с большим любопытством наблюдают.

Я неспешно подхожу, нехотя. Он тоже делает несколько шагов навстречу, оглядывая мой образ, оглаживая взглядом ноги, бедра укрытые струящейся тканью, задерживаясь на обнаженных плечах и шее, наконец поднимает свой взор к моим глазам. Его очи сияют, но на губах не блуждает улыбка, он словно в ожидании моей реакции, напряжен и внимателен.

Не спрашиваю, зачем он приехал. Это уже очевидно.

— Снова подвезти?

— Да, — бодро рапортует.

— Ты уже решил свои проблемы?

Его только растягивающаяся улыбка мгновенно слетает. По поджатым губам понимаю, что ничего он еще не решил.

— Возьмешь? — протягивает он цветы, вместо ответа.

Я смотрю на эту чудесную композицию с моими любимыми цветами, закусываю губу. Сердце кровью обливается не принять эти цветы. Так хочется, так хочется забрать. Но этим я, скорее всего, дам ему надежду, повод вновь и вновь нести эти охапки и корзины. Н-нет, несмело мотаю головой.

Тут же нахожу себе оправдание. Хочу прогуляться, а утяжелитель в виде этой полной корзины мне ни к чему. Пройтись пешком, насладится теплым, летним вечером. Сбежать от городской суеты в парк, что в нескольких остановках от здания офиса, покормить уточек в небольшом пруду.

О чем и сообщаю растерянному мужу.

Острое чувство разочарования сжимается в душе, когда оборачиваюсь и не вижу машины Радима. Уехал. Ну а чего ты ждала? Спрашиваю у себя. Что он как собачка будет бегать за тобой? Наивная простота. Поехал наверно этой Лике дарить цветы.

Резко замираю посреди улицы, осознавая, о чем я думаю. Нет, нет, нет! Срочно выкинуть все эти мысли из головы. Я иду отдохнуть и наполнится позитивом, успокоить нервы после рабочего дня. Продолжаю движение, когда прохожие начинают коситься на меня.

Но я все-таки ошиблась в одном. Радим нагоняет меня почти у самого парка. Все же увязался за мной.

Мгновенно подпрыгнувшее к горлу сердце и широченная улыбка, растянувшая мои губы, сами собой расправившиеся плечи, выдают мою радость.

Я безнадежна.

— Машину переставлял. — беззаботно поясняет. — Надеюсь, ты не будешь против моей компании?

— Машину переставлял. — беззаботно поясняет. — Надеюсь, ты не будешь против моей компании?

Моя реакция отвечает сама за себя. Его взгляд, кота из Шрека и бровки домиком, не оставляют мне шансов к сопротивлению. Ему еще нужны какие-то слова? Видимо, нет. Он просто продолжает идти за мной.

И к чему нужны были все медитации и самовнушения, что он мне не нужен, если я радуюсь как девочка, когда он плетется за мной.

Украдкой смотрю на него. Грудная клетка все еще тяжело вздымается, он глубоко и часто дышит, восстанавливая дыхание. Он, что бежал?

Останавливаюсь у ларька с булками, очень удобно расположенного рядом с входом в парк. Здесь любители покормить местных упитанных уток, покупают им корм. Рыбешка, обитающая в пруду, явно тоже благодарна такому прикорму, иногда радуя зрителей своими блестящими чешуйчатыми боками, когда выплывает на поверхность подышать.

Не успеваю достать кошелек, Радим уже протягивает купюру.

— Не нужно было, — поджимаю губы в недовольстве, — я сама могу заплатить.

— Я тоже могу. И хочу.

Я забираю свою добычу — пакет с булкой, а то и уток он будет кормить сам.

Он идет рядом со мной неспешно, подстраиваясь под мой шаг. Точно так же мы гуляли на первом нашем свидании. Хотя тогда он был не в пример разговорчивее. Я отворачиваюсь, смахивая навернувшиеся слезы сожаления, что как тогда уже не будет.

Оглядываю парк. То тут, то там по дорожкам ходят люди. Кто-то даже вольготно располагается на газоне.

Радим и не пытается заговорить. Я сама разрываю затянувшееся молчание:

— Ну и как твои успехи?

— Все решается, Мариш.

Его лаконичные ответы меня не устраивают. И неразговорчивость тоже. Почему-то мне остро хочется его задеть, уязвить, подколоть. А не вести светскую беседу.

Я наверно мазохиста раз ковыряюсь в наболевшем и не отпускаю его.

Мы подходим к пруду, и я достаю булку, бездумно начинаю ее крошить, кидая тут же приплывшим уткам.

— Ути, ути, — детский голосок, смешно передразнивает уток, отвлекая от нашего разговора.

Я обращаю внимание на маленького малыша, что одиноко прогуливается у пруда. Я выглядываю его родителей, но рядом с ним нет взрослых. Абсолютно. Словно малыш вышел погулять сам по себе, но он слишком мал для этого.

Малыш уже у кромки воды. Ему так понравились подплывшие утки, что он решил подружиться с ними поближе.

— О боже, Радим, смотри! — я указываю в направлении ребенка, но муж уже и сам видит, бросается наперерез карапузу.

Сердце замирает в ожидании. Я даже не знаю, какая здесь глубина. Но ребенку тут явно небезопасно гулять одному.

Малыш делает еще один неосторожный шаг и начинает заваливаться вперед,

проскальзывая по мокрому грунту, прямо в воду.

Малыш делает еще один неосторожный шаг и начинает заваливаться вперед, проскальзывая по мокрому грунту, прямо в воду.

Я вся холодею от страха. Оцепенение своей тяжестью давит на плечи, мешая ринуться следом на спасение малыша. Я только в силах наблюдать, как Радим ловко цепляет комбез на спине малыша, удерживая его в последний момент, от столкновения с водой. Подхватывает на руки, мгновенно скусившегося малыша.

— Смотри, какой герой, — указывает он на малыша. Это оказывается мальчик двух лет с пронзительными ярко-голубыми глазами. Он куксится и морщится, готовый расплакаться.

— Эй, мужик, ты чего это надумал? Смотри, какая тетька здесь у нас, красивая. — показывает он на меня.

Опасность миновала, оковы страха, отпустили меня. Я теперь могу свободно дышать и двигаться. Осторожно подхожу, стараясь еще больше не напугать малыша.

Смотрю на эту парочку, умиляясь, как гармонично они смотрятся вместе. Радим с ребенком на руках. Маленьким пацаном, вихрастым, готовым разревется в любую минуту. Как ловко получается у Радима отвлечь его, переключить внимание. В этот момент у меня зарождается безумная мысль, непреодолимое желание иметь такого карапуза. С Радимом или без.

Муж переводит свой взгляд с малыша на меня. В его темных омухах плещется столько нежности и теплоты. Мягкая улыбка играет на губах.

Я не знаю, сколько мы стоим, замороженно глядя друг на друга, словно увидев впервые, но малыш решает разрушить этот магнетический момент, хватая Радима за небритые щеки, поворачивая к себе его лицо.

— Папа? — недоуменно вопрошает.

Радим улыбается ему, качая головой:

— Нет, малыш, — глаза его сияют, глядя на мальчишку, — я бы знал, если бы у меня был такой классный пацан.

Эта фраза действует на меня как триггер, мгновенно заставляя вспомнить все, что стоит между нами, и убивая настроение до нуля.

— Надо найти его родителей, — говорю я, оборачиваясь кругом, оглядывая отдыхающих, пытаюсь таким образом скрыть свое смятение.

Но родители и сами находятся. Точнее, одна молодая женщина, по всей видимости, мать, еще издали начинает кричать, требуя немедленно отпустить ее ребенка.

Но Радим качает головой. Мы всего ничего отошли от пруда, и он не хочет снова вылавливать малыша, решившего стать утей.

Женщина подлетает и силой старается выхватить малыша.

— Мамочка, вы в курсе, что ваш пацан чуть не ушел в плавание? — начинает без предисловий Радим.

Но женщина не внимает. Похоже, она сейчас не в состоянии понять, что говорит муж. Он передает малыша матери, напоследок прочитав небольшую лекцию о безопасности. Она уходит, рассыпавшись в благодарностях.

Но наша дальнейшая прогулка все равно не задалась.

Вся следующая неделя проходит под девизом "не оставь Марину в покое".

На следующий день обнаружив ту же картину, что и предыдущим утром, а потом и на следующее утро, складывается впечатление, что Радим вменял себе в обязанность подвозить меня каждый день на работу. Позже обнаружилось и с работы тоже.

Чтобы избежать этих встреч, я сознательно начала избегать Радима, выходить раньше по утрам, и задерживаться на работе, чтобы только он не заставал меня. И отписываться в мессенджере, что я уже ушла, и не ждал меня. Но на третий день таких прятков Радим просек мою фишку и с утра стоял бодрый и свежий у машины. Такое явное преследование, начало меня сильно напрягать.

Плюс ко всему босс сделал традицией вызывать меня по утрам на ковер. На третий день этой экзекуции я все же решила и написала заявление по собственному. Отчего босс вызвал меня второй раз за день и демонстративно разорвал мое заявление с пояснением "некому работать". Пришлось идти в кадровый за новым заявлением и договариваться с Леночкой, которая обещала сама подписать заявление у босса.

Будь что будет. Даже если не решусь переехать в родной город, все равно больше не желаю работать здесь.

Все эти события настолько накалили мою нервную систему, что появление одной очень настырной особы, которую я вообще не ожидала больше увидеть, стало кульминацией сумасшедшей рабочей недели и повлекло за собой предсказуемый взрыв.

Но все по порядку.

Вечером выходя из здания офиса с опаской, я снова боюсь встретить моего навязчивого извозчика. Сегодня пятница и я ускальзываю чуть раньше с работы, чтобы смешать карты мужу. Но меня подкарауливает другая особа.

Зеленоглазая блондинка с шикарными белокурыми волосами, обрамляющих кукольное личико и свисающих свободным каскадом за спиной. Я ее недооценила в первую встречу. Мы с ней как день и ночь. Я со своей короткой стрижкой выгляжу дерзко, но она даст мне фору стократ. Бывшая жена и будущая.

Ощущаю себя под колпаком, потому что, оказывается, никому не составляет труда меня найти, сколько бы я ни пряталась и потому, что она явно ждала меня. Выпрыгнула на меня как черт из табакерки из своей желто-канареечной машины.

Я стараюсь проскочить мимо, не желая сталкиваться с ней. Но она замечает мой маневр и уверенно направляется в мою сторону.

— Подожди, не убегай. Мне нужно с тобой поговорить. — ее голос словно скрежет по металлу проходится по моим и так натянутым нервам.

Совсем нет желания останавливаться и выслушивать ее.

— Да не бойся меня.

Вот этого я не могу выдержать. Встаю, как вкопанная и резко разворачиваюсь к ней.

— Да не бойся меня.

Вот этого я не могу выдержать. Встаю как вкопанная и резко разворачиваюсь к ней.

Я осматриваю ее оценивающе с головы до ног. Большого живота не видно. Или она умело его прячет под свободным платьем с завышенной талией, что не понять какой срок.

— Сколько месяцев? — спрашиваю без церемоний.

Видно, я застаю врасплах этим вопросом. Она как рыбка хлопает губами.

— Что именно? — непонимающе переспрашивает.

— Какой месяц твоей беременности?

— Третий...

Маленький срок, думаю я. По ней совсем незаметно ее положение. Она словно сошла с глянцевої картинки, что даже во время беременности выглядит как модель.

— Подожди, я не за этим пришла. — она ставит руки в боки и тогда, мне кажется, я вижу небольшую округлость ее живота. Хотя скорее мне это мерещится. — Отпусти Радима, по-хорошему.

Пфф. Ее угрозы мне хватило и по телефону. Кто его держит. Я фыркаю. Он уже ушел от меня, о чем здесь еще говорить?

Разворачиваюсь, чтобы уйти. Но чувствую захват на своей руке, мешающий мне это сделать. Я смотрю на аккуратный розовый маникюр, затем на его обладательницу.

— Он же не живет с тобой.

Что-то настораживает меня в ее утверждении. Возможно, потому что оно прозвучало как вопрос.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой это. — говорю достаточно резко, но и она не отстает.

На крыльцо перед офисом уже высыпает народ, спешащий с работы, но застрявший, чтобы поглазеть развернувшуюся сцену. Большинство собравшихся я не знаю, но мне все равно неприятно устраивать прилюдные разборки. Успокаивает только одно, что я скоро покину эту работу и мне больше не придется встречаться со всеми этими людьми.

— Ты не отпускаешь его. Я же знаю, что он таскается к тебе! Ты словно держишь его чем-то. Своими этими наивными глазками. Он мой мужчина! Мой!

— Тебе ли говорить, кто к кому таскается? — зло шиплю я, чтобы зрителям на крыльчке было не расслышать. — Если он твой, так и разбирайся с ним! — я зло выдергиваю руку, в которую она вцепилась так, что остаются полосы от ногтей.

— Ты ему мешаешь сделать правильный выбор!

Она наступает, яростно сверкая глазами. Подходит так близко, что я начинаю ее побаиваться, но стараюсь этого не показать, не отступить. Мне не комфортна ее аура агрессивности, что нарушает мое личное пространство, но она провоцирует меня на ответный выпад:

— Если что он и делает, то по своему желанию. А ты лучше задумайся, твой ли это мужчина, что не может удержаться рядом с тобой?

Она начинает натурально шипеть, как змея, заставляя еще больше напрячься. Кукольное личико преобразилось в злобное, медузы горгоны. Взгляд прожигает меня, словно действительно хочет меня испепелить. Но одного эффекта он все же достигает, я каменею.

Резкий скрежет шин по асфальту не заставляет меня оторвать взгляд от соперницы.

Краем сознания отмечаю, как рядом с нами останавливается машина, хлопает дверца и через мгновение меня окутывает до боли знакомым парфюмом. Радим здесь.

Вот когда я действительно рада его видеть.

Краем сознания отмечаю, как рядом с нами останавливается машина, хлопает дверца и через мгновение меня окутывает до боли знакомым парфюмом. Радим здесь.

Вот когда я действительно рада его видеть.

Оказывается, мы с соперницей совсем близко подошли к проезжей части, и машина Радима вплотную встала к нам.

Готовая вцепится в меня Лика, мгновенно преображается. Увидев Радима ее лицо злобной горгоны, шипящей и гневно изгибающей рот, превращается в ангельское личико с хлопающими ресничками.

— Радимчик, миленький...

Она не успевает договорить, Радим безжалостно перебивает ее:

— Какой, нахрен, Радимчик?! — зло цедит он. — Лика! Что ты тут потеряла?

Он отгораживает меня от нее своим телом, закрывая и даря чувство защищенности, которое у меня неизменно возникает рядом с ним.

— Она на меня напала! — обвинительно тычет в меня эта блондинистая стерва. — Она просто бешеная.

Я от таких заявлений просто онемела. Неверяще смотрю на ее лицо с наивно хлопающими ресницами. Это ж надо так нагло врать.

— Не выдумывай. — спокойно чеканит Радим, в голосе его прослеживаются нотки раздражения.

— Эти люди подтвердят! — Лика тычет в толпу пальцем, пытаюсь убедить.

Но Радим только неверяще качает головой. Все-таки он хорошо меня знает и понимает, что я не способна на кого-либо напасть без видимой причины.

У разоблаченной обманщицы начинает подрагивать нижняя губа и глаза наполняются влагой.

— Лика, просто садись в машину и не устраивай большего представления, чем ты уже успела устроить.

Против такого грозного, как скала Радима у нее только одно средство — слезы, но и оно не работает. Еще немного постояв, закусывая губу и гипнотизируя своими мокрыми глазками Радима, она все же садится в свою машину и резко срывается с места.

Только когда она уезжает, я понимаю в каком сильном напряжении я была. Меня накрывает дикий мандраж, меня трясет от физического и эмоционального перенапряжения. Слезы градом начинают катиться по щекам. Радим порывисто притягивает к себе, сгребает в охапку, нет сил даже оттолкнуть его.

Утыкаюсь в крепкую грудь и уже не могу сдержать поток слез. Никогда не получалось сдержаться, когда слезам вздумается выйти на свет. Беспощадно мочу его белоснежную рубашку.

— Не плачь Мариш, не надо. Сделаю все, как ты хочешь. Я же Золотая Рыбка, помнишь? Не плачь. Не могу смотреть на твои слезы. — вибрации его хриповатого голоса дарят умиротворение. — Поверь мне, я все возможное и невозможное сделаю, чтобы такое никогда больше не случилось.

Лучше бы и вправду ничего этого не случилось, но этого уже не изменить.

Он удерживает на своей горячей груди мою голову, мягкими поглаживаниями волос, которые слишком быстро заканчиваются, чтобы сделать длинное движение. Его сильные руки сейчас нежны, как никогда. Слышу гулкой стук его сердца, и он необъяснимо успокаивает меня, дарит чувство защищенности. Я в домике и мне хорошо рядом с этим сильным и одновременно заботливым мужчиной, который теперь не мой. Мне приходится постоянно напоминать себе об этом.

— Я больше так не могу! — вываливаю я все наболевшее. — Она звонит мне, теперь нашла место работы! Подкараулила... Радим, это слишком для меня. — шепчу ему в грудь и меня снова начинает трясти.

— Тише, тише, успокойся. Просто дыши. Раз..., два..., три...

Повинуясь повелительным ноткам в его голосе, я делаю все как он говорит, немного успокаиваясь.

— Я улажу этот момент.

— Ты мне говорил уже это!

Он напрягается от моих слов. Рука, гладящая волосы, останавливается. Словно он уже забыл, что обещал мне когда-то разобраться со своей новой "любовью"

— Я все решу, не переживай за это. Теперь уже окончательно. — шепчет он своим хрипловатым голосом куда-то в волосы, успокаивая.

Дыхательная гимнастика сделала свое дело. В крепких руках мандраж стихает, в них тепло и спокойно, надежно. Мне не хочется из них выныривать. Я так устала от постоянного напряжения этой недели, что теперь сложно в себе победить желание расслабиться, понежиться в его руках.

Но как бы ни было хорошо в его объятиях, нужно уже что-то решать. Так тянуться больше не может.

— Обещай мне, — шепчу я ему в грудь, пока не передумала и не захотела еще понежиться, — что не будешь больше приезжать ко мне, преследовать меня, предлагать услуги извозчика и вообще попадаться мне на глаза. — я немного отстраняюсь и смотрю ему в глаза.

Он внимательно слушает, а на последних моих словах резко втягивает воздух в легкие, задерживая дыхание, отчего его широкая грудь становится еще шире, отворачивается, блуждая невидящим взглядом вокруг. Наконец, отвечает:

— Если ты этого действительно хочешь. — он сосредотачивает свой острый взгляд на мне, напряженно следя за моей реакцией. Ему важен ответ.

Киваю, глядя ему в глаза.

— Да, мне это нужно. — шепчу, уверенная в своих словах как никогда.

Он считывает мою уверенность и принимает мой ответ, тоже кивая:

— Хорошо. Я дам тебе время. Но ты обещала мне вернуться к вопросу о нас, когда я решу свои проблемы.

— Я не отказываюсь от своих слов! Когда ты действительно со всем разберешься.

Я позволяю подвезти себя, в последний раз. В таком расшатанном состоянии нет желания трястись в общественном транспорте.

Только дома, окончательно успокоенная родными стенами своей крепости, наедине с

собой, я начинаю сопоставлять факты. Третий месяц ее беременности. Это получается, они встречались еще до нашей поездки на Корфу. Божечки, на что я подписалась. Зачем я дала ему призрачный, но шанс?

Понедельник день тяжелый это всем известно.

За выходные я успела восстановиться морально и физически, тем более из дома пришли утешительные новости. Звонила мама, как всегда, в первую очередь отчитавшись о здоровье отца — он чувствует себя хорошо, хотя и тянет со своим обещанием пройти обследование, что меня сильно беспокоит. Но когда я перееду обратно к родителям, возьму дело в свои руки, и он у меня не отвертится.

На новости, что я увольняюсь и переезжаю к ним, на первое время мама реагирует спокойно, сухо отметив лишь, что отец будет рад. Обычная мамина реакция, но я ждала, наверно, что она проявит больше участия и радости от этой новости.

Зато на работе меня поджидают неожиданные новости. Кадровичка Леночка, пробегая мимо моего рабочего стола, шепнула, что босс не подписал моего заявления и лучше бы мне решить этот вопрос самой. Вот так надейся на других людей. Стоит винить только себя, что сразу не решила вопрос с увольнением.

Секретарша Лизочка мимо не пробежала, а целенаправленно шла ко мне прямой наводкой. "Сам" вызывает. Ну что ж, этот понедельник не стал исключением в традиции последних дней — каждое утро у босса на ковре.

Немного медитирую у двери в кабинет Дмитрия Владимировича. Медленно выдыхаю. Что бы ни случилось, сейчас мне нужно быть сдержанной, несмотря на то, что это все труднее сделать, в последнее время.

— Проходите Мариночка, присаживайтесь. Сейчас Лизочка чаю принесет или вы предпочитаете кофе? — сразу же предлагает, как только я захожу.

— Кофе, — коротко отвечаю.

С опаской принимаю предложенное место в кресле у стола. Босс, сидевший до этого, резко встает и начинает расхаживать по кабинету. Его поведение вызывает немало удивления. Виданное ли дело, чтобы босс вставал со своего "королевского места", обычно его не вытасишь. Следить за движением маятника и то приятнее, чем за мельтешащим боссом, вызывающим неприятное напряжение. К тому же смотреть приходится снизу вверх, что создает дополнительный дискомфорт.

— Мариночка вы все же решили от нас уйти? — задает вопрос спустя минуту, как будто не сам порвал мое заявление на той неделе.

— Да, я нашла другое место, которое меня больше устраивает. — невозмутимо поясняю.

От моих слов босс, как будто переключается. В одно движение приближается и заключает в капкан. Опираясь о стол одной рукой и на подлокотник кресла, в котором я сижу — другой, запирая меня в неловком положении.

Он наклонился и теперь его лицо очень близко от моего. Отчетливо радужка его льдисто-голубых глаз. Он смотрит, как удав не мигая.

Я стараюсь еще дальше отклониться назад, но уже некуда. Дальше только сползать под стул, что не очень удобно.

— В чем же проблема Мариночка? Что вас не устраивает у нас? Если дело в зарплате, я неоднократно предлагал вам ее повысить.

— Я не согласна на условия ее повышения. Считаю их неприемлемыми, — смотрю в его холодные глаза, от которых меня передергивает.

— Ну что вы, Мариночка, попробуйте вам точно понравится, — улыбается он.

— Ну что вы, Мариночка, попробуйте. Вам точно понравится, — улыбается он.

Что ему нужно от меня? Хотя это уже очевидно. Но почему именно я? Целый офис желающих и боготворящих босса, а он прицепился именно ко мне.

Я не успеваю ответить, он делает неожиданный, резкий выпад, которого я подсознательно опасалась. Одно движение вперед, нацеленное на мои губы. Я успеваю только отвернуться. Он мажет своими мерзкими губами по моей щеке, волосам, но даже этого достаточно, чтобы я начала его отталкивать и вырываться.

Встретив сопротивление, он ничуть не смущается. Лишь немного отстраняется, давая мне отдышаться. Но я продолжаю толкать его в грудь, чтобы не сближать дистанцию.

— Ну что ты какая нелюдимая? Тебе же лучше будет, если согласишься. Давай по-хорошему, а? — переходит на ты, словно сейчас он со мной пил на брудершафт, а не хотел насильно поцеловать.

Какой же мерзкий тип, еще прикрывается благими намерениями. Меня мгновенно пробирает неприязненный, липкий озноб, холодные мурашки пробегают по позвоночнику. Мозг напротив, как всегда в напряженных ситуациях, начинает соображать активнее.

— По-хорошему говорите... По-хорошему бы сделать омлет из ваших яиц — я хищно прищуриваюсь, примеряясь к обозначенному месту, рассчитывая расстояние, дотянусь ли в случае если угрозу придется претворять в жизнь. Внешне я стараюсь держать лицо, но внутри меня уже начинает потряхивать. Я долго не выдержу такого противостояния и в голову не приходит больше ни одной мысли, как вывернуться из этой ситуации.

Мы так и замерли в этих позах, он — пристально изучая мое лицо и гипнотизируя взглядом своих льдистых глаз, я — стараясь не отвести взор и не показать свою слабость.

Тройной короткий стук в дверь спасает меня от посягательств босса. Дмитрий Владимирович выпрямляется, как раз в тот момент, когда дверь распаивается и в кабинет вливается Лизочка с небольшим подносом, заставленным двумя чашками ароматно пахнущего кофе.

Я ловлю этот момент, чтобы вылететь из кресла, на подрагивающих ногах быстрее преодолеть расстояние до двери.

— Я пошла работать, — зачем-то оправдываюсь, скорее для Лизочки, чем для босса.

— Это вы зря Мариночка, — несется мне вслед ехидный голос босса.

Божечки, я не знаю, как решить эту ситуацию. К кому пойти и куда обратиться, чтобы прекратить домогательства босса, перешедшую из пассивной формы в активную агрессию. И как теперь уволится с этой работы? Может вообще собраться сейчас и больше не приходиться сюда. Черт с ней, с трудовой, уволят по статье, мне уже не важно. Лишь бы больше не видеть рожу мерзкого босса.

С этими мыслями я стараюсь быстрее проскочить до своего рабочего стола. Забрать сумку и уйти? Когда меня ловит пара мужских рук.

— Марина, я окликаю тебя, ты не слышишь! Откуда ты такая заплаканная?! — слышу встревоженный голос над головой.

Я не сразу понимаю кто это, инстинктивно пытаюсь вывернуться, но хватка крепка. Эти руки меня не отпускают. Они держат надежно.

Сначала я узнаю запах. Он родной, такой домашний, мой. Затем голос, он немного

искажен беспокойством, но прослеживаются знакомые интонации.

— Ты опять преследуешь меня?

Я поднимаю глаза, смотрю в родное лицо Радима. Он опять словно в каменной маске и тон его становится малоэмоциональным:

— Я по работе здесь. Ты почему заплаканная? — повторяет он свой вопрос. — Кому надо морду начистить?

Да точно мы же работаем на одну сеть магазинов, он в структуре управления, а я мелкий клерк в офисе. И мой босс хоть в косвенном, но подчинении у моего мужа.

Я смахиваю капельки слез с уголков глаз. Предатели все-таки выступили.

Сказать, не сказать? Решаю не скрывать и говорю о проблемах с увольнением, умалчиваю только о приставаниях босса. А то и вправду ему приспичит действительно начистить морду. А я не хочу, чтобы у Радима были из-за этого проблемы с законом.

Радим внимательно меня выслушает и отправляет на свое рабочее место, а сам как ураган несется напрямиком к кабинету босса. Кажется, умалчивание не сработало.

В который раз вспоминаю нашу последнюю ночь, как только я увидел Марину, выходящую из лифта в легком, струящемся платье с ее новой стрижкой, открывающей тонкую шею, делающей ее образ более хрупким, изящным. Обалденную, такую неземную, словно богиню, спустившуюся к смертным. Я не мог представить, что можно больше восхищаться ею, но это так.

Всего лишь одно касание к ее гладкой коже, самыми кончиками пальцев и этого хватило. Меня коротнуло, перемкнуло и уже трудно было остановиться. Думать о чем-то другом кроме нее.

Ее сладкий вкус, нежность кожи, мягкость волос. Держал ее в объятиях, забыв обо всем, любил и боготворил ее в тот момент. Я искренне поверил, что Маришка простила меня, теперь все будет как прежде. Даже когда поутру она пряталась от меня в одеяле, я все еще верил в свою удачу!

Ошибался. Как жестоко я ошибался.

Гений, да. Так лажануть с цветами. Притащить банальные розы, по совету консультанта, а не ее любимые герберы. Я понял свою оплошность, когда она не захотела принимать букет. Все-таки у моей жены твердый характер, если что и вобьет себе в голову, ее трудно переубедить.

Поганое чувство, что я продолжаю падать в бездонную яму, не покидает в последнее время. Моя жизнь выбилась из-под контроля и никак не желает заходить в свою колею, сколько бы я ее туда ни загонял. Это непривычно. И делает мою жизнь еще более напряженной и хаотичной. Я привык все держать в своих руках, в своем подчинении, но словно какая-то потусторонняя сила мешает мне и путает все карты, создавая полную анархию.

Получив на руки результаты тестов на отцовство, я не смирился с их значением. Твердое намерение сделать повторные, чтобы убедиться в достоверности, встретили сопротивление со стороны Лики. Она наотрез отказалась делать какие-либо еще анализы, объяснив это тем, что для нее одной экспертизы достаточно. Но я привык все перепроверять. Не успокоюсь, пока не сделаю тесты еще в паре независимых клиник. Но без согласия матери это проблематично, мягко говоря.

Я подсознательно ждал нашей встречи с Маришкой, когда ехал в офис ее подразделения. Но оказался не готов встретить ее по пути к кабинету их начальника. Заплаканную!

Я окликаю ее, но она не слышит меня. Ее глаза покраснели и уже наливаются слезами. Кто или что довело ее до такого состояния? Внутри неумолимо поднимается смерч ярости, вызывая желание крушить. Ловлю ее за хрупкий локоток.

— Ты опять преследуешь меня? — ее нежный голосок дрожит, но едва ли она это замечает.

— Я по работе здесь. Ты почему заплаканная? Кому надо морду начистить? — стараюсь контролировать голос, чтобы не рычать и не пугать ее еще больше.

Она неловко смахивает влагу с уголков глаз. Никогда спокойно не мог смотреть на ее слезы. Сразу возникает желание накостылять ее обидчику. Так хочется защитить, укрыть от всего мира. Но что делать, если ее слезы вызваны мной? Как защитить от себя?

Воспоминания о вчерашних ее словах душат, отрезвляя меня.

Когда она рассказывает про своего босса, внутри начинает гореть от выжигающей ярости. Все же начистить одно рыло придется. Я нисколько не поверил, когда она сказала, что проблема только в увольнении. Всегда вижу, когда она недоговаривает, стараясь сберечь мои чувства. Но беречь здесь нечего.

Я вижу, что Марина умалчивает о чем-то, а так как она вышла сейчас из кабинета босса, все шишки достанутся ему.

О данном руководителе давно ходит слава по офисам, как о начальнике со специфическими методами руководства. И я сейчас благодарен гендиру, что этим утром отправил меня прошерстить работу этого подразделения.

Секретарша, вышедшая из кабинета с двумя чашками на подносе — одна полная, едва успевает отскочить, когда я залетаю туда. Успеваю выхватить взгляд расширившихся глаз, перед тем как захлопнуть дверь перед ее носом.

Меня выбешивает это еще больше. Не такой уж я и монстр, в отличие от ее босса.

Он расслабленно сидит за своим столом, делает движение встать. Не успевает. Я припечатываю его к месту, хватая и выворачивая руку, заставляя распластаться на столе.

— Что ж ты Дмитрий, беспредельничаешь? Красновскую сейчас ты прессовал? — эта тварь не отвечает, лишь стонет, пытаясь вывернуться, но я надежно удерживаю его, давя на плечо и выворачивая кисть еще немного, для осязательности моих слов.

— ..., знаю что ты.

— Да что ты впрягаешься за нее? Вы разбежались. Я в курсе! Она даже кольцо не носит уже!

— Это не твое дело. Звони в отдел кадров, подписывай приказ на увольнение, сегодняшним днем, без отработки, пусть готовят документы, я сейчас к ним зайду, чтобы все готово было. Ты понял?! Понял, спрашиваю?! — надавливаю на его руку сильнее, что слышен хруст.

— Да, да, понял. Я все подпишу! Руку отпусти, больно. — чуть ли не плачет он.

— Так дозвонишься. Одной руки тебе достаточно.

— Я левша! Мне нужна левая рука.

Упс, этого я не предусмотрел, когда выворачивал ему руку. Но жалости он не получит.

— Так справишься, сказал. Быстрее шевелись, иначе твоей рабочей руке не поздоровится еще больше.

Скуля и стена он совершает звонок, отдавая распоряжения, лишь тогда я отпускаю руку.

— Еще раз я узнаю, что ты приближался к моей жене или просто в сторону ее посмотрел, ты пожалеешь, что на свет появился. — делаю напоследок внушение.

— ..., я напишу на тебя заявление!

Внушение не работало. Качаю головой.

— Прежде чем это сделать, хорошо подумай. Болтуны плохо кончают. И у налоговой могут возникнуть к тебе вопросы. — вижу, как это внушение работало по расширяющимся зрачкам.

Да, немного блефую. Но ради спокойствия Маришки я и не на такое способен.

Нахожу Маришку за своим столом. Смотрю в ее обеспокоенное лицо и хочется себя прибить. Она еще не знает, что я потребую в обмен на свою помощь. Предложение, от которого она не сможет отказаться. Да, действую не совсем честно. Но к черту честность, когда на кону Марина и наша семья!

Я тяжело падаю в свое рабочее кресло. Зачем-то хватаю мышку, но подрагивающие пальцы мешают мне что-либо сделать, курсор как припадочный бегаёт по экрану. Я же не собираюсь сейчас работать, я просто не смогу! Слишком много стрессовых ситуаций в последние дни. Так недалеко до нервного истощения.

Я отпускаю бедную мышку, стараюсь отдышаться. Смена обстановки явно пойдет мне на пользу.

Вижу выглядывающие макушки кумушек из своих кабинок, сверкающих своими глазами как голодные кошки, учуявшие добычу. Но увидев мой взгляд, прячутся обратно. Соня даже осмеливается спросить, почему я такая бледная вернулась от босса. Я отмахиваюсь от них, не могу думать ни о чем кроме Радима в кабинете босса. Я потеряла счет времени, постоянно поглядывая на часы, но не фиксируя время. Сколько он уже там?

— Это твой муж был? — слышу тоненький голосок рядом, оборачиваюсь, совершенно не понимая, что от меня хотят, — красивый, — протяжно выдыхает Соня. Она подкатила к моему столу на своем кресле и теперь смотрит выжидательно.

Радим вырастает у моего стола неожиданно, такой же свежий и собранный.

— Бери вещи. Считаю, ты здесь уже не работаешь.

— А трудовая? — робко интересуюсь.

— Сейчас заберем твою трудовую, — улыбается он натянуто.

Он ведет меня, придерживая под локоток. В другой раз я бы возмутилась такому сопровождению, но сейчас я, пожалуй, даже рада, что мне приходится проходить все это не одной. Под пристальными провожающими взглядами всего офиса мы заруливаем в отдел кадров. Им был выделен отдельный кабинет, это и являлось причиной зависти работников всего опен спейса.

На удивление очень быстро справляемся с документами, всего лишь пару подписей поставить и мне отдадут трудовую. Только Леночка посматривает волком на меня и моего сопровождающего. В чем проблема-то? Непонимающе смотрю на нее, но она отворачивается. Чем я успела ее обидеть?

Божечки, я и не рассчитывала на такой быстрый исход, как я благодарна провидению, что послало мне в помощь Радима, без него я бы не справилась.

На выходе из офиса Радим задерживает меня. Я с удивлением смотрю на него. Я думала, он останется решать свои рабочие вопросы.

— Тебе разве не нужно остаться? Решил все рабочие моменты? — мои слова звучали бы насмешкой, если бы не вся серьезность ситуации.

— Работа не существенна сейчас. Меня больше волнует как ты?

Я прислушиваюсь к себе. На удивление хорошо себя чувствую, и мандраж давно отступил, сразу, как я поняла, что больше ничего не связывает меня с этой работой и я сюда больше не вернусь. О чем и сообщаю Радиму. Намереваюсь уйти, но он останавливает меня.

— Подожди. У меня есть просьба. Я бы хотел, чтобы ты отнеслась с пониманием и откликнулась на мое предложение.

— Подожди. У меня есть просьба. Я бы хотел, чтобы ты отнеслась с пониманием и откликнулась на мое предложение.

Он смотрит на меня выжидательно. Его внезапная просьба, немного удивляет и настораживает меня. Что такого он может у меня попросить? Я готова его выслушать, но решение приму, когда узнаю все обстоятельства, о чем и сообщаю ему.

— Хорошо, я слушаю. Но ответ дам после того, как ты все расскажешь.

Он выдыхает, словно собираясь с силами. Складывая бровки домиком, смотрит на меня просительно.

— Антон Федорович устраивает званый ужин в эту субботу. Все топы с женами приглашены. Мы с тобой в том числе.

Я ожидала услышать все что угодно, от желания развестись полюбовно до просьбы съехать, но точно не приглашение на званый вечер.

— И без меня никак нельзя обойтись? — не могу скрыть скепсиса в голосе.

— Гендир за семейные ценности, поэтому важно, чтобы была именно жена. — он разводит руки в примирительном жесте.

— И Дмитрий Владимирович тоже будет?

— Боюсь, что да.

Не уверена, что хочу видеть этого мерзкого человека, но это малое, что я бы не хотела делать.

— Послушай, мне очень нужно, просто необходимо, чтобы именно ты пошла со мной, мне очень важно это.

— А как же твоя... Эта Лика? — мне все еще трудно произносить это слово "любовница", просто назвать вещи своими именами.

— При чем здесь Лика? Ты моя жена и важно, чтобы именно ты присутствовала.

— То есть пока я твоя жена, я должна буду на публику изображать счастливую семью? Ты не считаешь, что это слишком, и по меньшей мере лицемерно?

— Нет, Марин, не нужно ничего изображать. — он понуро опускает голову. — просто будь моей спутницей на этот вечер. — а когда поднимает взгляд, я не могу устоять перед просительным видом его глаз.

Сердце сжимается, отдавая болью в груди. Я отворачиваюсь, чтобы не видеть эти жалобные глаза.

— Ты не думаешь, что это слишком изображать что-либо перед твоим начальником, когда мы уже фактически расстались? Напомнить тебе, что ты сам собрал вещи и ушел?

— Марин, прости за это, — он делает движение, чтобы дотянуться, но я отшатываюсь. Ну нет уж, не получится сейчас затуманить мне голову своими нежными прикосновениями.

Его рука хватает воздух и сжимается в кулак, ничего не поймав.

— Я очень благодарна за помощь, но я не готова расплачиваться за нее. Все-таки за непрошеную помощь, не требуют что-то взамен.

Он качает головой.

— Я не прошу услугу взамен на свою услугу. Я прошу помочь мне и надеюсь на твое понимание.

Я поджимаю губы. Мне нечем крыть, и я не могу и не хочу отказывать в помощи.

— Мне нужно подумать, — все же отвечаю я.

— Хорошо. До субботы время у тебя есть. — выдыхает он.

Кажется, он уже знает мой ответ.

Ощущение, что вот только сейчас я почувствовала себя свободной. Надо мной не давит работа с горе-начальником. Не нужно думать, где достать деньги и как найти более высокооплачиваемую работу.

Звонила отцу, хотела провести увещательную беседу по поводу его здоровья и важности его в нашей жизни, но оказалось не нужно. Отец при помощи мамы и дяди Саши лег таки в стационар, на полное обследование. Врачи настояли на такой форме госпитализации для большего комфорта пациента. Отец не оценил такой заботы о себе и успел позвонить и пожаловаться мне. Мама категорически отказалась внимать его стенаниям. Знаю это напускное. Ей тоже тяжело, когда отец не рядом. Уверена, она все приемные часы проводит с ним.

Я горячо обещаю отцу уже завтра быть у него и скрасить все тяготы его пребывания в больнице.

А сейчас меня ждет гора вещей. Дверцы шкафа распахнуты настежь, на кровати лежат разложенные офисные костюмы и платья, домашние халаты с пижамами. Все это нужно аккуратно запихнуть в чемодан и не забыть пару босоножек на небольшом каблучке.

Оглядываю свой большой желтый самсонайт и чувство, что я собираюсь в командировку, не покидает меня. Надеюсь, этого хватит на первое время. Как бы я ни трамбовала вещи, влезло не все, пару костюмов пришлось оставить. Пока лето, надеюсь, они мне не пригодятся.

Такси заказываю на завтрашнее утро. Сегодня я хочу устроить прощальный вечер с верной моей подругой.

— Люд, а ты чем занята? Мне ну совершенно не хочется сидеть одной дома. Может встретимся в нашей кафешке? — говорю жизнеутверждающе в динамик смартфона.

— Не, давай ко мне. У меня "божественная" кофемашина.

Я даже "слышу", как она закатывает в блаженстве глаза, настолько томный ее голос.

— Ты хотела сказать новая?

— Нееееет, — улыбается она.

На пороге Людкиного съемного лофта, вручаю бутылку:

— Это вино тебе, у меня настроения нет пить.

— Ну знаешь, мне одной тоже неинтересно. Проходи на кухню. Там у меня пирог.

— Пирог у тебя?

— И не спрашивай, сегодня меня золушка цапнула в нос.

Сидя за стойкой, гордо именуемой кухней в этой скромном лофте за чашечкой кофе, ко мне подкрадывается неожиданный вопрос:

— Людк, а Людк?..

— Но-но, вот сейчас не надо! — строго предупреждает подруга.

Я улыбаюсь ей. Так не любит все отсылки к знаменитой экранизации.

— У меня к тебе серьезный вопрос, между прочим. — притворно обижаюсь я.

Она делает приглашающий жест, не желая отрываться от своего "божественного" кофе.

— Есть какой-то эффективный способ разлюбить?

Людка закашливается, делая мне жест похлопать по спине. Я нежно поглаживаю, тем более что она уже отдышалась и даже немного задумалась.

— Ты прям с козырных вопросов заходишь. Не думаю, что есть универсальный способ. — немного подумав, залезает в телефон и заявляет, — Самое эффективное утверждают — время.

Я морщусь. Неее, нам это не подходит.

— А есть еще что-нибудь?

Снова зависнув в телефоне, перечисляет сплошным потоком:

— Погрузится в работу, сделать карьеру, начать новое дело, переключится на любимое хобби, переезд, смена обстановки, новые друзья, новая влюбленность, удалить все контакты и связи с объектом старой любви, — она разводит руками, — выбирай любое.

Пожалуй, переезд это мое. И новая работа.

— Я завтра уезжаю. В другой город. Насовсем.

— И вот это только сейчас мне говоришь? Прощальный вечер мне устроила? — возмущается подруга, отставляя свою чашку.

— Нууу, я буду еще наездами. Наверно.

— И где ты собираешься остановиться?

— На первое время к родителям. А потом присмотрю что-нибудь. Ты знаешь, дядя Саша мне работу предложил. Так что уже все решено.

— А с Радимом у вас что? Я старалась не вмешиваться в ваши отношения. Ты все-таки его выбрала, вышла за него замуж. Но... — она делает паузу, поднимая на меня глаза, блуждавшие до этого бесцельно по кухонной зоне. — Я все же решила тебе рассказать. Я видела его вместе с какой-то блондинкой в одной частной клинике.

— А с Радимом у вас что? Я старалась не вмешиваться в ваши отношения. Ты все-таки его выбрала, вышла за него замуж. Но... — она делает паузу, поднимая на меня глаза, блуждавшие до этого бесцельно по кухонной зоне. — Я все же решила тебе рассказать. Я видела его вместе с какой-то блондинкой в одной частной клинике.

— Когда? — мой тон скатывается в безэмоциональный шепот.

— Вчера.

— Ну, это наверно, его любовница. Ты знаешь, она подкараулила меня у офиса.

— Ну в следующий раз, как увижу, я ей точно патлы повыдираю и не посмотрю на твое милосердие — Людка уже пыхтит как закипающий чайник. Видно, как ее возмущает это до глубины души.

— Ты знаешь, с Радимом мы, кажется, все. Я сама его оттолкнула.

— Эмм, подруга, ты не все мне рассказывала. Он же свалил от тебя, больше месяца прошло. Разве нет?

— Да, но... Мы постоянно сталкиваемся. Вот уж когда наш миллионник кажется тесным для нас двоих. Ты знаешь, он подкарауливал меня у дома, ждал в машине, и вчера он помог мне с увольнением, — слезы невольно выступают на глаза, — а потом попросил сопровождать на званый ужин.

— И ты согласилась?

— Почти, — шепчу я.

— Я так понимаю, отговаривать тебя бесполезно? — не спрашивает, утверждает подруга. — Прибила бы твоего этого идиота, так мурьжить тебя это надо быть садистом! — эмоционально выдает она. — Он же и не возвращается к тебе. И не отпускает. Как можно так? Я бы давно послала его лесом и номер его заблокировала!

— Я попросила его больше не преследовать меня и не показываться на глаза. — приходится закусить губу, чтобы позорно не разреветься.

— Ну ты, мать, даешь, — ошарашенно выдает подруга, — но судя по тому, что он тащит тебя на этот ужин, просила ты не особо убедительно?

Поджимаю губы и отворачиваюсь, прячась за своей кружкой. Ну что тут ответить. Действительно, не сработало.

— Знаешь, что я думаю? Ты просто сама еще не готова с ним расстаться. Ты подсознательно ждешь, что он вернется, что-то изменится.

— Я открываю рот, чтобы возразить, но тут же захлопываю его, а ведь и правда, мне не хочется его отпускать. Мое тело еще помнит как хорошо с ним, я еще не забыла, как хорошо нам было вместе. И отчего-то мозг отказывается верить в наличие Лики у Радима, как будто она фантом, какое-то несущественное недоразумение.

— И что мне делать? — поднимаю глаза на подругу.

— Надо резать, просто отрезать и выкинуть, как опухоль, что мешает полноценно жить. Ты уезжаешь в другой город. Вот, выкинь симку, заблокируй его во всех соцсетях и начни уже новую жизнь, свою жизнь. Пойми, пока тебя держат прошлые отношения ничего нового, хорошего на твоём горизонте не появится. Ты молода здорова, красива. Что тебе еще нужно, чтобы начать новую жизнь? Правильно, — тычет она в меня своей кружкой, — только, наконец, отпустить прошлое. Тогда и жизнь твоя наладится.

Нестерпимо ноет внутри, когда я думаю, что Радим мое прошлое, и слезы сами стекают с уголков глаз, это нестерпимо больно думать так. Но Людка права. Это прошлое нужно отпустить, нужно отпустить Радима. Попробовать жить заново. Без него.

Людка обхватывает меня, я и не заметила, когда она приблизилась, качая и убаюкивая в своих объятиях.

— Прости, Маринка. Это действительно больно, но это нужно сделать иначе не получится жить дальше. Эти отношения затянут, тебя, погребут под своей токсичностью. Поплачь в мою жилетку, пока я рядом. И начни уже свою жизнь с чистого листа. — ее слова, хоть немного, но приносят успокоение. Действительно, становится легче.

Людка свинтила от проводов, как только узнала, что такси заказано на утро. Я и не рассчитывала на ее присутствие, у нее работа.

Мама, как всегда, встречает в переднике. Что-то вкусное готовит для отца. Домашнее. Мамина забота видна даже в сервировке папиного будущего обеда. Обязательно керамический контейнер с бледно-розовыми цветами на боку, приборы любовно завернуты в тканевую салфеточку, и все это еще раз оборачивается полотенцем, и аккуратно пакуется в термосумку. В каждом ее жесте забота и любовь. Почему у меня так не может быть? Одна любовь на всю жизнь? Как у родителей. Выбрав Радима, я думала, так и будет, но ошиблась.

Бальзамом на душу — радостные глаза отца.

Остаток недели я посвятила заботам о нем. Папа даже ощутимо приободрился, когда я начала посещать его каждый день. Он не жалуется на свое состояние, но врачи пока не дают утешительных прогнозов.

К вечеру субботы я готовлюсь со всем тщанием. Кто бы знал, зачем я так стараюсь произвести сногшибательное впечатление? На самом деле мне важно какой эффект я произведу на одного мужчину, а не всю публику, присутствующую на ужине.

Сердце колотится, готовое выпрыгнуть. Радим честно выполнял данное слово, ни звонком ни присутствием не преследовал меня. не нарушал нашей договоренности.

Радим уже позвонил, сообщил что ждет у подъезда, хотел подняться, но я сказала, что уже готова и уже спускаюсь.

Остался последний штрих для завершения моего образа — капелька духов Коко Шанель, дополняющий и делающий его более изысканным. Идеально подходит к маленькому черному платью, я решила никаких платьев в пол, как на светских раутах, простая элегантная классика — сегодня моя спутница.

Короткая стильная стрижка с яркими прядями, выразительные стрелки,

Яркий акцент на губах — помада цвета бордо. Тонкие длинные серьги, что свисают выглядывая ниже линии каре.

Радим зависает в телефоне, когда подхожу к авто, смотрю на него гипнотизируя хочу увидеть его реакцию на мой образ, но он не отрывается от своего гаджета.

Легко открываю дверцу, впархивая на переднее пассажирское. Смотрю строго перед собой, натянутая как струна, прямая спина. Медленно поворачиваю голову, чтобы оценить реакцию сидящего рядом мужчины. Удовлетворение проскальзывает в моих глазах. Его взгляд, сверкает в свете датчиков на панели.

Выкуси, посмотри, что ты потерял.

— Ты прекрасна, — выдыхает он, не сдержавшись.

— Спасибо, — улыбаюсь я.

Патока удовлетворения растекается по венам и уже хочется бесконечно улыбаться ему. Соберись тряпка — одергиваю себя. Вспомни для чего ты тут. Всего лишь сопровождение, необходимость. Не твой мужчина. Последний вечер в этом городе, потом я навсегда покину его.

Отворачиваюсь, чтобы не смотреть бесконечно на его профиль, как заводит мотор, как он безупречен в этом костюме, как уверенно держит руль и иногда скользит по мне мимолетным горящим взглядом. По ногам, по платью, подол которого совсем неприлично

собрался вверх, но я намеренно его не поправляю. По груди и обнаженным плечам, останавливаясь на губах.

Пусть любит, пока у него есть такая возможность.

Пусть осознает, поймет, что потерял.

Изящный, большой дом в стиле модерн встречает нас элегантными линиями и просторными панорамными стенами. Радим заруливает к крыльцу, просит меня подождать. Выходит, перебрасывая ключи парковщику, сам открывает мне дверцу, подает руку, помогая выйти. Машина отъезжает и мы остаемся одни на подъездной дорожке.

Радим привычно хочет положить ладонь на мою поясницу. Я делаю поспешный шаг и его рука скользит по воздуху, так и не коснувшись меня. Не нужно лишних касаний сейчас. Он делает приглашающий жест, пропуская меня вперед. Хочет оценить мой тыл. Ну что ж, пусть полюбуется. Тем более он выглядит шикарно в этом платье, подчеркивая все плавные изгибы моего тела.

Антон Федорович с молодой супругой встречают гостей лично с теплотой и радушием. Я оглядываю холл со стильным дизайном. Уже давно стемнело и кажется золотой свет льется не только с потолка, но и со всех поверхностей этого просторного помещения, создавая неповторимую атмосферу гостеприимства и роскоши.

— Виолочка захотела дом в таком стиле, — зачем-то оправдывается хозяин, после приветствий, обнимая жену, — так что у нас новоселье. — его добродушные глаза лучатся радостью и теплотой.

Его супруга молодая женщина, едва ли старше меня, одета в элегантное вечернее платье в пол черного цвета, усыпанное мириадами черных камней, что мерцают в этом шикарном освещении.

— Я рад, что вы пришли вместе. — обращается он только к Радиму. — Я ждал тебя. Нам нужно обсудить несколько вопросов. Леди мы покинем вас. — кидает он небрежно, уводя Радима.

Я не успеваю ответить, Виола благосклонно кивает. Хозяин дома уводит мужа обсудить дела, оставляя меня на растерзание хозяйки дома. Мы только познакомились и кроме светской беседы мне нечего ей предложить, но она и сама не промах, готова поддержать любую беседу и всячески развлечь гостей.

Она мило щебечет о том, как создала такую красоту в своем доме, что кетеринг значительно облегчает жизнь, провожая меня в гостиную, смежную с общей столовой, где собрались все приглашенные. Спустя пять минут ее милого щебетания и моих односложных ответов, она убегает встречать очередных гостей. Обязанности хозяйки дома никто не отменял.

Среди разряженной толпы я никого не знаю. Бесцельно слоняюсь, разглядывая обстановку. Здесь уже не так много света как в холле. Но выдержано все в одном стиле. На стенах полотна неизвестных мне художников, разглядывание которых и занимает мое время.

Переходя к очередной картине что-то цепляет мой взгляд, легкий холодок пробегает по спине. Я разворачиваюсь, чтобы вновь осмотреть толпу. И встречаюсь с пристальным взглядом ледяных глаз. Бывший босс, как и ожидалось тоже на этом мероприятии, но почему я морально не готова с ним встретиться? Радим оставил меня одну в толпе незнакомых людей и первый мой порыв сбежать, но я останавливаю себя, делаю глубокий вдох и встречаю взгляд бывшего босса уверенно. Он не получит моего страха.

Его левая рука загипсована и подвешена в слинг. Он прожигает меня ненавидящим взглядом и губы его кривятся в недоброй усмешке.

Дмитрий Владимирович стоит на противоположной стороне гостинной. Его взгляд меня невероятно пугает, я чувствую его скрытую угрозу. Мне хочется побыстрее найти Радима, чтобы спрятаться под сень его защищающей ауры.

Встреча с неприятной мне личностью — бывшим боссом, поселяет раздрай в душе и окончательно портит настроение вечера. Я все еще помню мерзкое ощущение от его губ, отчего меня начинает слегка подташнивать. Не хотела вспоминать этот эпизод моей жизни, но он невольно всплыл в памяти.

Понятно, что эту встречу невозможно было избежать, появившись на этом мероприятии. Я стараюсь сохранять спокойствие, отвлечься, обратив внимание на других гостей. Но меня не хватает даже чтобы присоединиться к беседе с кем-то. Напряжение, сковавшее мои мышцы никак не хочет отпустить.

И вот когда я решаю наплевать на все и позорно сбежать, на мою талию ложится рука. Теплые обволакивающие объятия с родным запахом приносят толику успокоения.

— Не скучала? — бархатное мурлыканье не производит обычного впечатления.

Я нервно оглядываюсь на бывшего босса, Радим прослеживает мой взгляд и пальцы на моей талии смыкаются плотнее.

— Уже хотела бежать, — честно признаюсь.

— Искать меня? — прорываются рычащие нотки сквозь зубы.

Если бы, думаю я. Но в своей слабости стыдно признаться даже Радиму.

— Пойдем, всех приглашают к столу.

Он увлекает меня в столовую, где накрыт один огромный стол. И множество маленьких. Сразу видно, что это помещение изначально планировалось и обставлялось для приема большого количества гостей.

Милая девушка-хостес выискивает наше место в планшете, усаживает за главный стол, ближе к хозяину. Он уже сервирован. По обе стороны от тарелки тянется по ряду приборов.

Несколько девушек-хостес усаживают гостей за столы, но дело это не быстрое. Приходится провести некоторое время в ожидании.

Замечаю, что Дмитрия сажают на другой край стола, в достаточном отдалении от нас. Это успокаивает, не хотелось бы сидеть напротив него. И весь вечер ощущать ледяной взгляд варана на себе.

Удивительно, что даже после секретных обсуждений наедине с хозяином дома у мужчин еще остаются не обсужденные вопросы о делах. Весь оставшийся вечер меня не покидало ощущение что я присутствую на скучном деловом ужине, где дамы присутствуют только ради красивой картинки. В самом деле, что я могу смыслить в акциях о опционах?

Не радовали уже ни изысканность блюд, ни шикарность обстановки.

Поэтому, когда наконец, я вышла на свежий воздух, почувствовала всю тяжесть, что несла весь вечер на своих плечах, стараясь не выдать упавшего настроения. Свежий, влажный воздух, насыщенный озоном после только что прошедшего дождя, наполнил легкие облегчением и умиротворением. Наконец этот вечер закончен и можно вернуться домой, в стены родной крепости, которым ненадолго оставаться таковыми.

Свежий, влажный воздух, насыщенный озоном, после только что прошедшего дождя, наполняет легкие облегчением и умиротворением. Наконец этот вечер закончен и можно вернуться домой, в стены родной крепости, которым ненадолго оставаться таковыми.

Я не перестаю вдыхать свежий воздух, когда нам подадут машину и после, сидя в машине, открываю окно, чтобы насладиться его умиротворяющим запахом. Как давно не было дождя, и теперь он дарит обновление и чистоту природе, как и мне сейчас необходимое. Как рада я покинуть этот город, принесший в последнее время столько потрясений и переживаний. Мне тоже нужно обновиться, оставить все плохое здесь, и уехать с чистой душой.

Радим мягким касанием берет мою руку, отвлекая от моих мыслей. Греет мои холодные пальцы в своей горячей руке. Я не заметила, что замерзла, начиная отогреваться только в машине. Разминает каждый пальчик, делая легкий массаж, явно не планируя отпускать мою руку даже когда каждый пальчик согрелся после его манипуляций. Словно жаждущий, впервые за долгое время дорвавшийся до моего тела, он не освобождает руку, мягко поглаживая костяшки большого пальца.

Радим катает меня по центральным улицам, словно устраивая прощальный вечер с этим городом. Я не против, хочу запомнить все. Темные аллеи в свете фонарей, оживленные магистрали, насыщенные светом словно блеском софитов, любимые кафешки и маленькие уютные ресторанчики, блестящие своими вывесками. Отворачиваюсь от окна, чтобы не разреветься от заранее подкравшейся ностальгии.

Я смотрю на Радима, гадая, знает ли он, что я уеду и больше не вернусь в этот город? Мог ли ему кто-либо сказать, ведь я умалчивала об этом факте. Он чутко реагирует на мой взгляд, сразу поворачивает ко мне свой взор.

На мгновение мы застываем, любуюсь. Я хочу запечатлеть в памяти этот последний момент нашей близости. Я отворачиваюсь, моя рука выскальзывает из его ладони, обретая свое законное место на моей ноге. Не смотри на меня, Радим, смотри на дорогу. Но он не слышит моего мысленного зова, еще несколько секунд рассматривает меня, я ловлю его образ в отражении окна, затем сосредотачивает взгляд на дороге и резко стартует с перекрестка, где мы только что стояли.

У дома он заглушает мотор. Подошел момент неловкого прощания.

Радим еще немного невидяще смотрит на лобовое стекло. Я тоже. Разворачивается ко мне всем корпусом, обращая на себя внимание, я поднимаю свой взгляд на него.

— Марина, — он берет мою руку в плен, выискивая слова. Где же все твое красноречие, Радим? Смотрит своими темными омутами — сегодняшней вечер получился не таким как я его планировал... — начинает, но я не даю ему закончить.

— Он вышел таким как есть, к чему сейчас оправдания, Радим?

Он сжимает свои красивые губы, превращая в тонкую побелевшую линию недовольства. Нежно поглаживает линии жизни и сердца на моей ладони, но мне кажется, что эта рука слишком истерзана им сегодня. Я забираю ее из его плена. Радим резко выпрямляется, облакачивается одной рукой о руль, смотря в лобовое стекло.

— Я хотел, чтобы этот вечер вышел более приятным...

— Но у судьбы свои планы, да, Радим? — я не понимаю откуда во мне прорывается эта

язвительность.

Он кидает на меня острый взгляд темных омутов, предупреждающих об опасности, таящихся в их глубине. Я решаю не продолжать этот разговор. Открываю дверцу, прося не провожать меня. Но Радим выходит следом, не провожает, преследует взглядом, оставаясь у машины.

Бросаю прощальный взгляд на Радима, когда заскакиваю в подъезд. Он стоит опершись о машину, в его руках тлеет красный огонек. Боже, он же бросил давно, к чему все это?

Утром ждет меня такси. Я не удержалась и собрала еще один чемодан любимых вещей.

С легким сердцем, тяжелой душой оставляю этот город. Возможно, навсегда. Или нет?

Первый день на новой работе. Вчера звонила дяде, он с радостью ждет на стажировку.

Лето, самый разгар, на дворе жара и духота. Что ни одень все будет чересчур тяжело для этой погоды. Дядя Саша сказал особо не заморачиваться насчет дресс-кода, в летнюю пору сотрудникам дается послабление в пользу неформальной одежды.

Решаю выбрать легкую белую блузу без рукавов и кремового цвета юбку карандаш чуть выше колен. Хочется выглядеть презентабельно и произвести хорошее впечатление в первый же день.

Вызываю такси. Мама выходит из кухни, откуда доносятся чудесные ароматы готовящейся пищи, укоряюще смотрит на меня:

— Опять на такси?

Она всегда за экономию и мои траты считает необоснованными.

— Мама, это только сегодня! Хочу доехать в приличном виде — успокаиваю ее, впрочем, мои уговоры не убирают скепсис из ее взгляда.

На самом деле, не хочу взмокнуть как мышь, добираясь до работы. В этом году аномальная жара по всему региону, что вынуждает делать корректировки в выборе офисной одежды.

Мама недовольно качает головой. Желает удачи в первый рабочий день и отпускает на заработок вольных хлебов.

Большое офисное здание встречает меня прохладой кондиционированного воздуха. Охранник на входе останавливает меня. Долго ищет по многочисленным спискам, но не находит моей фамилии ни в одном. Разводит руками. Просит позвонить своему работодателю.

Я и сама уже догадываюсь позвонить дяде, но телефон его занят. Возможно он еще не пришел на работу и я слишком рано приехала. Отправляю сообщение, что меня не пускают на входе. Неприятная ситуация. Стоять и ждать, когда перезвонит дядя. Мы разговаривали с ним на выходных, а сегодня понедельник, уверена именно поэтому он не успел предупредить о моем появлении.

— Вам куда? — слышу приятный мужской голос со знакомым тембром. Похоже мы привлекли внимание еще одного наблюдателя этой сцены.

Я смотрю на мужчину в дорогом костюме, и в приятном удивлении признаю в нем старого знакомого — Валеру.

— Фарм трейд к Обрамцову. — отвечаю не задумываясь.

Он кивает, окидывает меня быстрым взглядом.

— Я провожу, под мою ответственность, — кивает он охраннику.

Приглашающе вытягивает руку. Джентльмен — всегда предложит даме пройти вперед, мысленно ставлю галочку. Около лифта толпится народ. Валера провожает меня к дальнему лифту у которого нет ни одного человека.

— Преимущества руководящей должности, поясняет он, увидев мое озадаченное лицо, оглядывающейся назад. — Нам на один этаж, — поясняет он, когда нажимает одну кнопку.

Лифт быстро несет нас вверх. Не давая устояться неловкому молчанию. Я украдкой разглядываю своего провожатого. Высокий, подтянутый, в отлично сидящем на нем темном костюме и на лице сосредоточенное выражение, словно считает в уме многозначные числа.

До этого я знала другого Валеру, более вальяжного, расслабленного, игривого. Нынешний образ совсем не сочетается с тем, что сохранился у меня в памяти, оттого вызывает больше любопытства.

Он замечает мое разглядывание исподтишка, ослепляя меня своей белоснежной улыбкой.

— Прости, немного задумался о работе.

Двери лифта разъезжаются выпуская нас на этаж. Валера так же безмолвно провожает до приемной дяди, оставляя на попечение секретарши. Уходит целеустремленным шагом, едва я успеваю его поблагодарить.

Секретарь — женщина лет сорока, просит подождать, потому что Александра Семеновича еще нет. Дядя появляется через пять минут, взмыленный.

— Прости, Мариночка, сегодня ненормальный день. Понедельник, чтоб его. — оправдывается, уводя к себе в кабинет. — Светлана Анатольевна, вызовите, пожалуйста ко мне Верника и кофе нам. — кидает секретарю.

Кофе не успевает поспеть, когда дверь кабинета открывается и на пороге возникает мужчина в хорошо сидящем, дорогом костюме.

— Знакомься, Марина, твой начальник. — указывает дядя на вошедшего, сверкающего своими тридцатью двумя белоснежными.

Снова Валера.

До меня начинает доходить смысл слов дяди. Я нервно оглядываюсь на него. Божечки, он что, теперь будет моим боссом? Когда ехала с ним в лифте могла ли я об этом подумать?

По честному, первая мысль была сбежать. Но пришлось остаться и показать себя как ответственного сотрудника.

Дядя Саша оглядывает нас пристальным взглядом, прищуривая один глаз, но ничего не спрашивает.

— Знакомься, Марина, это Валерий Александрович Верник, твой непосредственный руководитель — продолжает дядя Саша.

Я не удерж и тихонечко улыбаюсь. Какая говорящая фамилия у моего начальника. С лица довольного Валеры не сползает сияющая улыбка.

— Очень рад! — не сводит он с меня лучистых глаз.

— И я, — робко успеваю вставить

— Вот и прекрасно, — звонко хлопая в ладони, заявляет мой родной дядя. — Мариночка пока стажирется, примет все дела от Аленушки... Алены Игоревны, конечно. Да, Мариночка?

Я медленно киваю. Сказать, что такое попадание неожиданно не только для меня, все равно, что ничего не сказать. Только другой участник этого попадания явно рад больше меня.

— Вот и прекрасно, — снова хлопает в ладоши дядя, — идите работайте тогда. — практически благословляя, отправляет нас дядя.

— Ну что, давай, знакомиться заново? — говорит он ведя меня по коридору в свое логово.

В этот момент из лифта высыпает горстка сотрудников, тарачат на нас глаза нестройно приветствуя моего босса

— Марина Павловна, — невпопад отвечаю я.

— Ммм, окей, Валерий Александрович, — улыбается он. Боже, он когда-нибудь перестает улыбаться?

— Оч приятно, босс, — бурчу себе под нос.

На весь простор коридора разносится его раскатистый смех. Не понимаю, что его развеселило? Я нервно оглядываюсь по сторонам. Те сотрудники, что не успели добрести до своих вотчин оглядываются на нашу парочку. Вжимаю голову в плечи, но это не помогает спрятаться от любопытных глаз.

Валера покровительственно кладет руку на мои плечи, словно приобнимая:

— Не дрейфь. Коллектив у нас дружный. Тебе понравится. — кажется, я уже слышала от него последнюю фразу, правда в другом контексте, но все же. Становится неловко за свою слабость.

Он заводит в приемную, где суетится молоденькая совсем девчонка с огромным животом под свободным летним платьем.

— Вот мы и пришли. Знакомься это Аленушка.

Девушка оборачивается и смотрит на нас своими чистыми пронзительными голубыми глазами, в которых плещется столько доброты и наивности.

— А это Марина Павловна, — представляет меня, и мне снова неловко, что не

представилась просто по имени. — Аллен, введешь ее в курс и объяснишь основные моменты. Я в кабинете. — подмигивает нам и скрывается за дверью с блестящей табличкой "Валерий Александрович Верник директор отдела развития".

— Ты не обращай, что такой шебутной, босс он классный, — уверяет Алена, попутно выкладывая разноцветные папки на стол. — вот это, это и это тебе нужно изучить, а потом я покажу все остальное. Ой, так рада, что мне наконец нашли замену. Передам тебе дела и наконец выйду в декрет. Мне сегодня на узи к часу, так что я убегу чуть раньше обеда и сегодня, скорее всего, уже не вернусь. Валерий Александрович в курсе. — беззаботно щебечет она, рассортировывая папочки по цветам. Ей даже не нужны мои ответы, так

Ого, с боевым крещением меня. В первый же день остаюсь за старшую на пол дня. Открываю зелененькую папочку. Должностные обязанности и инструкции личной помощницы. Ну-с, почитаем.

Аленка все так же суетливо собралась и убежала на свое узи. Я осталась одна, не зная чем заняться. Мой босс закрылся в кабинете с несколькими начальниками, не выдав дальнейших распоряжений. Оставив совсем одну. А вдруг я оказалась бы засланным казачком? Что, впрочем, трудно представить, зная по чьей протекции я пришла на эту должность.

Я пошуршала по столу, покрутилась в кресле, и скучая от безделья, открыла "косынку". Так увлеклась, что когда дверь резко распахнулась, выпуская всех тех, кто последний час так оживленно обсуждал стратегии развития, подпрыгнула на стуле, уставившись на выходящих, словно пойманная на месте преступления. На рабочем столе компьютера красуется раскрытая "косынка". Я с сожалением смотрю на нее, всего рядочек осталось открыть.

Последним выходит Валера и ошарашивает своим предложением:

— Приглашаю на обед. Думаю, мне нужно объясниться перед тобой.

Время обеда подкралось, а это значит "косынке" не быть собранной. И уже ощутимо чувство голода.

— Было бы замечательно, если бы вы показали мне места, где здесь можно отобедать. — да и выяснить некоторые неловкие моменты, было бы не лишним, добавляю мысленно.

— Давай на ты. В неофициальной обстановке это будет уместным.

Я соглашаюсь. Отправляю комп в спящий режим, подхватываю сумочку:

— Я готова! — стараюсь сохранить максимум энтузиазма, сообщаю я.

Валера оглядывает меня оценивающе, совсем не стесняясь, и кажется, удовлетворен увиденным. А вот меня напрягают столь откровенные разглядывания. Думаю, на обеде будет достаточно времени, чтобы обсудить и этот момент.

Мы выходим из прохлады здания.

— Поедем на моей машине. Здесь поблизости нет приличных мест. — заявляет этот наглец, хотя я вижу через дорогу вывеску кафе. Видимо неприличное.

Он ведет меня на парковку. Историческая часть города не оснащена подземным паркингом, поэтому приходится пройтись по полуденному зною, обдуваемыми горячим ветерком. Я смотрю на моего нового босса, не похоже чтобы зной доставлял ему какой-либо дискомфорт.

Хищная черная красавица, знакомая мне по самой первой нашей встрече с Валерой, сверкает своими фарами с томным прищуром.

Я с радостью ныряю в салон, ощущая прохладу включенного кондиционера. Мотор урчит, как дикая кошечка и вся машинка похожа на огромную дикую хищницу — черную пантеру, обтекаемостью линий и пластичностью изгибов.

Плавно стартует, как мягкими лапками пробегаясь по разогретому полуденным зноем асфальту.

— Ну так что? Я уже понял, что ты протеже Обрамцова. Еще когда возник вопрос о замене на должность он предупредил меня, чтобы никого на нее не искал. — не удерживается от любопытства Валера, вырывая со стоянки.

Значит дядя не выдал нашего родства. Немного поколебавшись, стоит ли сообщать своему боссу, все таки решаю, что это не такая секретная информация, которую следует скрывать.

— Я его племянница. — говорю, следя за его реакцией.

— Хм, даже так. Вот же старый лис. — ворчит себе под нос.

— Он не старый, — возмущает меня. Я люблю своего дядю, — он мужчина в самом расцвете сил.

— Это выражение такое, — оправдывается Валера, поглядывая на меня. Что он выискивает в моем лице? Сходство? Вряд ли, мы не очень похожи с дядей.

Мой босс вырывает к частному мини ресторанчику, до которого можно было дойти по пешеходной зоне за пять минут, но на машине по такой жаре, да в объезд этой самой пешеходной зоны, оказалось комфортнее.

На стоянке перед зданием заняты все парковочные места. Валера ловко пристраивается на место только что уехавшей машины.

— А здесь будут свободные столики? — с сомнением кошусь на забитую стоянку. Не хотелось бы тратить обеденное время на поиск другого места. Кушать уж больно хочется.

— Мой приятель здесь управляющий, мне он всегда найдет местечко. — заодно подмигивает мне Валера.

Мы заходим в небольшое помещение всего на десять столиков и барную стойку по длине стены. И ожидаемо все столики заняты. И барная стойка тоже.

Улыбчивый парень выныривает из-за стойки, горячо приветствует Валеру, обменявшись парой фраз ведет нас к концу зала, где за тяжелыми портьерами спрятаны небольшие ниши со столиками. Матовый, приглушенный свет льется из настенных бра, мягкий диванчик, огибающий столик, все создает интимность обстановке и некую атмосферу доверия.

— Думаю мне нужно объясниться перед тобой за ту ситуацию у тебя дома, чтобы это не мешало нам в дальнейшем сотрудничестве. — усевшись на удобный диван, начинает Валера.

— Будет не лишним, — подтверждаю я. Ну и любопытство сдает не мало.

Все тот же улыбчивый парень, который оказался старым знакомым Валеры — Артем, приносит две чашки ароматной, подозрительно похожей на...

— Божечки, это что? Окрошка?!

— Да, любишь?

— Я ее обожаю!

И по счастливой случайности давно не ела. Во рту непроизвольно скапливается слюна, неповторимый запах окрошки будоражит нос. Хочется съесть все и сразу. Дайте же мне ложку!

— Отлично! Рад, что не прогадал с местом. — удовлетворенно мурлычет Валера

На стол помимо чашек выкладывается корзиночка с небольшими ароматными булочками с хрустящей корочкой, горчица и сметана.

— Самое незаменимое блюдо в жару. — презентует Артем принесенное блюдо.

Тут я должна согласиться. Без окрошки в такой зной никак. Я отправляю первую ложку в рот.

— Ммм, — непроизвольный удовлетворительный стон срывается с губ. Вкус даже лучше чем я могла представить! Глаза сами закрываются от удовольствия, чтобы только органами вкуса прочувствовать все оттенки, а когда открываются, натываются на пристальный взгляд Валеры. Он тяжело сглатывает, смотря на меня, словно хочет съесть.

— Очень вкусно, ты попробуй! — указываю на его порцию. — Это что лед? — спрашиваю, перекачивая во рту холодный, таящий хрусталик.

— Да. Секретный ингредиент, поэтому здешняя окрошка всегда холодная, — отмирает Валера беря ложку, сосредотачиваясь на своей чашке.

Такого я еще не пробовала. Я зачерпываю следующую ложку, чтобы распробовать И мне явно нравится!

— Та ситуация... — начинает Валера, когда Артем скрывается за портьерой. Это не то, что ты подумала.

— Ммм? Что я должна была подумать? Голый мужчина в подъезде, залетает в мою квартиру... разве, что откуда такое "счастье" привалило?

Неповторимый Валерин хохот раздается на всю нашу маленькую нишу. Я уверена и в зале его хорошо слышно.

— К тому же, не совсем одетым, — продолжаю я, смотря выжидательно, надеясь, что он сам прояснит все моменты. Не вытягивать же мне все клещами раз он сам начал этот разговор.

— Это действительно не то, что ты подумала. — он качает головой, словно сам не верит в то, что говорит, — Я просто гостил у своей давней подруги.

— Ммм, и нечаянно оказался без одежды, — поддакиваю я, помогая рассказывать ему историю запихивая в рот очередную ложку кваса с начинкой, дарящей прохладу, взрывая все мои вкусовые рецепторы на языке.

— Это... — я впервые вижу как Валера в неловкости потирает шею, не зная что ответить.

— Это не то что ты подумала, — помогаю я.

— Да, точно, — как-то неестественно посмеивается он.

— Прости за любопытство, но что ты делал тогда у своей подружки? — откуда во мне эта смелость и почему я задаю вопросы, вместо того чтобы просто выслушать человека, для меня самой остается загадкой. Может это волшебная атмосфера или зачарованная окрошка располагают к доверительной беседе?

— Школьная любовь не ржавеет. Слышала такое? — с полной серьезностью отвечает он, теперь в его голосе не слышно ни одной смешинки.

— Ммм, кажется, это было про первую.

— А, да. Точно. — он усмехается и мотает головой, как будто пытаюсь стряхнуть воспоминания. -

Моя школьная любовь. Так и не заржавела.

Это признание заставляет меня замереть и пристальней взглянуться в моего спутника. Получается он до сих пор любит мою соседку.

— Да, Любаша моя любовь еще со школы. — продолжает Валера — На самом деле, неловкая ситуация вышла. Она нечаянно облила меня кофе. Как-то так сразу всего, и на рубашку попало и на брюки. Я залез под холодный душ, потому что кофе к тому же был горячим. И вот когда я в одном полотенце сидел на ее кухне и пил кофе, ждал когда мои вещи постираются, зазвонил домофон. Оказалось муж. Ну, она и вытолкала меня на лестницу.

Я внимательно слушаю, отложив ложку и наворачивая вкусные булочки, потому как такие мексиканские страсти в моей жизни не часто происходят.

— Знаешь, ты прости, но какая-то странная твоя Любаша. Вытолкать голого мужчину, хорошо знакомого, на лестничную площадку. Ты ведь мог и не согласиться?

— Просто немного бесшабашная. — улыбается этот влюбленный идиот. Понятно, что от Любаши он стерпит все.

— А как же ее муж?

— А что муж? Мы с ним знакомы. В довольно хороших, приятельских отношениях.

— А почему тогда выскочил из их квартиры?

— Ну, собственно, из-за самой неловкости ситуации. Люба боялась он не поймет.

— Решил подождать в другой квартире? А если бы открыла старушка с винтовкой? — не удерживаюсь от любопытства.

— Старушки не открывают, — улыбается он, качая головой.

— Зайти к незнакомой девушке считаешь более безопасным?

— Определенно лучше, чем ждать на лестнице.

Ага и сделать покерфейс.

Не оправдываться же перед незнакомой девушкой.

— Ты сильно рисковал, — замечаю я, — дома у девушки мог оказаться муж. — не удается сдержать нотки грусти в голосе. Но Валера, видимо, этого не замечает.

На этом решаю закончить допрос с пристрастием и перестать ковыряться дальше. Действительно неловкая ситуация. О дальнейших событиях, и то, как мне страшно было, хоть я и храбрилась, решаю умолчать. Не буду развеивать впечатление, что я храбрый котенок.

Лучше перевести тему в другое русло и я решаю забросить крючок для своей подруги:

— Ты знаешь, моя подруга положила на тебя глаз. — я смотрю на него выжидательно. Валера не сразу находится с ответом.

— Твоя подруга, конечно, очень яркая, боевая, замечательная девушка, но...

Всегда есть какое-то но.

Мне грустно, потому что у этого взрослого, состоявшегося мужчины, не свободно сердце. Как и у меня.

Уже с меньшим энтузиазмом, я уминаю остатки крошки в своей чашке. Больше в меня, пожалуй, ничего не влезет.

— Теперь, когда мы выяснили все, ты согласна работать со мной? И надеюсь, у нас не возникнет неловких моментов из-за недосказанности?

А какие у меня остаются варианты? Отказаться. Сесть на шее у родителей. Снова искать работу? Я бросила жизнь в другом городе ради этой должности. Боюсь, у меня нет выбора.

— Думаю сработаемся. — бодро констатирую.

— Нет, она не подойдет к телефону, и она просила тебя не заезжать. Нет, новый номер ее я тоже не дам. — слышу мамин голос из кухни. Она говорит достаточно тихо, но в крохотной квартирке все звуки слышны словно она сидит со мной рядом.

Выползаю из своей постели, уснуть теперь не удастся. Смотрю на часы на телефоне, семь утра, а так хотелось поспать еще. Бреду на кухню к маме. Она уже положила трубку и смотрит на меня невинными глазами. Видно, что рассказывать о звонке она не собирается.

Небольшая кухонька не изменилась за эти годы — гарнитур на две секции, маленький столик на троих и холодильник, все что здесь помещается.

Сажусь за стол, по привычке кручу телефон в руках. Нужно зайти на госуслуги и подать заявление на развод. После того, как услышала мамин разговор, это идея фикс у меня. Очевидно, Радима и так все устраивает. А я уже не вижу смысла тянуть дальше. Что бы там не решил Радим, и что бы не надумал.

— И долго ты собираешься мурьжить бедного парня? — все же, не удерживается мама от вопроса.

— Ну ма, не начинай с утра. Я даже кофе еще не выпила.

Мама недобро смотрит на меня, но ничего не говорит. Я знаю этот маневр. Выждет время и начнет снова. Ставит кружку ароматного напитка передо мной.

— Как дела на работе?

— Отлично. — готова на любые вопросы, кроме тех, что касаются Радима. — Неделя пролетела незаметно. Со следующей уже останусь одна. Аленушка выходит в декрет. Как отец?

— Отец хорошо. Радует. Совсем приободрился, врач сказал, что скоро выпишут.

Мама открывает кастрюлю, собираясь наложить завтрак. В нос бьет тошнотворный запах, зажимаю его ладонью, чтобы не слышать этот запах.

— Боже мама, что это? — гундосю сквозь руку.

Мама непонимающе смотрит на меня.

— Этот запах? — указываю на кастрюлю.

— Всего лишь гречка. Марина, тебе плохо? — слышу летящие мне вслед слова, потому что я уношусь подальше от этого запаха. Заскакиваю в ванную, чтобы отдышаться, водички в лицо поплескать. Не может быть это просто гречкой. Всегда вкусная, ароматная мамина гречка так не пахнет!

— Боже, марина что ж это с тобой? — мама ловит меня на выходе из ванной. Она всерьез обеспокоена.

— Резко затошнило. Ты прости мама, но я на кухню не пойду, я уже не хочу есть.

— Доча, это из-за гречки? Я приготовлю что-нибудь другое.

Я пожимаю плечами, мне не хочется проверять, снова заходить на кухню.

— Как же так? Ты даже кофе свой не выпила. — я слышу действительно участливые нотки в ее голосе.

— Мам я просто не хочу есть.

— Ты случаем не беременна? — задумчиво тянет мама.

Я ошарашенно смотрю на нее. Этого не может быть. Или может? Перед глазами пролетают события последних месяцев, в обратной последовательности: моя попытка

забыть Радима, наш секс, провальная попытка похода к гинекологу, не сделанный контрацептивный укол. Уход Радима...

Я закрываю лицо руками. Божечки, как можно было забыть о контрацепции?

Укоризненный мамин взгляд был мне в наказание за беспечность.

Я пообещала маме купить тест после работы и умчалась поскорее на трудовые подвиги. На самом деле, чтобы мама не квохтала и не причитала надо мной.

Пятница, даже вечером духота не ослабевает. Все уже устали от этой аномальной жары и стараются побольше проводить времени в прохладе кондиционированных помещений. А я еду домой на общественном транспорте. Хорошо было бы проехаться на такси, но сомнительно, что найдется свободная машина хотя бы в районе часа.

Взгляд натывается на вывеску аптеки через дорогу. Она всегда там стояла. Небольшая аптека на остановке с яркой вывеской. Вот же, пожалуйста, она передо мной, совсем близко, но я отчаянно не желаю переходить дорогу, заходить внутрь, спрашивать у продавца тест, выспрашивать самый лучший и точный. Я панически боюсь узнать ответ на главный вопрос дня — беременна ли я?

Автобус подъезжает вовремя. Свободной маршрутки тоже не дожидаться. Заскакиваю вместе с толпой в салон. Возможно это было поспешно и опрометчиво. В автобусе дышать совершенно нечем и чьи-то яркие духи вызывают у меня стойкую неприязнь и головную боль. Я вываливаюсь на следующей же остановке, чтобы глотнуть раскаленного воздуха, но хотя бы без примеси чьего-то удушливого парфюма.

Здания, здания, не хочу заходить в переполненные магазины пятничных вечеров, даже улицы заполнены людьми. Набретаю на маленький скверик. Ожидаемо, все лавочки заняты. Мне достаточно прогуляться между деревьев. Кажется, даже воздух здесь чище и прохладнее. Хотя, как это возможно в заполненном транспортом и жилыми домами городе, раскаленным солнцем?

Молодая женщина с маленьким мальчиком играют с водными пистолетами. Струи воды летят в разные стороны. Прохожие тоже непротив быть обрызганными маленьким шалуном. Вот и молодой мужчина выпрыгивает из-за дерева, поражая водными струями пацана. Он заливисто хохочет, отстреливаясь и забрызгивая все вокруг.

Такая идеальная картинка семейной пары на отдыхе, заставляет щемить сердце. Я через силу улыбаюсь, проходя мимо. Мне тоже достается пару струй освежающих брызг. Я вытираю влагу с щек, уже не понимая, это мои слезы или последствия атаки на меня.

Грусть затапливает сердце, оттого, что у меня не получилось создать такой дружной семьи. Мой первый брак вышел комом. Приходится глубоко вздохнуть, чтобы протолкнуть вставший в горле ком.

Еще немного прогулявшись, я все же сажусь на свою маршрутку. Пятничный час пик и не собирается ослабевать. Найти свободное место удастся не с первой машины.

Возвращаюсь домой вымотанная и уставшая, словно сегодня отработала недельную смену. Тяжело падаю на пуфик в прихожей, снимая босоножки. Мама встречает, выходя из кухни в фартуке.

— Мариночка, ты сделала тест?

Вопрос к месту. Но мне сейчас не хочется об этом даже думать.

— Ой, мам, я забыла купить. — оправдываюсь, стыдясь признаться, что я смалодушничала и не смогла зайти в аптеку.

— Я так и знала. На вот, возьми. Сама зашла в аптеку, когда возвращалась от отца.

Сделай сразу же. — строго наказывает она.

Передо мной на тумбочку ложиться вытянутая коробочка. А мама оптимистка, взяла всего один тест. Я бы накупила сразу несколько, самых точных. Но теперь уже нечего ворчать, раз сама не захотела заняться этим вопросом.

— Завтра отца выписывают, — добавляет мама невзначай. Я поднимаю на нее взгляд, не совсем понимая о чем она говорит. Все мои мысли теперь крутятся вокруг этой продолговатой коробочки и ее содержимого.

Мама подбадривающе кивает мне.

На кухне уже разложены по тарелкам ароматные блюда. Не гречка!

Мама похоже отказалась от этой крупы. Со вчерашнего дня ее не видно на нашей кухне. За что ей благодарна невероятно. До сих пор желудок скручивает в спазме, когда вспоминаю ее запах.

Вот так, привычные тебе продукты оказываются неприемлемыми и попробуй докажи организму, что ты не еж и ты это обычно ешь.

— И как? Какой результат? — мама стоит в напряжении, даже про выкладываемую еду уже забыла.

— Положительный, — отвечаю, не видя смысла тянуть с ответом.

Стоя в ванной я много о чем успела надумать. И что это ошибка и тошнит меня просто так, вот просто не понравился этот сорт гречки, но отчетливый плюсик прекратил все мои сомнения. Плюсик это те же две полоски только скрещенные.

Насущный вопрос — что теперь делать, не покидает мои мысли. Я не планировала эту беременность, но когда я думаю о ребенке, во мне начинает откликаться необычное щемящее чувство нежности и заботы. Во мне зародилась и растет новая жизнь, маленький человечек, высвобождая древний инстинкт матери — защитить и обогреть.

Кладу руку на свой плоский, пока еще, живот. Боже мой, мне столько нужно теперь дать этому малышу, но прежде свою любовь. Я чувствую как она изливается из моего сердца, это безусловная, материнская любовь и нежность к своему чаду, своему маленькому, самому любимому, родному и ненаглядному чуду, что уже растет в моем чреве. Я смахиваю наворачнувшиеся слезы — это слезы радости. Да, я давно этого хотела и это чудо свершилось. Он теперь мой, этот малыш и у него будет все для его счастья!

— Надо сказать Радиму. — категоричный тон мамы мне не по душе. — Надеюсь ты не будешь утаивать от него ребенка? Или это не его? — подозрительно прищуривается она.

— Его, конечно, мама! Ты так говоришь, будто не я твоя дочь, а он твой сын!

— Успокойся, Марина. Я просто хотела уточнить. Мало ли, вы давно не живете вместе, всякое может случиться.

— Со мной не может, — бурчу я. Представить даже себе не могу что-то с другим.

— И даже не думай избавляться от ребенка! Как бы там ни было дальше, ребенка мы вырастим, поднимем на ноги.

Я в отчаянии прячу лицо в ладонях, так горько думать, что мама обо мне такого мнения, я даже и не думала об аборте, а она уже.

— Ну что ты, Мариночка, — чувствую мамины, мягкие объятия и поглаживания по спине. — я же это говорю не для того, чтобы ты расстроилась, а чтобы знала, что мы с папой всегда на твоей стороне, всегда поддержим и поможем всем, что в наших силах. Не нужно плакать.

— А я и не плачу, мама. Просто горько очень на душе, — выныриваю из своих ладоней.

— Ничего, это пройдет, наверно гормоны уже шалят.

Я поджимаю губы. Не говорить же, что это ее слова задели меня за больное и так расстроили.

— Нужно же теперь встать на учет, найти хорошего врача. У меня есть одна знакомая на примете, — начинает суетиться мама, заставляя и меня задуматься об этом вопросе. Теперь

столько всего нужно продумать для малыша. В груди поднимается волна радости, чистой, незамутненной. У меня появился еще один смысл моей жизни, новый и самый главный.

Отцу назначили терапию и выписывают домой. Ничего шибко серьезного. При хорошем уходе и приеме лекарств можно купировать его приступы и улучшить состояние, сказал врач.

Мама отказалась от моей помощи сказав, что справиться и привезет отца сама, отправив меня на работу, мотивируя это тем, что неудобно отпрашиваться в первую же неделю самостоятельной работы на новой должности.

Так я осталась не у дел, сидя на работе. А мне так хотелось вместе с мамой встретить отца и привезти домой. Так грустно становится, что наворачиваются слезы в уголках глаз. Что-то я в последнее время чересчур сентиментальна и начинаю раскисать по любому поводу.

Мимо моего рабочего стола стремительно пролетает сосредоточенный Валера, так, что приходится придержать небольшую стопочку бумаг, приготовленных на подпись. Сразу залетает в свой кабинет и оттуда уже прося себе кофе.

Вот и здесь передо мной встает дилемма. Надо же как-то сообщить дяде и новому моему боссу, что они приняли на работу женщину в положении. После того, как Алена только что вышла в декрет, эта ситуация становится еще более неловкой.

Ездить на обед стало нашей традицией с моим новым начальником. Я наотрез отказываюсь ездить только в места, которые выбирает он и теперь через день я показываю свои любимые кафешки этого города. Впрочем, я чувствую, что придется отказаться от этой идеи, ввиду острой неприязни моего организма некоторых продуктов и непереносимость ранее приятных запахов.

Боюсь, скоро придется перестраивать свою жизнь по новым реалиям и возить себе обед в судочках. Как жаль, что Алена уже вышла в декрет, можно было бы расспросить, как она справлялась с этой проблемой.

И сегодняшний день не стал исключением. Время обеда подошло. Я отправляю комп в спящий режим, подхватываю сумочку. Валера выныривает из кучи бумаг, в которых зарылся сегодня с утра. Готовится новый проект и сегодня главы отделов прописались у него в кабинете, сделав моей задачей приготовление вкусного и живительного напитка для работы мозга — кофе, разумеется.

Мы выходим из здания, направляясь обычным маршрутом на парковку. Садимся в машину Валеры.

Сегодня его день выбирать место обеда и он категорически отказывается выдавать мне тайну его нахождения. Сюрприз, — загадочно говорит он.

Не успевает босс вырुлить со стоянки, как машину подрезает седан.

Валера едва успевает выкрутить руль, совершая маневр, во избежание столкновения. Меня резко вжимает в дверцу машины. Сердце заходится в паническом ритме. Не люблю эти агрессивные стили вождения.

— Придунок, ... — выругивается босс.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть вслед машине, нас подрезавшей, что-то в ее расцветке кажется мне знакомым. Машина продолжает преследовать нас, не сбавляя оборотов. Сердце снова подпрыгивает в страхе. Божечки, я узнаю эту машину, и водителя я знаю.

Валера втапливает педаль газа в пол, маневрируя между потоком машин, спокойный и сосредоточенный, я не замечаю в нем ни капли беспокойства или суеты. Его губы плотно сомкнуты и взгляд сконцентрирован на дороге.

Мое сердце уже стучит где-то в горле, мне страшно за водителя, что преследует нас. Его стиль вождения нельзя назвать безопасным.

Машина, подрезавшая нас, немного блуждая позади, резкими рывками и выпадами перестраивается между потоком на загруженной магистрали, наконец вырывается вперед, пристраиваясь в соседней полосе вровень с нашей машиной. Он сигналил фарами и подает знаки моему водителю.

Я смотрю сквозь боковое, водительское стекло и вижу суровое лицо Радима, Хмурые брови и сосредоточенный взгляд темных глаз, не отводящего от меня взгляда. Божечки, смотри на дорогу, Радим, не на меня!

Я закрываю лицо ладонями. От переживаний и беспокойства меня резко начинает тошнить, кажется, меня укачало от всех этих маневров. Я ненавижу скорость!

— Пожалуйста остановись, — шепчу сквозь ладони.

Каким-то чудом Валера меня слышит. Я чувствую, как машина замедляет ход, останавливаясь. Нашариваю ручку и вываливаюсь на обочину. Меня жутко тошнит, желудок прошивает спазмами и хочется срочно выкинуть все содержимое наружу. Но желудок пуст и меня скручивают только болезненные спазмы.

Я делаю еще несколько шагов, стараясь отдышаться и прийти в себя.

Чувствую поддерживающие прикосновения к спине.

— Опять ты! — слышу обвиняющий рык Радима за спиной. — Как ты оказываешься постоянно рядом с моей женой?

Реакцию Валеры я не вижу, меня продолжает в пустую выворачивать, спазмированный желудок.

Так плохо мне никогда не было, я словно глохну, перестаю замечать окружающий мир, звуки пропадают, в ушах звенит.

Наконец, меня немного отпускает. Я стараюсь выпрямиться, мне не дает это сделать все еще сжавшийся желудок.

Мир приобретает прежние звуки и картинку, наполненность, люди куда-то спешат по тротуару не обращая внимания на развернувшееся действие, машины стремительно пролетают мимо, только двое мужчин и я.

Слышу их перебранку.

— Успокойся, мы просто ехали на обед.

— Да с ... ли ты возишь мою жену на обед? Ты ... кто такой вообще?

Никогда не слышала от Радима такого лексикона. Он что с ума сошел? Пытаюсь окликнуть его, но из горла выходит только сип. Хватаюсь за горло, прочищая.

Мужчины стоят друг напротив друга. Оба напряжены, но Радим полыхает гневом, я чувствую его злость, она выражена в его позе и манере говорить.

— Радим, — зову его. Не слышит меня. Хочу остановить это безумие. Не успеваю.

Мгновение мужчины стояли рядом и уже в следующую секунду сцепились. Я даже не понимаю кто напал первым. Все произошло так быстро и стремительно.

Они схватились оба в удушающих, свалившись наземь и катаются по асфальту. Слышен треск рвущейся одежды, лица драчунов покраснели и мне уже страшно становится за обоих. Они же могут задушить друг друга!

Божечки, остановите это. Я не могу смотреть на это безумие. И не знаю как прекратить. Я даже боюсь приближаться, разнять их.

— Помогите, — беспомощно оглядываюсь по сторонам.

Парочка подростков уже держат телефоны нацеленные на драку. Женщины нервно оглядываются, пробегая мимо, приземистая старушка перекрестившись старается проковылять быстрее. Ни одного служителя правопорядка рядом, никого кто бы мог мне помочь!

В отчаянии я делаю то, что доступно мне, выдаю крик такой громкости, что только возможно, срывая связки.

Только когда выдыхаюсь, я открываю глаза. В горле немного першит и я прокашливаюсь. Мужчины перестают барахтаться, наконец, обращают внимание на меня.

Я рассматриваю двух балбесов. Сбившееся дыхание, ссадина на скуле Радима, треснувшая губа Валеры, красные лица. Ну хоть не дерутся теперь.

— Что за детский сад?! — не удерживаюсь от нравоучительного тона, — Вы — взрослые люди! Что за представление здесь устроили? Немедленно поднимайтесь и не позорьте меня, — на удивление моя тирада срывается. Я и не ожидала такого послушания.

Отпустив друг друга, мужчины поднимаются. Валера даже пытается отряхнуть немного Радима, на что тот смотрит волком на соперника. Босс примиряюще поднимает руки, отступая на шаг.

Порванный пиджак Валеры, рукав содран по шву и теперь в прорехе видна его рубашка. Некогда белая рубашка Радима стала пыльно-серой, но в целом выдержала схватку. И брюки у обоих измяты и измочалены в придорожной пыли.

— Мариш, прости за это. Ты что с этим придурком?

Я тяжело вздыхаю. Ревность, получите, распишитесь. Вижу, как Валера закатывает глаза, но не парирует. Не мешает нашему разговору. Стоит рядом в обманчиво расслабленной позе. Внимательно слушает. Мне неприятен этот разговор при свидетелях, но что поделать. Большого позора, что я испытала пару минут назад, уже не случится.

— Даже не вздумай касаться меня, — строго выговариваю ему, — ты весь грязный!

А меня до сих пор подташнивает, но этого я не скажу. И мое светло серое офисное платье вряд ли потерпит пыльные отпечатки.

Радим осматривает свои руки, мгновение назад тянувшиеся ко мне и опускает их, в бессилии что-либо предпринять, сжимая и разжимая кулаки. Делает еще один мелкий шаг вперед. Ко мне.

Качаю головой. Скрещиваю руки на груди.

— Радим, ну зачем все это? — выговариваю ему, вдруг чувствуя безмерную усталость, навалившуюся на мои плечи.

— Ты теперь с ним? — машет головой в сторону Валеры, игнорируя мои вопросы.

В его глазах вселенская печаль. А взгляд побитого щенка заставляет сжаться мое жалостливое сердце.

Качаю головой. Я уже отказалась от мыслей о Радиме, но вот он, снова, рядом. Стоит передо мной, как ни в чем ни бывало и предъявляет свои права.

— Он мой начальник. Мы просто обедаем вместе. Радим, я же просила тебя не преследовать. Я думала мои просьбы что-то значат для тебя и ты их не обесценишь.

— Значит ты выбираешь его? Это твой выбор?

— Да, — почти шепчу я, чувствуя как на мои глаза неумолимо наворачиваются слезы. — это важно для меня.

— Хорошо, Мариш, — он задирает голову к небу, выискивая в нем свои ответы. Его острый кадык выглядывает в ворот рубашки, ходит вверх-вниз, мой взгляд прикипает к его движению. Затем Радим переводит свой темный взгляд на меня, — все будет как ты захочешь.

Он смотрит на меня в последний раз, так бесконечно долго, что мне кажется, время не

намеренно замедляется, чтобы дать ему еще немного мгновений насмотреться.

Невыносимая мука отражается на его лице, перед тем как он отворачивается и запрыгивает в машину, сразу же давая по глазам, машина с визгом шин срывается с места.

Боже, он же разобьется сейчас, если будет так гнать! Мое сердце снова заходится истерическим набатом. Я не могу, не могу! Зачем я его отпустила?! Я зажимаю рот рукой, чтобы не завывать от затопившей меня паники.

Надежные объятия хватают меня, удерживая от безумной идеи, погнаться вслед уносящейся машины.

— Марина, успокойся, все будет хорошо. — слышу увещевания Валеры.

Он что ясновидящий? Откуда он знает, что будет хорошо?!

Паника накрывает новой волной, безотчетный страх холодит вены, в голову лезут самые страшные картинки, что может случиться с Радимом при таком лихом вождении. Валера легонечко встряхивает меня, прижимает к себе крепко.

— Не переживай, Марин, все решится в ближайшие минуты.

Достает телефон из кармана, без единой трещинки и повреждения, будто это не он катался по земле не заботясь о содержимом карманов, что-то быстро печатает, отправляет. Не забывая придерживать меня сзади за спину.

Через минуту его телефон пиликает ответным сообщением.

— Ну все, сейчас поймают твоего бэтмена, — улыбается подбадривающе.

— Кто? — смотрю с непониманием в его сочувствующие глаза.

— Гайцы, остановят, — увидев мои расширившиеся в страхе глаза, продолжает, — приведут в себя и отпустят, не переживай.

— Откуда они...? — знают, хочется спросить, но последнее слово застревает в горле. Нельзя же так пугать!

— Связи, детка, — подмигивает он, и от его беззаботного, шутливого тона становится чуть легче. Верю ему, почему-то. Но кто он такой, что так запросто может остановить нужную ему машину? Я новым взглядом оглядываю своего босса, но спросить его не решаюсь. Останавливает чувство запретного, что вторгаюсь на личную территорию или мое внезапно проснувшееся воспитание сработало, не знаю.

Позволяю усадить меня в машину. Отказываюсь ехать обедать, аппетит совершенно пропал, а чтобы не оставить босса голодным, можно заказать доставку.

— "Мы то, что мы думаем", слышала такое? — внезапно озадачивает Валера, когда мы разворачиваемся в направлении к офису. — Думай о хорошем, не нужно генерировать и притягивать негатив в свою жизнь.

Я вздыхаю. Хорошо быть разумным и мудрым, когда вопрос не касается тебя лично, а если задевает за живое не бросаться в омут с головой.

— У вас какие-то разногласия с мужем? — через минуту слышу вопрос Валеры.

Я занимаюсь с ответом. Можно ли измену назвать разногласием? Сильно сомневаюсь.

— Все сложно, — наконец отвечаю.

— Понятно, накосячил, — констатирует очевидное, на мгновение отрывая взгляд от дороги, окидывая меня своим сосредоточенным взглядом.

— Грубо говоря, мягко выражаясь, — не удерж от колкости. Валера затронул опасную тему и я сама не знаю, когда меня взорвет.

— Так может стоит дать ему еще один шанс?

Он на чьей стороне? Меня распирает в возмущении. Ох уж эта мужская солидарность. Качаю головой одновременно давая ответ и не поощряя Валеру к дальнейшим расспросам. Мне стыдно признаться ему, что муж изменил мне и бросил. Пытается все вернуть, но мне теперь это не интересно. Может стоило отплатить откровенностью на его откровенность, но я не готова. Нам еще работать вместе и эта откровенность будет мешать мне.

Валера стоически перенес, появление в офисе в помятом виде, словно повалиться в пыли обычное дело и ничего сверх здесь нет. Он переоделся в своем кабинете и был таков. Даже его настроение это не подпортило. В отличие от меня. В голове до сих пор роятся

мысли где Радим, что делает и как он?

Случай рассказать дяде, а заодно боссу о своем интересном положении представился очень скоро.

Мой нос, как предвестник нехороших новостей, учуял их задолго до фиаско.

Ноздри щекочет терпкий тяжелый аромат сладких духов еще до появления их хозяйки в приемной. Едва удерживаюсь, чтобы не чихнуть. Растираю переносицу. Тут то и появляется носительница сладкого парфюма.

В приемную вливается очень приятная, дородная дама, ее лицо излучает приветливость, от лучезарной улыбки, что сияет на ее алых губах. Но вместе с ее сиянием в приемную вливаются сногшибательные, в прямом смысле слова, яркие, насыщенные сладостью и восточной пряностью духи. Одного вдоха этого аромата хватило, чтобы понять, вместе в этой комнате с ними мы не уживемся.

Стараясь не дышать, пытаюсь узнать у посетительницы цель визита. Но это бесполезно, запах просачивается внутрь даже не дыша. Желудок снова дает о себе знать болезненными спазмами, заставляя ретироваться бегством. Уношусь прочь, зажимая ладонью нос с обострившимся обонянием, оставляя посетительницу в приемной в полном недоумении.

Уборная забита сотрудницами, как будто сейчас не начало рабочего дня, а уже обед. Как хорошо что курилка находится дальше по коридору и помещение не задымлено, еще одной газовой? атаки я бы не выдержала.

К моменту, как я появляюсь из уборной меня преследует ощущение, что теперь весь офис в курсе моего положения. Девочки уж очень быстро ретировались, как только я заскочила в кабинку.

В коридоре меня ловит Светлана Анатольевна, и уводит в кабинет к дяде. Вздыхаю с облегчением, потому что вернуться в приемную, где все пространство заполнили восточно-пряные духи я не в состоянии.

Вполне возможно раньше такой аромат мог бы мне понравиться. Я люблю восточные нотки и сладость в духах, но не сейчас. Теперь они мне строго противопоказаны.

Дядя начинает суетиться, как только видит меня на пороге кабинета. Выскакивает из-за своего стола, хватая меня за руку, усаживает на диванчик. Не может быть, чтобы я так прескверно выглядела.

— Мариночка, что случилось? Ты вся бледная. Может кофе? — подтверждает он мои опасения.

— Дядь Саш не надо ничего, боюсь кофе мне сейчас не пойдет. — смотрю на дядю пристыженно. Нужно же сказать ему, что это мое вполне обычное состояние в последнее время.

Через несколько минут в кабинет входит Валера.

— Мне сказали вам стало плохо, — вглядывается в мое лицо босс, хмурится, увиденное явно ему не нравится, — насилу нашел вас.

Ну вот все участники в сборе. Теперь можно и признаться. Я набираю в легкие воздух, наивно полагая, что это придаст мне решимости.

Ну вот все участники в сборе. Теперь можно и признаться. Я набираю в легкие воздух, наивно полагая, что это придаст мне решимости, но тщетно, легкие так же легко сдуваются, а я так и не выдаю ни одного звука.

— Вызвать врача? — Валера уже держит телефон на изготовку.

— Н-нет, не надо, — пугаюсь я, еще врача на мою голову не хватало, — мне просто нужно отдышаться, свежего воздуха глотнуть. Может прогуляться.

— Боюсь, как раз, свежего воздуха в моей приемной не осталось. — удрученно констатирует босс.

Я умоляюще смотрю на мужчин:

— Я не смогу вернуться туда.

— Ну что ты, Мариночка, так плохо? Что еще за авария у вас там, а я не знаю? — оборачивается к Валере дядя.

— Там Маргарита Сергеевна...

Кто она, мы не успеваем узнать, но дядя, кажется, ее итак знает, кивает. В кабинет вливается Светлана Анатольевна с тремя кружками на подносе.

— Чай с лимоном и мятой, очень хорошо помогает при токсикозе. — объявляет она, ставя на кофейный столик поднос.

В этот момент я, наверно, краснею как рак, чувствую, как щеки и шею заливают покалывающий жар. Откуда она знает? Я ей точно не говорила!

Мужчины синхронно переводят свои внимательные взгляды со Светланы Анатольевны на меня. А я сижу пунцовая, стараюсь хоть немного охладить щеки ладонями.

— Мариночка, ты беременна? — находится мой дядя.

Только и остается кивнуть в ответ. Но выдать, что-то внятное, через рот, не удастся. Язык прилип к небу и отказывается шевелиться.

— Пейте чаек, Марина Павловна, — добродушно предлагает Светлана Анатольевна. — тут и медочек есть. Надеюсь у вас нет на него аллергии? — обеспокоенно.

Отрицательно качаю головой. Хватаю чашку и отпиваю глоток. То, что нужно. Горячий чай с освежающими нотками лимона и мяты, помогают привести чувства и мысли в порядок. Согревает конечности. В конце концов, об этом давно нужно было рассказать, успокаиваю себя.

— Это же прекрасная новость, — улыбается дядя, не забывая поглаживать по спине, сидя рядом на диванчике, — у меня наконец появиться внучатый племянник.

— Или племянница. Папа ждет внуку. — говорю я, наконец прорезавшимся голосом.

— Все равно прекрасная новость. Дети — это счастье! — сообщает воспрывший духом дядя.

Я знаю этот воспрывший дядин энтузиазм, сейчас пойдут дядь Сашины шуточки и достанется всем.

— Из декрета в декрет. Ну не везет вам, Валерий Александрович, с этой должностью. Предыдущая помощница тоже быстро в декрет выскочила не успела и полгода проработать.

Босс, так же, в недоумении, разводит руками, мол это не его вина.

— Уже третья в декрет выходит. — задумчиво тянет дядя. — Признайся Валера, ты заколдовал эту должность! — неожиданно переходит на ты, пуская в ход свое остроумие.

Валера сжимает губы, не знаю, то ли от нежелания высказаться, то ли от сдерживаемого смеха. Наконец выдает:

— Я к этому не приложил ни толики усилий.

— Мариночка, поезжай ка ты домой, — говорит дядя, когда его запал веселости иссякает, — до завтра клининг все почистит, проветрит, — увещевает дядя, — вызовете такси пожалуйста, Светлана Анатольевна. Пусть девочка придет в себя, оклемается, — это уже Валере.

Не буду говорить, как я переполошила всех домашних, когда вернулась с работы раньше времени.

— Мам, ну не хочу я рисовую, — настроение канючить, то есть никакого.

Достаю из холодильника свой обычный завтрак. Теперь это легкий, нежный творожок запавленный несладким йогуртом и присыпанный орешками и изюмом. Мама не оставляет попыток каждое утро скормить мне полезную молочную кашу, но на нее у меня не хватает аппетита.

Наш день теперь начинается так — мама готовит для нас с папой особое диетическое меню. Папе из-за лечения, в качестве поддержки терапии, мне — как мучимой самым жутким токсикозом, что бывает на земле. Это я конечно думаю, потому что другого не знаю, а мама говорит, что это нормально. Но как это нормально, если так плохо? Вот и гугл мне подтверждает, что девяносто процентов беременных страдают этим недугом. Настолько суровая цифра выдана мне, что я зависаю.

А как же работать спрашиваю я гугл? Он милосерднее статистики, отправляет на отдых. Вздыхаю, хорошо бы, но я уже подписалась на работу и придется нести эту ответственность до декрета.

Сажусь за стол со своей тарелкой вкусного и полезного, мама неодобрительно смотрит на нее, ей все кажется, что я недоедаю и моей деточке недостает питания. Но поздно пить боржоми, когда у тебя токсикоз.

Остался еще один каждодневный ритуал мамы — спросить не рассказала ли я Радиму о беременности. Вот и сегодня мама не удерживается от вопроса:

— Марина, ты рассказала Радиму?

Уже даже не нужно спрашивать, что именно, итак понятно. Ну и к чему этот вопрос? Она же знает, что нет.

— Он все таки тебе муж и отец ребенка, он имеет право знать. — как всегда мама выдает эту тираду нравоучительным тоном.

Да, все еще мужу. Божечки, с этой беременностью наш развод становится все более затянувшейся историей. К тому же придется отпрашиваться с работы чтобы решать этот вопрос. Заманчивая мысль маячит в голове, заняться всем этим в декрете, тогда и свободного времени будет предостаточно.

Да и как я позвоню Радиму? Просто не могу пересилить себя, после того, как прогнала.

До сих пор стыдно и гложет чувство вины за ту ситуацию на дороге, за то, что вынудила Валеру воспользоваться связями, и за то, что Радиму пришлось провести неприятных четыре часа в обезьяннике.

Валера благодушно поделился со мной этой инфой, когда я не выдержала и спросила про Радима.

— Если ты этого не сделаешь придется сделать мне, — продолжает наседать мама.

— Ма-ам, я сама разберусь, не надо пожалуйста.

— Разберется она, — мама ворчит по инерции, ей тоже не нравится сложившаяся ситуация. Она считает, что ребенок должен расти в полной семье, где есть папа и мама. В идеале и все дедушки и бабушки участвуют в жизни ребенка. Снова вздыхаю. Ну как достигнуть этого идеала в моем случае?

— Я нашла тебе хорошего врача. Анна Анатольевна хороший специалист, у нее большой опыт и она до конца ведет всех рожениц, если есть патологии...

На слове патологии поднимает голову безотчетный, давний страх.

Вот и куда мне столько сведений, достаточно было первой части про хорошего специалиста. Теперь в душе всколыхнулся страх, до покалывающих мурашек в пальцах. А вдруг, у моего малыша найдется какая-нибудь патология?

Успокаиваю себя, незаметно поглаживая животик под столом.

Все хорошо.

Все будет хорошо.

Незаметно подкралась осень. Вот только было тридцать первое число, еще лето, а на следующий день уже осень. Даже листья уже лежат по тротуарам, пожелтевшие и пожухлые — последствия засушливого, знойного лета. Дыхание осени уже чувствуется в воздухе, пахнет словно выжженной травой, хотя никаких пожаров уже и в помине нет.

Как-то незаметно, словно в один день, раздалась в талии, теперь на меня не налезает большая часть гардероба, любимые джинсы, офисные платья, костюмы, все отправилось в дальний угол шкафа за ненадобностью.

Вся привезенная мною одежда стала как-то разом вся мала.

Пришлось срочно покупать универсальные платья разлетайки и расклешенные пальто, не хочу явно демонстрировать свое положение, ведь я брошенка с прицефиком теперь, моим любимым прицефиком, самым долгожданным.

Слезы скапливаются в уголках глаз и сердце щемит, от тоски, что у этого малыша не будет полноценной семьи, отца. Смахиваю эту ненужную влагу с глаз, зато у него будут самые замечательные бабушка с дедушкой и самая любящая мама на свете.

Чувствую шевеления в животе, словно рыбка махнула хвостом, всплеснула воду. Поглаживаю живот, успокаивая его. Мама говорит будет мальчик, что-то она увидела в положении живота и уже сделала предсказание. Папа недоволен, он хочет внуку, маленькую девчущку с завивающимися хвостиками и розовыми щечками. Возможно, он описывает меня в детстве и ему не хватило нанянчиться одной девочкой.

Проверяю все стопочки на столе, бумаги, документы, папочки. Моя конфетница с соленой карамелью. Возможно стоило спрятать ее в ящик стола, но я так часто туда лезла, что решила припрятать ее в подставку для документов. Только она меня и спасала в период жуткого токсикоза. Теперь же, когда он мал по малу отступил, привычка осталась.

Валера увидев однажды мою притайку, лишь весело хмыкнул. Я посчитала это одобрением на использование подставки в своих корыстных целях. Вот и сегодня Валера заходит в приемную в сопровождении глав финансового и маркетингового отделов, а у меня круглая карамелька за щекой, делающая ее неестественно выпуклой. Пришлось срочно перепрятывать ее под язык, не выплевывать же при всех. Божечки, неудобно как. Все здороваются, а я лишь киваю головой. Когда все заходят в кабинет и закрываются, наконец выдыхаю и выкидываю злосчастную конфетку в корзину. Нужно уже отучаться от этой привычки.

Мамина знакомая гинеколог оказалась доктором со стажем, очень мне понравившейся. Сразу же выписала мне кучу направлений. Я и не знала, что столько времени занимают все эти процедуры, отнявшие у меня несколько часов рабочего времени. Поэтому, наученная опытом, на узи я записалась на самое позднее время, чтобы успеть после работы и не отпрашиваться.

Кто бы знал, что лучше бы я отпросилась.

Свора собак гонится за мной. Оборачиваюсь, чтобы оценить расстояние между нами. Это скорее волки, чем собаки. Вытянутые морды, серая шерсть, дикий взгляд.

Они нагоняют!

Бегу сбиваясь и спотыкаясь, пульс частит, сердце бешено колотится уже где-то в горле, вот вот выпрыгнет. Дыхание заканчивается и легкие горят огнем. Я больше не могу бежать! Я хочу остановиться, притаиться гденибудь, но страх подгоняет. Их злобное рычание уже за моей спиной, боюсь обернуться и потерять скорость, ведь тогда они нагонят меня. Я уже чувствую, как их зубы клацают у моих ног, пытаюсь схватить. Сил нет. Я готова сдаться и остановиться, но я не могу. В голове пульсирует настойчивая мысль. Мне нужно защитить малыша, что растет во мне. Я должна подарить ему жизнь. Это мой долг и обязанность! Прикрываю ладонью живот, как будто это поможет защитить ребенка и делаю усилие из последних сил бежать быстрее, но ноги уже не слушаются, заплетаются.

Вдруг, под моими ногами пробегает черное пятно. Не успеваю разглядеть что это. Рычание за спиной начинает отдаляться. Я в удивлении оборачиваюсь. Это не рычание удаляется, а я убегаю все дальше и дальше от своры. Черным пятном оказалась кошка, оцетинившаяся всей собой, напоминая теперь дикобраза. Она бесстрашно преградила путь волкам, встав между нами и грозно шипя на них, постепенно увеличиваясь в размерах, становясь теперь больше похожей на огромную черную пантеру в несколько раз больше самого крупного из волков. Недавно рычащие волки начинают поскуливать как мелкие щенки пригибая головы.

Просыпаюсь с бешено колотящимся сердцем. Меня окружают родные стены родительской квартиры. Вот это встряска с утра, получше будильника. Спать уже не хочется совсем. Я вроде ничего тяжелого на ночь не ела, чтобы заслужить такие сны.

Понезится в кроватке не удастся. На часах уже почти семь, вот вот зазвенит будильник. Отключаю заранее, не хочу слышать его трель.

Почистить зубы и на кухню к маме. Оттуда, как всегда, уже слышно ее тихое шуршание, чтобы никого не разбудить заранее.

За стол сажусь сонная и измученная, волна адреналина схлынула и теперь мне дико хочется спать, зеваю, так, словно я всю ночь не спала. Мама метко подмечает мое состояние.

— Доча, не выспалась сегодня? Какая-то ты осунувшаяся.

— Сон кошмарный приснился, как будто за мной гонятся волки, а черная кошка останавливает стаю, не давая меня сгрызть.

Мама качает головой прицокивая, ставит передо мной молочную кашу. Сегодня у меня нет сил сопротивляться маминому здоровому кормлению. Послушно беру ложку.

— Не сбудется, — утешает мама, — ты вот мне рассказала и все кошмары уйдут вслед на ночь.

Если бы я знала, что это скорее сон в руку, чем не сбывшийся кошмар.

Папа проходит на кухню. Желает всем доброго утра. Целует меня в макушку, как маленькую. Садится на свое место. Смотрит с неприязнью на предложенную ему кашу, но тоже обреченно берет ложку. Мамины увещевания о ее пользе не проходят даром.

Рабочий день прошел в штатном режиме. Весь день в кабинет босса сновали туда сюда сотрудники. Не мудрено, важный проект на носу, а дедлайн уже кусает за пятки.

С Валерой сложились дружеско-доверительные отношения. И работается мне с ним легко. Так что вечером он без предисловий предложил подвезти до больницы. Он часто подвозил меня, пока я не узнала что он живет в противоположной части города. Посчитала неуместным и неудобным делать ему такой крюк, поэтому в дальнейшем отказывалась от его предложений. Сегодня я решила принять его предложение. Ехать в больницу с несколькими пересадками, после рабочего дня, ну совершенно не хотелось.

Валера оглядывает темную улицу, на которой стоит эта больница. Саму больницу, где горят только фонари перед входом, погружая всю остальную территорию в полумрак. Редкие зажженные окна рассеивают его.

— Я подожду тебя. — утвердительно заявляет.

— Не надо, я возможно надолго задержусь. — пытаюсь отказаться.

— Хорошо. — только и отвечает Валера, как-то чересчур быстро соглашаясь.

Выхожу из больницы с маленькой распечаткой моего малыша на ней. Его первым снимком. Когда врач показала мне на экране маленькое, движущееся пятнышко, такое невероятное чувство затопило, нежности и умиления, что невольно выступили слезы на глазах. Такой маленький, а уже машет маме ручками. Теперь Совершенно точно ясно, что будет мальчик. На прошлом УЗИ малыш отворачивался и не хотел показываться, а на этом узистка успела поймать момент и раскрыть эту тайну. Папа расстроится. Он же так хотел девочку. Но ему придется смириться.

В голове благодаря маме засела занозой и крутится мысль — надо рассказать Радиму. Но вместе с тем, роятся сомнения. Как он отреагирует на новость о моей беременности? Что он предпримет? Ведь он уже живет с Ликой, устраивает свое "гнездышко", готовится стать отцом, обустривая все для малыша. Как мой малыш впишется в его новую жизнь? Не будет ли он лишним?

Эти мысли снова повергают в уныние, никак не удается насовсем выкинуть их из головы. Они возвращаются снова и снова, продолжая мучать меня.

Мерное гудение мотора за спиной навязчиво вторгается в мои мысленные рассуждения, заставляя прерваться и оглянуться.

Черная машина на низком ходу пристроилась позади и катит за мной. Улица темная, не все фонари горят, но я разглядела через лобовое стекло двоих мужчин. Заднее стекло опускается и оттуда высовывается еще один, вальяжно облокотившись он оценивающе разглядывает меня. И вот в его взгляде чувствуется интерес.

Я быстро отворачиваюсь.

Мужской неприятный оклик:

— Девушка, а девушка, — вызывает волну липких мурашек, поднимающих волоски на затылке.

Открывается еще одно окно, переднего пассажирского и оттуда выглядывает еще одна макушка.

Сначала их тон скорее доброжелателен.

— Девушка, а девушка, давай знакомиться.

Не обращаю внимания, продолжая идти. Парни шутят, веселятся, надоест — проедут мимо. Моя стратегия оказывается ошибочной. Веселье им не надоедает, а преследование и мой игнор только распаляет и раззадоривает.

— Девушка, а девушка, а вашей маме зять не нужен? — и ржут аки кони.

— Садись в машину, детка, прокатим, выберешь себе жениха, — уже другой, более наглый голос.

— Ты одна, а нас много, будешь на расхват. — теперь в их тоне стеб, пополам с ехидством, больше никакой доброжелательности.

Вряд ли они догадываются о моем положении. Инстинктивно прикрываю живот рукой, другой вцепившись в сумочку. Боюсь отпустить, как будто она мое единственное спасение.

Надо же было так попасть. Почему не попросила Валеру подождать? В какой момент я стала магнитом для неприятностей? Не может же мне так не везти. Или меня кто сглазил?

И почему в последнее время влипаю в такого рода ситуации. Я вроде не одета вызывающе, да даже не накрашена! Что ж я действительно бедочка такая, как говорит Анна Николаевна — мама Радима. Эх, а Радим не бросил бы меня в больнице одну.

Почему я никогда не попадала в такие ситуации, когда была с Радимом. Одно его присутствие словно бы разгоняло все тучи надо мной и развеивало неприятности. Может это флюиды защиты и покровительства, которые он всегда излучает, дарящие чувство безопасности.

Словно я вышла из его защитного поля и на меня резко повалились все эти беды.

Такая невыносимая тоска накатила, так захотелось увидеть его. Чтобы оказался рядом, защитил. Отвез домой и отогрел.

Я отгоняю от себя эту тоску, нет его рядом и эти чувства лишние, отравляют меня своей заманчивостью.

Если б я знала, что мое желание так скоро сбудется само собой, желала бы сильнее.

Паникую, нервно оглядываюсь по сторонам в поисках помощи. Никого нет, улица пуста, только где-то далеко с другой стороны улицы, у магазина, стоит машина с зажженными фарами. Я всего лишь немного отошла от входа на территорию больницы, там за углом спасительная безопасность, но чтобы вернуться туда мне придется пойти навстречу страху, как-то прошмыгнуть мимо их цепких лап.

Ускоряю шаг. Но это не помогает сбежать от преследующей меня машины.

Нырнуть в подворотню? Но там темно и сомнительно, что я спасу себя этим шагом. А в темной подворотне мои шансы избавиться от навязчивого преследования сведутся к нулю, если парни решат пойти за мной.

Когда слышу хлопок двери за спиной и вовсе сердце подпрыгивает к горлу. Мне нельзя волноваться, нельзя нервничать. Я не хочу этого внимания со стороны мужчин. Мозг на удивление начинает соображать быстрее и просчитывать варианты побега. Подворотня не вариант. Добежать до конца улицы, где шумит магистраль не успею. Крик тоже вряд ли

привлечет доблестных спасителей, может слугителей правопорядка, но где они когда людям так остро нужна их помощь?

Позвонить никому уж точно не успею, нужно было раньше об этом думать.

Останавливаюсь и разворачиваюсь встречая опасность лицом к лицу.

Замечаю на капоте машины аэрографию. Волк с оскалившейся пастью. По телу пробегает озноб пробирая мурашками. Я мгновенно вспоминаю свой сон, и я уже не так уверена в своих силах.

Страх натягивает нервы. Заставляя холодеть конечности. Тронь меня и я рассыплюсь на мелкие льдинки.

— Эй, Серый, не помни там малышку, — и снова дикий ржач.

А мне вот не смешно. От их шуточек становится по настоящему страшно.

— Пойдем, малышка, прокатимся.

Нет, определенно Серый мне не нравится. Как и все остальные в машине.

Какая я ему малышка? У меня у самой скоро будет малыш! Продолжаю держаться за свой округлившийся живот, неосознанно защищая. Но под свободным кроем пальто его не особо заметно, если только придержать под животом, тогда отчетливо видна округлость

— Не могу, меня муж ждет, — выпаливаю первое, что приходит в голову, надеюсь, твердым голосом.

А у самой ноги начинают дрожать. А ну как схватит и потащит в машину, что мне тогда делать? А если еще дружки его высыпят из машины. Сопротивляться тогда бесполезно. Один этот парень явно сильнее меня.

— Да ладно тебе, какой муж? Такая ладная малышка, а сопротивляешься. Пойдем угощу тебя мартини. Будет весело, обещаю.

Я отчаянно мотаю головой:

— Мне нельзя мартини, — жалобно пишу.

— Хочешь шампанского без разницы, что захочешь тем и угощу.

Какой настырный молодой человек. Что ж он слов не понимает совсем?

— Я же говорю мне нельзя, я беременная и меня муж ждет.

От волнения начинаю часто дышать и живот потягивает, я опускаю руку ниже, очерчивая округлость и пытаюсь рукой успокоить занывший низ живота. Но ничего не помогает.

— Чо, и вправду беременная, что ли? — ошеломленно смотрит он на мой животик. — Круть, беременных у меня еще не было.

Мои глаза, в этот момент, итак круглые от страха, становятся еще больше. И я уже не могу ответить, от волнения и частого дыхания мне становится дурно, голова кружится. Вот вот упаду в забытие, но каким-то чудом еще держу себя в сознании. Так обидно и горько, что слезы выступают на глаза. Что ж вы просто не оставите меня в покое?

По той стороне улицы проезжает машина. Я поворачиваю голову, следя за ней как за спасательным кругом, проплывающим мимо. Во мне бьется отчаянная мысль бросится под колеса, остановить ее. Но она далеко, я просто не добегу в таком состоянии. Закричать?

Этого не требуется. Машина сама выруливает со встречной полосы, резко тормозит передо мной. Я уже не вижу своего спасителя из-за застилающих глаза слез.

Хлопок дверцей и я слышу нотки родного голоса, поднимающие волну радости в душе и заставляющие воспрянуть духом и улыбаться.

— Эй, мужики, вам что нужно от моей жены?

Меня окутывает знакомый, до боли запах, с примесью чего-то нового, табака?

— Да подвезти хотели. Смотрим малышка бесхозная.

— Ее есть кому подвезти, — рычит Радим.

— Ты это, не оставлял бы ее одну, смотри какая малахольная уже еле дышит.

Окутывающее тепло Радима обхватывает меня за плечи. Он осматривает меня внимательно. Даже не представляю, что он увидел в моем лице.

— Мариш, садись в машину. — он подводит меня к дверце. Аккуратно усаживает в кресло и закрывает в машине.

В тепле салона я начинаю отогреваться и приходиться в себя. Я и не догадывалась, что так замерзла на улице. Откат настигает, пальцы начинают мелко подрагивать и мне не удастся их остановить. Сжимаю кулаки и смотрю сквозь лобовое на мужчин. Не слышно о чем они разговаривают, но мне не нравится та напряженность, с которой они стоят друг напротив друга.

Разговор явно переходит на повышенные тона, до меня начинают доноситься отдельные слова. Из машины высыпают оставшиеся парни, молодые совсем, борзые, лыбятся словно скалятся.

Не нравится мне их оскал. Таким лишь бы прицепится к кому-либо, а дальше дело техники.

В груди сжимается сердце в беспокойстве. Вряд ли Радим выстоит в прямой схватке с тремя здоровыми парнями. Почему мы сразу не уехали, как только Радим посадил меня в машину? Я готова сама сейчас сесть за руль и протаранить всех борзых. Так и сделала бы, если умела водить и не боялась вместе раскатать и Радима.

Надо что-то предпринять, нашариваю телефон в сумке, набираюсь решимости и пока не передумала открываю дверцу.

— Цыпочка одна шла, хорош заливать.

— Да ладно, мы просто познакомимся, подвезти хотели, — меняются они в показаниях.

— ..., мужики, говорю же моя жена. Отвалите. — уже рычит Радим.

— Я полицию вызвала, — говорю громко, чтоб меня точно услышали, предъявляю телефон с включенным экраном на котором светятся три цифры.

— Да угомони свою малышку. Нужна она больно. Валим парни. — командует, судя по всему, их главный.

— Марина сядь в машину, — от грозного рыка Радима я быстро падаю назад в кресло, захлопывая дверцу.

Наблюдаю, как двое быстро занимают место в своей машине, последний — Серый, еще немного позубоскалив тоже прыгает на заднее сидение и машина ослепив светодиодами срывается в ночь.

Радим тоже садится в машину, еще немного сидит опершись руками о руль, сжимая его выплескивая остатки ярости, трясет головой, поворачивается ко мне. Его глаза налились краснотой как у взрывшегося быка. Но это не от недавнего противостояния, а скорее отпечаток усталости и недосыпания.

Меня снова начинает мелко потягивать. Это отходняк после пережитого. Так страшно мне не было даже за себя, а за него переживаю. Успокаиваю себя дыханием.

— Как ты? — вопрос Радима заставляет отвлечься от своего занятия.

Неопределенно машу головой. Я и сама не знаю как я.

Он осматривает меня своим цепким прищуром. Его взгляд больше сосредоточен на моем лице. Наверно и не замечает моего живота под просторным кроем пальто.

Рассказать ему сейчас? Ведь это так просто, открыть рот и рассказать. Но как только я раскрываю рот язык немеет. И ни звука не выходит. Разве такое возможно?

— Поехали, — командует он сам себе, после наших гляделок.

Я еще минуту пытаюсь бороться с собой, но сдаюсь и говорю совершенно другое:

— Как ты оказался здесь? — это у меня получается выговорить, когда мы отъезжаем на приличное расстояние и меня наконец отпускает нервный тремор.

— Мимо проезжал? — отвечает с вопросительными интонациями. Он у меня спрашивает?

Я смотрю на него прищурившись, пытаюсь просверлить дыру взглядом, но это не мешает ему вести машину, сосредоточившись на дороге.

Как он мог проезжать мимо больницы если живет в другом городе? Или уже не живет, осеняет меня догадкой.

— Где ты живешь сейчас? — выпаливаю пока мы стоим на светофоре, и пока я не успела передумать.

Внезапный вопрос заставляет его застыть в напряжении, пристально следя, как цифры отсчитывают секунды пешеходам.

Он не сразу отвечает. Когда уже зажегся зеленый свет, как будто давая ему разрешение на ответ.

— В городе.

В каком? С кем? Ну почему нужно отвечать так неопределенно!

— С кем? — вырывается прежде, чем успеваю подумать. Прикусываю язык, ну надо же было так. Я точно не хотела этого спрашивать!

Успеваю заметить тень усмешки на его губах, прежде, чем он отвечает:

— Один, — так просто из его уст. И снова односложным ответом. Как не просто вытянуть из него все, что я хочу узнать.

Молчит, продолжая вести машину. Я же лопну сейчас от любопытства! Почему сразу нельзя ответить на все мои невысказанные вопросы?

Почему один? Где Лика? Хотя... Какая мне разница? Перестая гипнотизировать его профиль и отворачиваюсь к окну. Не хочет — пусть не говорит.

Он привез меня к дому родителей. Я даже и не спросила куда мы едем, полностью доверившись. Глушит мотор и ловко отстегивается. Как у него так легко все получается? Выходит из машины, огибают капот, пока я вожусь с ремнем безопасности. Открывает мне дверцу и подает руку.

— Провожу тебя. — ответ на мою вздернутую бровь.

Похоже в нем проснулся все контролирующий маньяк. Теперь не отпустит пока не проведет до порога и не сдаст с рук на руки.

Мама встречает, кутаясь в халат, обеспокоенно смотрит на нас.

— Добрый вечер, Вера Андреевна. — хриплый голос рядом, рассыпает мурашками по моей коже.

— Что случилось, вы откуда оба взъерошенные? — мама переводит взгляд с меня на Радима. Мамино чутье не подводит, мы действительно помяты, но не снаружи, а внутри.

— Ма-ам, все в порядке, нет повода беспокоиться. — говорю, проходя в квартиру.

— А ты куда? — мама ловит за рукав развернувшегося было Радима, — зайди, хоть чай попей.

Она втягивает не сопротивляющегося мужчину в квартиру, вслед за мной.

— Господи, а глаза какие у тебя. — вздрагивает мама, увидев в ярком освещении прихожей зятя.

Глаза у Радима действительно жутковатые — красные, воспаленные, да еще и темные круги под глазами добавляют эффекта. Ко всему волосы его взлохмачены на макушке. В целом делая его образ демонически устрашающим. Таким только детей пугать.

Что он делал вообще, чтобы довести себя до такого состояния?

— Вы пока раздевайтесь, проходите на кухню, а я за каплями, у меня были хорошие. Марина чайник. — напоминает мама, исчезая в недрах квартиры.

Радим быстро скидывает свое пальто и ботинки, проходит на кухню. Такой послушный сегодня.

Я ставлю чайник на плиту. Мама не признает никаких электрических, говорит в них вода не вскипает до конца, поэтому ждем. Я так же оставшись у плиты, а он присев за стол, прислонившись затылком к стене.

Ловит мой, осматривающий его, взгляд.
Куда же там мама запропастилась?

Я осматриваю Радима — воспаленный взгляд моих любимых темных омутов, острый кадык виднеется из расстегнутого ворота рубашки, побрит, но словно помятый и осунувшийся. Мне бы радоваться, что без меня некому следить за его внешним видом, здоровьем, но вместо злорадства в моей душе просыпается только жалость.

Он тоже осматривает меня жадным взглядом. Как будто хочет впитать целиком мой образ, выжечь на подкорке своего мозга, чтобы никогда уже не забыть.

Наши глаза встречаются и время перестает существовать. Глаза в глаза. Его — воспаленные, мои — наполняющиеся соленой влагой. Сердце сжимается, не могу видеть всегда сильного, уверенного Радима таким слабым и измученным.

В невозможности больше вынести накативших чувств, я отвожу взгляд и сбегая из кухни в поисках мамы. Где-то она потерялась со своими каплями. Встречаю ее в коридоре, как раз идущую навстречу. Всучив мне капли со словами:

— Давай сама, это же твой муж! — снова отправляет меня на кухню.

Так-то оно так, эта не расторгнутая формальность смущает, создавая неловкость, что я буду капать глаза мужчине, почти постороннему, но когда-то такому родному.

Может он сам? В надежде подхожу к Радиму, с этим дурацкими каплями для глаз, в неловкости мнусь перед ним.

Он все правильно понимает, увидев бутылек в моих руках, но реагирует по своему — откидывает голову назад, распахивая глаза.

— Капай, — командует охрипшим голосом.

Столько доверия в этом действе, а если я закапаю ему не то. Он даже не проверил, что я собираюсь ему налить в глаза. Но он просто ждет.

Это же так просто, да, — уговариваю себя — подойти и накапать. Но совсем не просто оказывается встать к нему вплотную. Очень близко. Заглянуть в замутненные темные глаза. Ощутить едва щетинистую щеку под ладонью — удержаться, чтоб не дергался. Капнуть по паре капель ему в глаза.

Пока я занята этим нехитрым делом, он нежно обнимает, не отпуская, утыкается чуть выше округлости живота. И замирает так.

Ну вот. Теперь, наверно, и не нужно ничего рассказывать, итак все понятно. В таком положении очень хорошо заметен, мой внезапно выросший на четвертом месяце, животик.

Так и стоим еще несколько минут.

— Тебе нужно что-то с глазами сделать, — отступаю от него на шаг. Его руки сползают с меня и безвольно падают вдоль тела.

— Я просто устал. Как же я устал. — откидывается он назад на стену, прикрывая глаза.

Таким мирным и милым он сейчас выглядит, полная противоположность тому Радиму, что я видела час назад.

Мама возвращается на кухню. Увидев Радима мирно спящим на стуле, откинувшимся на стену, смотрит на меня укоряюще, будто это я его уронила до такого состояния. Она стелит на диване в гостиной, категорически отказавшись выпускать за руль уставшего человека.

Мне остается лишь смириться с маминой заботливостью.

Всю ночь, как восторженная девчонка бегала смотреть как он спит. На цыпочках кралась до гостиной, чтобы никого не разбудить. Да что со мной? Я с ума сошла? Крутились в голове навязчивые мысли, но на них совершенно не хотелось обращать внимание.

Божечки, ну что я творю? Я же почти забыла уже этого мужчину, полностью погрузившись в работу, подготовку к рождению и заботы о будущем малыше и вот он здесь, рушит весь мой многомесячный настрой и я снова как одержимая кручусь вокруг него, рядом.

Как взять себя в руки, когда сердце замирает, а потом пускается вскачь от одного взгляда на мирно спящего мужчину? Но мне нельзя, нельзя поддаваться на эту провокацию.

В очередной раз, когда я крадусь "на кухню водички попить", мама ловит меня. Снарядив целым графином питьевой воды, отправляет спать, строго настроено запретив показываться из спальни.

Почти до рассвета ворочаюсь в своей внезапно ставшей неудобной кровати. И одеяло жаркое, и подушка смялась, простыня сбилась в комок. Не выдержав больше этой пытки, все таки выглядываю одним глазком в коридор, мамин запрет строго засел в сознании. Я тихонечко, всего лишь в туалет. Немудрено после опустошения целого графина на пару литров.

Мамы не видно, скорее всего уже крепко спит.

После туалета и ванной, где пришлось умыться, чтобы остыть и прийти в себя, ноги сами ведут меня в гостиную, к дивану, на котором мирно спит мужчина. Он чужой, чужой, чужой — повторяю как мантру, но залипаю на такие родные черты лица. Красивый такой, хочется пищать от восторга. Сердце бьется часто, как в первый раз, когда его увидела. И весь мой настрой летит к чертям и я забываю что нельзя.

Склонившись над ним я только и хочу поправить сползшее совсем одеяло, обнажавшее крепкое тело с сухими мускулами и жилистыми руками, на разглядывание которых я дополнительно зависаю. В рассветной дымке становятся отчетливо видны все эти перепады рельефа и выпуклый рисунок вен, когда меня вероломно хватают эти крепкие руки и укладывают себе на грудь.

— Спи, — шепчет неразборчиво, куда-то в макушку и приходится подчиниться. Потому что стальная хватка никак не ослабевает спустя пять минут и десять. Сползаю чуть в бок, поудобнее устраиваясь, на животике уже неудобно спать. Крепкая хватка мне это позволяет, но ни на миг не ослабевает. На каком счете тиканья часов я сдаюсь и проваляюсь в забвение сна я не помню.

Так сладко и комфортно мне давно не спалось. Нога удобно закинулась на живую подушку, голова удобно устроилась на мерно вздымающейся груди. Успокаивающий, мерный стук сердца сработал как лучшее снотворное.

Подскакиваю от шуршания мамы за стенкой. Она на кухне уже готовит для всех завтраки.

Божечки, как стыдно то, она же проходила мимо раскрытой нараспашку двери в гостиную и наверняка видела, как я тут разлеглась на груди Радима.

Аккуратно сползаю с дивана, невольно отмечаю — он похудел. Мышцы как будто стали более четкими и вены на руках выступают отчетливее.

Заскочить в спальню за халатом и в ванную освежиться. К маме на кухню, как на гильотину. Моей родительнице словно нет дела, она спокойно заваривает чай, разложив мешочки с травами и засыпая в заварник по щепотке из каждого.

Сейчас повернется ко мне и будет отчитывать как маленькую, нашкодившую девочонку.

Мама мирно продолжает заваривать чай. Затем ставит передо мной ароматно пахнущую кашу с изюмом, гренки, чай.

И ни слова упрека.

Я смотрю на свою тарелку. Вкусно конечно, но вместо всего этого нехитрого завтрака я бы съела хорошо прожаренный кусок мяса, есть хочется неимоверно. Токсикоз отступил и теперь я ем за двоих, а иногда и за троих.

Я нервно поглядываю на часы, отбивая ритм чечетки одной ногой. Мне уже пора идти на работу, а Радим все не просыпается. Сил нет терпеть. Почему я его тогда же не растолкала, когда сползала с него?

— Может разбудить? — зачем-то спрашиваю у мамы. Она отрицательно качает головой, прекрасно понимая о ком я.

— Я сама разбужу. Ты иди на работу.

Да как пойти-то в таком состоянии? Я хотела с Радимом поговорить!

— Иди, иди, опоздаешь, — выпроваживает меня эта саботажница по ошибке называемойся родительницей.

Она за кого сейчас вообще? Почему так настойчиво отправляет на работу? Все эти вопросы приходится оставить при себе. На работу я действительно уже опаздываю.

Прибежала на свое рабочее место с пятиминутным опозданием. Валера никогда не ругался за это, но я стараюсь не подводить его и приходить вовремя. Все терзания по поводу опоздания оказываются тщетны, моего брсса и самого нет. Кабинет закрыт.

— Тебя встретил Радим вчера? — спрашивает босс, как входит в приемную. Как всегда одет в строгий костюм и пальто поверх, капельки дождя застыли на плотной ткани.

— Да, — оторопело смотрю на босса и нещадно туплю, — а откуда ты знаешь?

— Это я ему позвонил, просил тебя встретить. Решил тебя подождать вчера, райончик, скажем, там не очень, но меня срочно дернули по работе, я ему и набрал.

— Подожди, подожди, когда вы познакомитесь успели? Вы что общаетесь?

Он с интересом смотрит на меня, охотно отвечает:

— Уже несколько месяцев как работаем над одним проектом. Ты разве не знала? Он и в город перебрался на постоянку.

Мотаю головой. Нет, я всего этого не знала, и кто бы мне сказал? Я намеренно отрезала себя от всей информации связывающей с Радимом.

Босс не дождавшись моего ответа нырнул в свой кабинет. Его ждут дела, а вот мне теперь не работается. Телефон как сам прыгнул в руки и завертелся волчком в пальцах. Я же добавила в черный список Радима. Нажимаю "удалить из списка".

И тут же словно по волшебству приходит сообщение:

"Малышка, я все решил. С тебя обещанный разговор."

Сердце подпрыгивает к горлу от этого сообщения. И бьется птицей в грудной клетке. Так страшно, что он мне скажет? А вдруг это все, конец всему нашему общению и ребенок ему будет не нужен. Судорожно пытаюсь вспомнить на каком месяце Лика и никак не могу подсчитать. Мозг словно окутало зыбким туманом и не получается сосредоточиться.

Выходит, все это время я только и ждала, что Радим ко мне вернется. Узнает о беременности и хотя бы будет участвовать в жизни малыша. Но теперь я в этом не уверена.

Если ему не нужен будет этот ребенок, мой малыш? И тут же пугаюсь, а вдруг своими переживаниями растревожу малыша? Я накрываю ладонью живот. Он мирно спит, не чувствуется ни шевеления, ни толчков. Спи мой малыш. Я успокоюсь и все будет хорошо.

Я отвечаю коротким словом:

"Ок"

Одна галочка появляется под сообщением и так остается сколько бы я не гипнотизировала свой телефон. Оно висит непрочитанным даже вечером, когда я уже дома.

После ужина остаюсь на кухне помочь маме, преследуя свою цель. Едва дожидаюсь, когда папа выйдет из кухни, мы по прежнему стараемся беречь его. После минутного молчания, не выдерживаю и выпаливаю:

— Мам, Радим спрашивал обо мне?

— Мам, Радим спрашивал обо мне?

Я сгружаю посуду в мойку. В ожидании ответа сажусь обратно за стол. Мама не доверяет мне мытье посуды с тех пор, как я чуть не упала в обморок прямо в узком проходе между холодильником и кухонным гарнитуром, разбив при этом несколько тарелок. Прошло уже пару месяцев и приступы головокружения отступили вместе с токсикозом, но мамино доверие не удалось вернуть.

— А как же, подскочил, ввалился на кухню как медведь, искал чего-то. Спросил где ты.

На последней фразе я сажусь напрягшись, в предвкушении дальнейших подробностей, но мама неумолима, продолжения не следует. Она размеренно намывает посуду в тишине, а я сдуваюсь как шарик.

— Вижу у вас все наладилось. — продолжает она, заметив мою реакцию, — Рассказала наконец. Вот и славно. Давно пора. А то, как малыша растить без отца?

Замираю, а о самом главном я, конечно, и не сказала. Мог он догадаться по моему животику? Мог же.

Не знаю куда спрятать от мамы глаза, они беспорядочно бегают по кухне в поисках ответа. Понимаю, что выдам себя таким поведением и хватаю свою кружку, пряча взгляд уткнувшись в остывающий чай.

Мама стоит у мойки и не видит моих метаний, а когда оборачивается на мое молчание я уже пью чай, уткнувшись взглядом в конфетницу.

— Ты что ему не рассказала?! — тарелка выскальзывает из ее рук со звоном падая в мойку.

Все же, провести маму не удалось. Знает меня как облупленную. И мое молчание сказало само за себя, конечно выдало меня.

— Что ж вы делали всю ночь?

— Мааам! — возмущенно пишу.

— Ну, ладно, пол ночи? — снисходительно сокращает срок мама.

Мои щеки горят, краснею как школьница, а мне на минуточку уже двадцать шесть! Стыдно-то как, мой взгляд снова мечется по кухне, не зная где спрятаться.

— Ты ж на узи ходила, хоть снимок показала ему, раз язык у тебя не ворочается.

Тяжело вздыхаю. Разве я об этом думала вчера? Мысли плыли совершенно в другом направлении.

А снимок так и лежит в сумочке. Никем не увиденный. Я его так и не показала никому, даже родителям. Просто забыла обо всем, слишком напряженным был вечер.

Мама наконец заканчивает отмывание кастрюли и поворачивается ко мне, вытирая руки вафельным полотенцем. Она садится ко мне за стол.

— Позвони ему, узнай как дела, невзначай расскажи о ребенке. — участливо советует мама.

— Вот же глупая ситуация, мам, я и хочу рассказать и не могу, мне все время что-то мешает, как будто что-то держит и не дает рассказать. — я смотрю на нее с надеждой, что подскажет, как поступить.

— Ну, здесь только один совет, просто обратиться и рассказать, по другому не выйдет, пока ты ходишь вокруг да около, маешься, выискивая отговорки, ты не сможешь рассказать

ничего. А время идет. Я говорила неоднократно, если ты не можешь, я сама расскажу, меня-то ничего не держит.

— Нет, мама, пожалуйста, я хочу сама! — умоляюще смотрю на нее.

— Сама, ты ни на что не решишься, — тяжело вздыхает мама.

— Я хотела утром рассказать, но ты отправила меня на работу, а теперь он не выходит на связь. — вышло с упреком.

— Откуда ж мне знать было, что за всю ночь вы не сговоритесь. — всплескивает она руками.

Возможность рассказать Радиму мне выдается очень скоро и если бы знала, чем обернется моя попытка, может и не стремилась к этому так рьяно.

Сон, словно видение. Моя жена, такая хрупкая и нежная с круглым животиком, беременная, в какой-то полупрозрачной сорочке, склоняется надо мной...

Просто сгреб ее в охапку и не смог отпустить.

Остатки сна все еще будоражат, вспенивая кровь. Нереальное видение — нимфа в полупрозрачном одеянии склонившаяся надо мной, нежно ведущая своими соблазняющими пальчиками.

Схватить и подмять под себя, лениво ворочаются мысли. Но с нимфой так нельзя! С этой нежной девочкой нужно трепетно и ласково, чтобы не спугнуть.

Кто бы в этом сне объяснил мне, почему нельзя? Схватить и никуда уже не отпускать.

Подскакиваю с дивана как ужаленный. Ночное наваждение все еще держит мое сознание, нехотя рассеиваясь.

За что-то цепляюсь ногой и с грохотом валюсь на пол. После ночного видения, нереального сна про нимфу, пришедшую залатать мои раны, обстановка комнаты кажется не знакомой. Но это на первый взгляд, приглядевшись, понимаю где я.

Трясу головой, растирая ладонями лицо, пытаюсь прийти в себя. Нужно же было так вырубиться вчера. В тесной кухоньке, с ласковыми пальчиками на моей щеке, теплым ароматом Маришки рядом, привели всю мою сенсорiku в режим офф. Меня срубило это настоящее ощущение ее рядом, вернуло мне расслабление и умиротворение — я снова дома, не один.

За все это я должен благодарить Валеру. Когда он позвонил вчера, сказал, что нужно забрать одну уж больно самостоятельную особу из больницы, ушам своим не поверил.

Я смирился, что мне нужно сотрудничать с ним, когда гендир представил на очередном заседании нового партнера в лице старого знакомого. Теперь я знал как его зовут и это не облегчало его участь. В первую минуту был близок, чтобы задушить его там, в зале переговоров. красная пелена словно опустилась и я реально отчетливо представил, как рву его голыми руками на части, как дикий зверь. За последнюю встречу, за то, что постоянно трется с Мариной рядом. Просто за то, что моя Маришка теперь работает с ним! Но в счастье, нам очень скоро выдалась возможность пообщаться наедине и за вытяжкой одной сигареты за другой мы пришли к консенсусу. Его слова были убедительны. И я ему поверил, давая шанс реабилитироваться. Теперь он стал моим союзником.

Долгих четыре месяца я держал себя в окопах, не видел Марину, старался держаться подальше, не донимать ее, сдержат обещание, решить все свои проблемы и только тогда вернуться к ней

и теперь меня физически выламывает. Жесть как хочу ее увидеть, обнять зацеловать. Но для начала нужно с ней объясниться, все рассказать. Вымолить прощение за свою глупость и оплошность.

Она просила, а я пообещал.

Да, сдуру наобещал ей все, что она пожелает. Наверно никогда не научусь сопротивляться ее желаниям. Не зря я назвался ее Золотой рыбкой, это действительно так. Не могу отказаться исполнять все ее желания и прихоти.

Нереальное ночное видение приобретает физические очертания и я вижу обстановку комнаты.

Гостиная четы Обрамцовых — пастельные обои, стеллажи, заполненные книгами и фоторамками, телевизор. Тиканье часов привлекают внимание. Стрелка неумолимо движется к цифре восемь. Растираю лицо руками. Сегодня я умудрился все проспять и уже везде опоздал.

Выпутавшись из коварного одеяла хочу направиться на поиски Марины. Мне же не привиделось, это ее я держал в своих объятиях ночью, пришедшей в образе лесной нимфы с распущенными волосами и ночнушке, отчетливо вырисовывающей ее силуэт в отсветах уличного фонаря.

Мотаю головой, чтобы смахнуть это наваждение. Маришка, Маришка, она же здесь сейчас. Только найти и протянуть руку. Снова обнять, вдохнуть ее сладкий аромат. Счастье было так близко, она была рядом со мной этой ночью. Как волшебный сон, нереальная, неземная. А я все тупо проспал.

Сейчас когда все вопросы выяснены. Служебное расследование привело к неожиданным результатам, но закономерным. Наконец нашли крысу, что не только слал мне угрозы, но и сливал инфу с помощью Лики.

Когда все невзгоды остались позади, когда я наконец снова чувствую себя хозяином своей жизни.

Я не могу, да и не хочу увеличивать срок нашего разлуки. Мне уже физически больно быть вдали от нее.

Теперь я готов воспользоваться шансом, лазейкой, которую мне оставила Марина на последний разговор. Где я все исправлю, сделаю все возможное и невозможное, чтобы вернуть наши отношения.

Наконец, увижу ее.

Подскакиваю готовый искать Марину, где бы она ни была, но на мне одни трусы. Оглядываюсь по сторонам, брюки и рубашка мирно лежат на кресле. Спешно одеваюсь. За стенкой гремит посуда и негромко слышны голоса, мужской и женский. Мне туда. Увидеть Маришку, поговорить.

Но на кухне ждет разочарование. Маришки нет, только ее родители. Отец тянет мне руку, пожимаю. Мы не здоровались вчера. Понимая, что Марины здесь нет, дергаюсь в желании найти ее в недрах квартиры, но все еще крепко держащая рука останавливает.

— Садись сынок, подкрепись.

— А Марина где? — самый важный вопрос не сдерживается, слетает с языка.

— Марина уже на работу ушла. Садись, садись. В ногах правды нет.

Приходится подчиниться

Передо мной ставится тарелка с кашей, пахнет вкусно, голодное нутро радостно предвкушает.

— Кушай, кушай, — участливо, — полезно, — с ехидцей в голосе, но мне сейчас пофиг, я готов и слона проглотить, не то, что эту тарелку. Как давно я не ел домашнего. Последний раз, пожалуй, у мамы, тыщу лет тому назад, еще больше домашнее, приготовленное Мариной. Ностальгия тянет тоской по ее ароматным, вкусным блинчикам по утрам,

которыми она меня кормила.

В машине отправляю сообщение Маришке. Сердце наполняется предвкушением, нашей встречи и предстоящего разговора.

Смотрю на наручные часы. Опоздал уже везде, где можно. Плевать. В сердце бьется лишь один страх — не опоздать вернуть Марину.

Сотрудники поглядывают на меня косо. Сегодня я припозднился значительно, чего никогда не случалось. Плевать.

Секретарь напоминает, что на сегодня назначено несколько важных встреч. Сеть расширяется, мы уже заключили договор на представительство мелкой медтехники для дома, теперь предстоит заключить крупные договора, превращая обычную продуктовую сеть магазинов в супермаркеты товаров широкого потребления.

Последние переговоры проходят в ресторане. Затягиваются на долгих три часа. Оптовик явно тянет резину, выставляя все новые условия. И я понимаю, что бронь на столик для ужина с Мариной сгорает, как моя надежда объясниться сегодня.

Вдыхаю холод морозной ночи, немного приводят в собранность чувства после выматывающего ужина.

Выдыхаю. Что за день такой сегодня, катастрофического опоздания? Словно кто-то своей невидимой дланью сдвинул мой привычный график на режим "не успеть". Смотрю на темный экран телефона, опять разрядился, не вовремя. Ставлю в машине на зарядку.

Приходит сообщение от Марины, отправленное много часов назад. Короткое слово согласия греет сердце.

Хочу тут же набрать ей, но останавливаю себя. Не так должна проходить наша встреча. В этот раз я хочу сделать все красиво, за уединенным столиком в ресторане, купить ее любимые цветы, и тогда...

Отправляю сообщение:

"Завтра после работы встречу тебя."

Ответа не приходит. Он и не нужен. Завтра я встречу Марину, чего бы мне это не стоило. Надо только не забыть встать утром с той ноги.

В руках моих герберы. ее любимые алые.

Марина выходит из офисного здания вместе с Валерой. Галантный пиджак придерживает ей дверь. Неимоверно бесит его учтивость. Я спешу ей на встречу.

Она запахивает пальто. Я зависаю, притормаживая. Неверяще смотрю на запахнутое место еще несколько секунд, мозг нещадно тормозит. Она, сейчас, прикрыла животик, отчетливый такой!

Поднимаю на Марину глаза, пытаюсь прочесть ответы в ее лице, но нахожу только растерянность.

Я с ненавистью смотрю на стоящего позади Марины наглого пиджачника. Пазл складывается в моей голове, нехотя, в нежеланную картинку. Становится понятна его забота о Марине. Просьба забрать из больницы — не хотел оставлять беременную без присмотра. Мучительно ноет в груди. Все же не друзья.

Хотел позвать ее на красивый, романтический ужин, объясниться, рассказать, как облажался,

хотел вымолить прощение, начать сначала, хотел забрать ее от родителей, привезти к

себе, пока в съемную квартиру, со временем выкупить, много чего хотел, но произнес совсем другое:

— Хотел позвать тебя на ужин, заказал столик на двоих. Вижу зря. У вас все в порядке. Ребенка ждете. — я смотрю на ее живот и не могу отвести глаз. Мне кажется это продолжение моего сна, но заканчивается он кошмаром, таким диким кошмаром.

Она ждет ребенка от него. Переживал, паразит, за своего отпрыска, специально подослал меня в больницу, чтобы я своими глазами увидел плод их "дружбы". А клялся же, божился, что у них ничего нет и быть не может.

Оказалось лгал.

Последний взгляд на ее лицо.

На глазах слезы, она смотрит в сторону. Капельки в уголках глаз, превращаются в дорожки, стекающие по румяным от холода щекам.

Ты так ничего и не понял! — бьется в моей груди.

Он смотрит на мой живот, словно пытаюсь просканировать.

Боль и обида от его слов душат, разъедают дыру в моей груди, грызут как червячок, выедавая мое сердце.

Отвожу взгляд, безучастно следя за проезжающими машинами. Лучше смотреть туда, где нет прожигающего взгляда темных омутов.

Подмывает сделать ему также больно, сказать, что этот малыш не его и наблюдать за его агонией. За то, что бросил, за то, что заставил пережить бесконечную боль его предательства. Но чувство справедливости не дает мне совершить эту ошибку. Радим должен знать, что у него будет сын. У моего малыша есть папа, он не будет расти сиротой при живом отце из-за моего молчания.

Сегодня утром, увидев сообщение от Радима, мое сердце подпрыгнуло от радости, я была готова простить ему все, готова была забыть все наши разногласия, его измену. Радость и счастье наполняли мою душу делая этот хмурый день яснее и светлее. Только вот его слова, изменили все, теперь я не готова ни к чему.

Алые герберы в его руках, как чаша алой крови пролитой из моего сердца, бьющегося в агонии боли. Хочется вырвать алый букет из его рук и швырнуть ему в лицо.

— Как ты мог подумать так? Неужели ты ничего не понял? Не почувствовал? Ведь этот ребенок твой!

— Марина... — выдох с его губ как стон. Шаг ко мне.

Останавливаю его своим гневным взглядом. Хотя гнева там уже не видать за пеленой слез.

— Не смей, — если взгляд не остановил его, то помогут слова, — приближаться ко мне! Ты очень больно сделал мне сейчас, своими словами. Оскорбил и унизил, — голос срывается и последние слова выходят совсем шепотом. — Ты бросил меня, оставил самой справиться со всеми трудностями.

— Прости, — он падает на колени, — прости Марина, я такой дурак, — он делает ко мне несколько шажков на коленях с этим глупым букетом в руках. — Просто ответь, у тебя есть что-нибудь с этим? — он поджимает губы, кивает мне за спину, в сторону Валеры, наблюдающим за этой мизансценой.

— Встань, пожалуйста, — не могу его видеть таким жалким и престыженным. Сложил бровки домиком и с такой надеждой смотрит на меня.

Стоит на коленях он, а стыдно мне, за то, что превратил свое извинение в представление для прохожих. Люди уже оборачиваются и останавливаются, чтобы понаблюдать за бесплатным шоу.

— Ответь на мой вопрос. Ты с ним? — задан он в ультимативной форме, несмотря на страдальческий вид, задавшего его человека.

— Что изменит мой ответ? Тебе не нужен твой ребенок? Просто встань. Пожалуйста. — прикрываю рукой глаза. Мне хочется провалиться сквозь землю за всю неловкость и нелепость ситуации.

Какая глупая и нелепая ситуация. Больше не в состоянии вынести ее, отхожу на несколько шагов в сторону, отстранится от этой неприятной ситуации и вынудить Радима подняться. Дальше от Валеры, стоящего безмолвным свидетелем и защитником.

Радим поднимается, следует за мной, подходит вплотную, так близко, что я начинаю отчетливо чувствовать запах гербер в холодном воздухе. Они как символ примирения маячат передо мной, маня забрать себе, но цвет их красный и он совсем не рождает в душе желание к примирению. Во мне все еще кипит возмущение. Как он мог подумать, что ребенок не его?

Нелепость какая. Не так я хотела рассказать о ребенке. И точно не такую реакцию ждала, хоть и предполагала, что Радим может не обрадоваться, но все же надеялась. Глупо надеялась.

Радим смотрит не отводя от меня глаз, такой серьезный и собранный, его парфюм вместе с ароматом гербер смешивается и возрождает давно забытое ощущение счастья.

— Ничего не изменит. — наконец отвечает он. — Вы нужны мне оба. Ты и твой ребенок и даже если между вами с Валерой есть что-то, это ничего не изменит.

— А как же твоя зазноба Лика?

— Нет ни одной зазнобы кроме тебя. С Ликой никогда и ничего не было, и быть не могло. Забудь про нее. — без запинки произносит он и я безоговорочно верю, хочу верить его словам.

Забудь. Как легко звучит это слово из его уст. А в моей душе оно повисает тяжестью прожитых без него месяцев.

Радим поднимает руку, касаясь моей мокрой щеки, убирает большим пальцем влагу.

Я отстраняюсь. Слишком интимный жест, а я еще не все узнала и не простила, чтобы принять его. Сама вытираю щеки от соленых дорожек, охлаждающих щеки.

Его рука так и повисает в воздухе, но через секунду опускается.

— И ради чего тогда, было все это? Зачем нужен был весь этот фарс с уходом.

— Я не мог оставаться с тобой пока не выяснятся все обстоятельства. Я просто не смог тебя обманывать, лгать тебе в лицо. Поэтому я принял такое решение.

— Ты все это затеял, чтобы что? — неверяще переспрашиваю. — Ты из-за этого обрек меня на все эти месяцы страданий? Из-за... — не хватает слов чтобы, высказать ту гамму чувств, что он вызвал своими словами. Стараюсь проморгаться, чтобы не пустить только высохшие слезы, закусываю губу, в тщетной попытке сдержаться.

Боже, я не знала, что может быть так больно. Это как удар под дых. пытаешься сделать вдох, но не получается, все твои чувства сейчас сосредоточены на боли, а не на рефлексе дышать.

— Марина, прости. Я просто не мог по другому. Пойдем со мной, я все объясню. — он протягивает ко мне руку.

Я отступаю назад, мотая головой в неверии. Не может быть, чтобы он из-за этой банальности ушел, оставил меня, обрек на муки. Я не хочу идти за ним, мне нужно заново переосмыслить все месяцы одиночества.

— Ты не представляешь сколько боли я пережила за эти месяцы, той боли, что может подарить только разбитое сердце. И ты теперь вот так, просто, хочешь, чтобы я пошла с тобой?

Я делаю еще шаг назад и чувствую, как пол уходит из под ног, буквально. Я скидываю руки в тщетной попытке уцепиться за воздух, но это бесполезно. Я лечу назад и только сердце успевает замереть в страхе.

В пылу нашего разговора я не заметила, как близко подошла к проезжей части и теперь лечу с невысокого бардбрчика прямо на проезжую полосу по которой снуют туда сюда машины.

Отчаянные крики: "Марина",

"Держи ее!" — с разных сторон, сопровождают мое падение. Это двое мужчин — один безмолвный свидетель, второй — непосредственный участник.

Но крики долетают быстрее, чем их владельцы успевают добраться до меня.

Я падаю на мерзлый мокрый асфальт больно ударяясь копчиком. Даже не сопротивляюсь желанию согнуться пополам и распластаться на этом асфальте одновременно.

Пытаюсь отдышаться.

Гудки клаксонов проносятся мимо, на встречке.

Сильные руки мужа поднимают и выталкивают меня с оживленной проезжей части на тротуар. Это чудо, что я не попала под машину сразу же. Стоя на четвереньках все еще пытаюсь прийти в себя.

Особо длинный и протяжный звук клаксона пронзает уши, заставляя барабанные перепонки взорваться. Отчаянный скрежет шин по асфальту, визг тормозов и глухой удар заставляют меня обернуться. Накинувшийся на голову капюшон сыграл со мной злую шутку. Закрыв весь обзор и я не видела, что произошло за моей спиной.

Я еще не чувствую боли, я ничего еще не чувствую.

Медленно оборачиваюсь, боясь увидеть страшное. Не зря.

Мое сердце ухает вниз, а низ живота простреливает болью.

Радим лежит на дороге не шевелясь, а чуть в стороне от него стоит машина, слишком близко. Водитель выскакивает из авто, суется. Подскакивает к Радиму, проверяет пульс. Достает телефон, набирая номер, так и оставаясь сидеть рядом.

Герберы, разлетевшиеся по всей проезжей части алыми всполохами, словно пятна алой крови, которая не была пролита, но могла бы. Словно им выпала честь понесли наказание за ошибки человеческие.

Кто-то хватает меня под мышки. Это Валера, пытается поднять меня на ноги, но они не слушаются, не держат меня. Тянущая боль внизу живота нарастает, заставляя согнуться. Сознание начинает мутиться от боли и дикого страха, ужаса, что Радим больше никогда не поднимется сам с этой дороги. Зажимаю рот рукой, сдерживая крик.

Хочу подойти к нему, самой проверить пульс, убедиться, что он жив. Но ноги начинают неметь от боли, что тянет низ моего живота.

Слышу, как Валера вызывает скорую, пытаюсь удержать меня одной рукой.

— Оставь меня. Посмотри, что с ним, посмотри. — тереблю Валеру в отчаянии.

Он мотает головой:

— С ним все будет в порядке.

Я совсем не уверена в его словах, он специально успокаивает меня. А сердце мое гулко стучит в груди, сжимаясь от страха, страха не увидеть больше живым отца моего малыша.

— А вот ты как? Чтонибудь болит? — нотки беспокойства, взывают мою панику на новый виток.

— Живот... болит, — только и могу вымолвить.

Звук сирены прорывается в сознание навязчивым завыванием. Как быстро — плывет в голове мысль и исчезает.

Мучительно больно открывать пересохшие веки, выныривать из той неги, волшебной дымки, где на моих руках уютно устроился маленький сверточек безмятежности, маленький носик, маленькие пальчики, губки бантиком, причмокивают.

Навязчивая болтовня на периферии сознания мешает сосредоточиться на картинке, которая неумолимо растворяется.

— Да, обоих привезли по скорой, эту вот к нам, а его в травму. Мужик-то в рубашке родился, считай легко отделался, сотрясение и перелом...

Начинаю чувствовать свое тело, слабое и бессильное. Трудно двигаться и даже пошевелить рукой составляет невероятных усилий. Тянущая боль в руке заставляет поморщиться, открыть глаза. Тонкие трубки капельницы тянутся к штативу, иголка неудобно воткнута прямо в изгиб локтя, мешает согнуть руку.

Жутко хочется пить. Осматриваюсь по сторонам. Палата на две койки, на одной из которых лежу я, а вторая пуста. Больница. Я же в больнице! Это осознание потрясает, а следом приходят воспоминания случившегося на дороге. Радим, неподвижно лежащий на мокром асфальте в красных всполохах цветов. Моя боль, мутящая сознание..

Боже, Радим! Холодящий страх окутывает, я дергаюсь, но капельница мешает встать. А следом вспоминаю свою боль. Мой малыш! Хватаюсь за живот. Ощупываю его. Вроде на месте. Но я не чувствую ни шевеления, ни малейшего намека на движение внутри. Сердце заходится беспокойством. А если с малышом что-то не в порядке, а я разлеглась здесь и даже не знаю!

Хочу встать, но мне мешает эта капельница, не хватает сил даже сесть. Живот простреливает тянущей болью, от резкого напряжения и я тут же расслабляюсь, замерев в испуге. Дышу, пытаюсь успокоиться, растираю низ живота, стараюсь облегчить боль.

Должен же кто-нибудь быть здесь. Зову, но мой слабый писк вряд ли можно назвать спасительным.

Через несколько минут моих потуг вытащить капельницу и как-то принять вертикальное положение, открывается дверь. Вкатывается тележка для мытья полов, а за ней женщина в робе.

— Врача позовите, пожалуйста, — жалобно шепчу.

— Очухались, уже врача зовут, — ворча выходит женщина из палаты.

Возвращается с медсестрой. Та только взглянув на меня убегает и приходит уже со строгим мужчиной с посеребренными висками в белом халате и строгих очках.

— Семен Аркадьевич, ваш лечащий врач. — представляется он. — Лежите лежите, не вставайте. Вам строжайше запрещено вставать. Беременность сохраняем же, я правильно понимаю?

— Да! — пишу обескураженно от его строгого тона. — Что с моим малышом?

— С малышом все будет в порядке, если его мама будет выполнять все предписания. Главное сейчас для вас полный покой. Вставать категорически запрещается. Захотите в туалет позовите медсестру, это понятно? — смотрит он строго, спустив очки на кончик носа.

— Да, — медленно выдыхаю, забыла дышать от волнения, пока слушала ответ.

— Полежите на сохранении, у нас. Отдохнете. Придете в себя. Сейчас что-нибудь

беспокоит?

— Да, живот тянет, — жалуясь я.

После быстрого осмотра снова назначает капельницы.

Божечки, все что угодно лишь бы малыш мой был жив, здоров.

— Увижу вас на ногах буду ругать. Сильно. — напоследок предупреждает Семен Аркадьевич.

Накрываю живот в защитном жесте. Лежать, так лежать. То малое, что я могу сейчас сделать для своего ребенка, и что в моих силах.

Где все мои вещи и телефон даже не представляю. И маме позвонить не могу. Наизусть ни одного номера не знаю, кроме телефона Радима. Что за я дочь такая, ругаюсь на себя, на чем свет стоит. Зато мило пообщалась с медсестрой и узнала, что я в больнице скорой помощи в гинекологии. А мужчину, которого вместе со мной привезли, забрали в травматологии, но большего она не знает. Не составило труда упросить узнать поподробнее, что с ним.

После обеда, состоявшего из жиденького супа и рисовой каши, которые так и не смогла в себя запихнуть, все мои самобичевания теряют смысл. В палату влетает мама с полными пакетами домашней еды. Деточку надо кормить! Как же я рада ее видеть. И от ароматов исходящих от пакетов, рот самопроизвольно наполняется слюной. Мама не заставляет себя долго ждать, тут же выкладывает все привезенное на стол у окна, но мне туда не дойти.

— Ох, Мариночка, не вставай, я сама тебя покормлю. С врачом мы поговорили. Ох, и тяжело же, но главное с ребеночком все в хорошо.

Как же рады мы, что ты пришла в себя.

— А долго я без сознания была?

— Ох, сутки как, милая. Мы с отцом все извелись. Папу твоего не впустили, пока только одного человека разрешили на посещение. Вон под окнами ждут. Но ты не вставай, береги себя и мальчика нашего.

На глаза наворачиваются слезы от маминой заботы и участия. Сама переживает и меня старается приободрить.

— Нам же Саша звонит, говорит ты в больнице, мы перепугались жутко, он тоже вон, под окнами стоит. Начальник-то твой только когда мы пришли уехал. Если бы не он не знаю когда бы мы узнали, страшно подумать, — мама садится рядом со мной. Берет за руку.

— Боже, с папой надеюсь все в порядке? — снова заставляет испытать чувство вины за то, что доставила столько беспокойства родным.

— Отец твой бодрячком, как приехали сюда, узнали, что жизни твоей ничего не угрожает и отлегло от сердца. — поглаживает она руку, а у самой слезы в глазах.

Как же хочется обнять и успокоить мамино сердце. Но могу только дотянуться и погладить ее руку в ответ.

— Не плачь, мамочка, ты будешь плакать и я расплачусь, — только в такие минуты понимаешь, как важно иметь близких и родных рядом, кто придет в трудную минуту и поддержит несмотря ни на что.

Мама смахивает слезы, старается улыбнуться, но улыбка все равно получается горькой и натянутой, беспокойство за меня не отпустило ее до конца. К ни го ед . нет

— Мамочка, а где же Радим, ты знаешь, что с ним, он жив? — последнее слово проталкивается с трудом сквозь горло.

— Ой, Мариночка, жив он жив, не переживай только, все в порядке с твоим Радимом.

Когда время посещения заканчивается и мама уходит становится совершенно скучно в палате одной. Мама принесла телефон, но он нисколько не спасает. Все соцсети проверены,

на все сообщения отвечено, не хочется ни смотреть, ни читать, маятно, даже любимая книжка не идет.

Дверь в палату не закрыта. Душно, а окно открыть не разрешают. Попросила медсестру выключить верхний свет и не закрывать дверь, чтобы хоть так проветрить помещение. Остается лежать в темноте и смотреть в окно, как луна ныряет и снова выныривает из бегущих, темных облаков. Засмотревшись на это медитативное зрелище не заметила как задремала.

Чудится сквозь дрему, что чей-то родной голос зовет меня: Марина, Марина...

Окончательно просыпаюсь, когда слышу рассерженный мужской голос из коридора:

— Марь Васильна, что за бардак в отделении? Люди у вас на полу лежат!

— Семен Аркадьевич, голубчик, разве ж моя вина? Это пациент из травмы сбежал, сам на ногах не стоит, а все туда же. В гинекологию. Можно подумать у нас тут медом намазано.

— Марь Васильна, что за бардак в отделении? Люди у вас на полу лежат!

— Семен Аркадьевич, голубчик, разве ж моя вина? Это пациент из травмы сбежал. Сам на ногах не стоит, а все туда же. В гинекологию. Можно подумать у нас тут медом намазано. С переломанной ногой, а все туда же. — обиженно выговаривает женский голос.

— На каталку его и в свое отделение, Марь Васильна. — усталый голос врача.

Слушаю краем уха. Очень любопытно, что там происходит. Но вставать нельзя. Часы на телефоне высвечивают час ночи с небольшим. Понятен уставший голос Семена Аркадьевича. Сейчас бы спать во всю.

Шум стихает, но мое растревоженное сердечко — нет. Остается ворочаться с боку на бок и рассматривать пустые стены. Это государственная больница, довольно старая уже, хоть и виден тщательно сделанный ремонт.

Не получается снова заснуть. Еще раз проверяю мессенджеры. Радим был в сети несколько дней назад. Так и узнаю, что прошло уже два дня. Взволнованное сообщение от Людки с обещанием в ближайшие же выходные приехать и "отлупить" по попе за беспечное отношение к здоровью, своему и ребенка. Отвечаю, что берегу здоровье, свое и ребенка, и очень жду ее выходных.

А утром меня снова будят голоса. На этот раз оба мужские и я узнаю оба. Один — моего мужа, а второй — лечащего врача.

— Пациент Красновский, не сидится вам в своем отделении! Куда вам геройствовать? После операции же.

— Да мне б жену свою увидеть, хоть краешком глаза и я успокоюсь.

— Э нет, товарищ. Она отдыхает, ей предписан покой, а тебя болезного увидет и разнервничается. Твоей голени тоже не помешает покой. Ломать заново кость, чтобы срастить — то еще удовольствие, поверь мне... — увещающий голос доктора все удаляется, пока совсем не затихает за хлопнувшей дверью.

В палату протискивается молоденькая медсестра, приставленная ко мне, с которой мы успели подружиться. Запыхавшаяся словно бежала стометровку, она выпаливает:

— Муж твой был. Хорошенький такой. — мечтательно вздыхает она. — Сам с загипсованной ногой, а все к тебе стремится попасть. Любит тебя. Про ребеночка все переживал.

Не то, чтобы я его ревновала, но червячок начинает грызть. Так откровенно высказывать восхищение мужчиной его жене, нужно обладать немалой долей непосредственности.

— Но Семен Аркадьевич, развернул его, сказал у вас режим. — с меньшим энтузиазмом продолжает она. — очень строгий он, наш зав, дисциплину любит, как в армии. Он, между прочим, бывший военный врач, после ранения, комиссовали его...

Ее щебетание ненадолго отвлекает меня, но вскоре я забываю обо всем, погружившись в мир своих размышлений.

— А что ему операцию делали? И как ему разрешили встать? — вырывается мой встревоженный вопрос.

Машулька пару раз хлопает ресницами, но все же понимает о ком я.

— Да не разрешили, конечно, но не слушается же. Всех на уши уже поставил своими исчезновениями из палаты, по всему отделению его искали, а он у нас, в гинекологии, —

хихикает моя невольная шпионка, — врачи ругаются на него, а он костыли где-то раздобыл и к вам. Все наше отделение вздыхает, какая любовь, все ему нипочем.

Не понимаю, почему меня так раздражает ее восхищенный тон? Еле выдержала ее тираду, так и хотелось рассказать что-нибудь гадкое про Радима, чтобы умерить ее пыл, но я нашла в себе силы сдержаться.

После обеда приходят родители. Долго сидим с отцом обнявшись. Соскучилась очень.

— Лежу как котик, всего второй день, а уже отлежала все бока, — жалуясь папе.

Он отстраняется, сочувственно вздыхает и снова гладит по голове, как в детстве.

— Главное дитя сохранить, поправишься и набегашься, — улыбается он.

— А Радима вы не навещали? — робко спрашиваю.

— Анна Николаевна уже у него, а мы после тебя зайдем. Вчера к нему не пустили, сказали балуется сильно, нарушает режим.

И снова хочется вскочить и проверить, как там он, но у меня тоже режим, поэтому лежим дальше.

От переживаний о Радиме отвлекает невероятно вкусный запах, разлетевшийся по маленькой палате, едва мама расстегивает замок термосумки. выставляет домашнюю еду на маленький столик, снова собираясь меня кормить. Мой организм категорически отвергавший ту еду, которой кормят в больнице, настаивает на маминых щах, заурчавшим животом и мгновенно накопившейся слюной. Как хорошо, что у меня есть такие дружные родители. Что бы я делала без них. От этих мыслей неизменно наворачиваются слезы умиления, когда я вижу как они по прежнему бережно относятся друг к другу.

После сытных, вкусных маминых щей очень хочется спать. Я уже едва держу веки открытыми, чтобы не уснуть, настолько мною овладела сонная нега. Родители видя мое состояние, быстро прощаются, желая скорейшего выздоровления и беречь себя с малышом.

Жужжание под подушкой вырывает меня из дремотного состояния. Еще до конца не проснувшись, на автомате, лезу под подушку, проверить телефон.

На экране сообщение. Это совершенно точно Радим, хоть и пишет с незнакомого номера!

"Привет, Мариш"

Сердце радостно подскакивает. Сон мгновенно слетает. Очень быстро набираю "привет" и жду ответного сообщения. С предвкушением ожидая, что же он мне напишет. Но ответ не приходит. И даже точки радостно не прыгают, оповещая о написании сообщения.

Накатывает острое разочарование. И вправду, чего я так обрадовалась? Откладываю телефон на край кровати. Все больше не смотрю.

Перекатываюсь с боку на спину, стараясь расслабиться и перестать поглядывать на темный экран каждую минуту.

Телефон играет стандартный звук о приходе сообщения и мое сердце, снова, подскакивает, радостно трепеща, словно знает что-то, чего не знаю я.

Неловко хватаю телефон, но он рыбкай проскальзывает между пальцев, следуя какой-то невероятной траектории, огибая боковинку, приземляется под кровать. И сколько я не пытаюсь нашарить свой гаджет под ней, у меня это не выходит.

Я обмякаю на больничной кровати и рычу в бессилии. Может же так не везти! Или стоит винить только свою нерасторпность?

Телефон тренькает и тренькает новыми сообщениями, с жужжанием ползая по полу.

Ничего не остается, как позвать мою закадычную медсестру. Машулька появляется очень быстро, точно была где-то рядом. Прошу ее найти мой телефон под кроватью. С ее стройной комплекцией это удастся очень легко. Она вылавливает беглеца, отлетевшего почти к самой стене. К счастью, на нем ни единой трещинки, и он радостно оживает в моих руках.

"Наконец-то обзавелся телефоном. Надеюсь ты не против, что я буду иногда писать?"

"Хотел добраться к тебе на своих двоих, но меня не выпускают из палаты("

"Медсестры здесь церберы, стерегут меня похлеще президента. Говорят я — рецидивист)))"

"Как ты? Как там наш пузожитель? Очень хочу вас увидеть и обнять."

Ми-ми-ми на все сообщения, Хочется пищать от восторга, он же рад нашему малышу, рад же? И поставить после каждого сообщения радостные эмодзи, но надо придумать что-то вразумительнее восторженных эмодзи с глазами сердечком. Я против его безрассудного поведения и хочется укорить, что не бережет свою оперированную ногу.

Вовремя вспоминаю, что я, вообще-то, его не простила. Но так трудно думать об этом в данный момент. Голова кругом и хочется помнить только хорошее.

"Да, конечно", — ответом на первое сообщение.

"У нас с пузожителем постельный лежим) нас тоже не пускают из палаты" — отсылаю с замиранием сердца.

"Мама обещала к тебе зайти" — прилетает мгновенно.

Не такого ответа ждало мое сердце. Памятуя о нашей последней встрече со свекровью, мне нужно морально подготовиться к такому сюрпризу, поэтому я благодарна за предупреждение.

Анна Николаевна не заставляет себя долго ждать. Появляется на пороге палаты, оглядывается вокруг, поджимает губы, но все же проходит. Обычная палата стандартного больничного комплекса, глупо ждать здесь комфортабельных апартаментов.

— Мне, к сожалению, нельзя вставать, - сразу объясняю суть вещей. — присаживайтесь пожалуйста.

Анна Николаевна садится на предложенное место, рядом с моей кроватью.

— Я предлагала Радиму сменить больницу, — начинает она без предисловий, — но он категорически против. Думаю не стоит говорить ради кого он здесь. — смотрит на меня многозначительно. — Рассчитываю на твою сознательность. Надеюсь, ты уговоришь перевестись в частную клинику. Там и условия получше и персонал квалифицированнее.

— Не вижу смысла куда-то переводиться. Персоналом здесь я довольна. — отвечаю честно.

— Ты не понимаешь! Они дважды проглядели Радима! Дважды! Понимаешь? Если так дальше пойдет, он не долечит свою ногу и снова ее переломает! Он же только после операции, ему штифт вставили, чтобы смещение кости исправить! — она достает белый текстильный платочек и прикрывает им рот. Ее руки мелко подрагивают.

Вспоминаю недавнее сообщение Радима. Ну теперь-то они его хорошо стерегут. Спешу ее успокоить. Я понимаю, она — мать и переживает за своего сына.

— Не думаю, что все так плохо. В этой больнице тоже очень хорошие специалисты, плюс все в одном комплексе.

— Нет ты не понимаешь, вас вместе нужно отсюда перевезти! Здесь умер мой Лешенька! Они снова не досмотрят и упустят моего мальчика!

Оу, это уже удар под дых. И хоть я понимаю ее чувства, не разделяю ее опасений. Сочувственно глажу ее по руке и уещаваю, что все в прошлом.

Так и не добившись от меня согласия на перевозку в другую больницу, свекровь оставляет меня в смешанных чувствах.

Я не знаю подробностей смерти отца Радима и с тех времен много воды утекло. Персонал больницы, уверена, неоднократно менялся. И вряд ли от простого перелома Радиму резко станет плохо. Или у него не простой перелом? От этой мысли меня бросает в жар, сердце начинает часто-часто колотиться. Ощутимый толчок в живот заставляет переключиться на насущное. Нельзя же так накручивать себя. Вот и малыш мой разнервничался. Уверена Радиму ничего не угрожает, успокаиваю себя, а заодно и малыша, что решил попинаться.

Нужно срочно выведать все подробности у Радима.

Экран телефона в моих руках загорается, высвечивая уведомление о новом сообщении.

Пришедшее сообщение ненадолго сбивает с мысли.

"Не соглашайся на уговоры мамы, даже если она предложит отдых в семизвездочном отеле ол инклюзив или посулит золотые горы!"

Слегка запоздало. Но мы мыслим в одном направлении. Убеждаюсь, что я не перестала чувствовать его, может даже стала еще лучше.

"Я и не согласилась, но скажи мне честно, есть реальный повод переживать за твое здоровье или твоя мама просто накручивает себя?"

"Совершенно нет повода. Чувствую себя суперменом, остановившим машину одной левой)" — получаю в ответ и понимаю, что действительно идет на поправку, раз есть настроение шутить.

Смотрю на безымянный номер. Нужно уже как-то его назвать. Контакт "муж" уже существует и мне не хочется записывать этот номер тем же именем, как будто он прокаженный.

Как-то мило мы утонули в любовную переписку. С этих пор Радим присылал мне разные мимимишности и я вспомнила студенческие годы, когда мы только познакомились и буквально висели на телефоне в невозможности расстаться ни на секунду, в желании ощущать друг друга рядом хотя бы посредством смс.

Ночью ко мне поделяют соседку, вроде бы тихо, но я все равно просыпаюсь. Заснула с телефоном в руках после пожелания Радима "сладких снов". Пожалуй, действительно сладкие, так хорошо спалось.

Молодая женщина, не старше моего возраста точно, безмятежно спит на соседней кровати, а я не могу теперь заснуть.

Может меня растревожили разговоры медсестер, что она сразу после чистки.

Беспокойно проверяю телефон, новых сообщений нет. Поглаживаю свой живот. Страшные мысли, что я могла потерять малыша, так и не отступили, наоборот с каждым приходом ночи они словно усиливаются и приходят во сны, поэтому боязно засыпать снова.

Радим: Я прихватизировал коляску теперь буду кататься к вам с пузожителем)

Прилетает сообщение утром, вырывая меня из дремотного сна. Солнце уже во всю светит в окно. Смогла задремать только с рассветом, когда первые лучи дневного светила окрасили небо розовыми красками и мои тревоги, устав, отступили.

На обходе врач направляет на УЗИ. Мое состояние стабильно, самое время посмотреть малыша, заявляет он.

Когда меня только вывозят на скрининг на каталке, навстречу едет Радим на своем обещанном транспорте. Он немного побледнел и выглядит осунувшимся, чересчур изможденным, но сам толкает колеса своего кресла.

— Красновский, что вам нейметса? Сидели бы в своем отделении.

— Да, как усидеть доктор? Мою жену куда-то увозят, а я ни сном ни духом! — в его голосе явно прорезаются нотки беспокойства.

— Везем на скрининг, нет повода для беспокойства. Все по плану. — терпеливо поясняет врач, монотонно-успокаивающим голосом.

Со стороны Радима слышен шумный выдох.

Врач узист по началу не хочет пускать пациента на коляске в кабинет УЗИ, но после

того, как получает мое согласие и узнает, что это мой муж, более благосклонен.

Радим внимательно следит за манипуляциями врача, его поза напряжена, руки вцепились в подлокотники, того гляди вскочет, чтобы подбежать ближе к монитору и разглядеть нашего малыша, и загипсованная нога вовсе не будет ему помехой.

Врач улавливает напряжение, витающее в воздухе, после недолгих манипуляций сообщает, что мальчик развивается в пределах нормы, напоминает — следующее УЗИ по плану в тридцать две недели, отпускает нас с миром.

На обратном пути Радим ловит мою руку, лежащую на краю каталки и не отпускает до самого лифта. Неудобно ехать в таком положении, но не решаюсь отнять ее, как последнюю соломинку утопающего.

Грузовой лифт достаточно вместителен, но не для каталки с креслом одновременно и нам приходится делиться. К двери палаты он подъезжает, когда меня уже переложили на больничную кровать. Он в нетерпении крутит колеса туда сюда, в ожидании когда каталку вывезут и ему можно будет уже заехать.

Он едва дожидается, когда освободится дверной проем, вкатывается, запирая за собой дверь. Его глаза светятся, но это всего лишь влага, наполняющая глаза. Нет. Он не плачет. Мужики ведь не плачут. Просто соринка.

— Ты опять сбежал из своего отделения? — ставлю ему в укор, но строгость в голос не получается пустить.

— У меня жизненно важная причина.

Я смотрю как он медленно подкатывает колеса, не решаясь сразу приблизиться.

— Как там пузожитель? Дай хоть поздороваться, — говорит он внезапно севшим голосом.

Не могу ему отказать в такой малости. Делаю приглашающий жест, но совсем не ожидаю того, что он сделает в следующую минуту.

Он приближается к моей кровати. Обнимает осторожно. Утыкается в живот лицом и шепчет:

— Приве-ет, малыш. Я так соскучился.

От его нежных, обнимающих рук и искренних слов, слезы подкатывают к глазам. Я смотрю в потолок стараясь не моргать, ведь тогда вся накопившаяся влага скатится по щекам.

— Я был неправ, я признаю свою ошибку, прости меня, пожалуйста, — шепчет в живот словно хочет просить прощения не только у меня, но и у малыша тоже.

Мы лежим так несколько минут. Я боюсь шевелиться и развеять этот момент. Пальчики покалывает, так хочется коснуться его.

Все же не выдерживаю, поднимаю руку и провожу по его волосам. Мягкие и жесткие одновременно.

Радим поднимает на меня взгляд покрасневших глаз.

— Ты же простишь меня? Вы оба?

Строго смотрю на него, пытаюсь хмурить брови, но скорее всего у меня ничего не получается. Трудно быть камнем, когда на тебя смотрят его жалобные глаза.

— Для начала, хочу знать, что с той девушкой, Ликой?

— Ну зачем, Мариш? — вздыхает Радим. — Я не хочу заставлять тебя переживать все это снова. Я говорил с твоим лечащим врачом, он запретил как-либо волновать тебя.

— Я хочу знать. — упрямо повторяю, в каком-то мазохистском желании закрыть гештальт. — Я не буду волноваться, обещаю.

Смотрит на меня пристально, читая настойчивость в моих глазах.

— Ну хорошо, — сдается он, вздыхает, снова целует мои пальчики и через минутную паузу начинает рассказ, не выпуская моей руки из своей, легко поглаживая пальцы.

— Это странная история. Лика у нас работала давно. К ее работе пререканий никогда не было, все делала четко и по плану. Но был у нее один недостаток. Она всегда много внимания уделяла мужчинам, коллегам. Наша компания не ведет строгую политику харрасмента и это не напрягало до поры до времени. Пока...

— Пока что? — Не выдерживаю не намеренной паузы.

— Пока она не предьявила свою беременность, якобы моим ребенком.

— А были основания считать его твоим? — все же уточняю, боясь обжечься его ответом.

— Мариш, я не хочу ранить тебя, — он перебирает мои пальчики, на удивление это действие немного помогает расслабиться. — ребенок не мой, и не мог быть моим.

Сомнений нет, но мне нужно было время выяснить наверняка. Эта манипуляция Лики была для отвлечения меня от работы. Очень важных проектов, которые я курировал.

Я дергаюсь в беспокойстве за него. Как многого я не знала и он утаивал от меня.

— Тише, тише, все в прошлом. — спешит успокоить он. — Сейчас все разрешилось, и она не работает больше в нашей компании. И вряд ли будет работать где-то еще. Наш генеральный позаботился добавить ее во все черные списки, какие можно.

— Мне нужно время, подумать. — отвечаю ему, на самом деле мне нужно время переварить его откровения.

Он подносит к губам мою руку, целует пальчики.

— Думай. — отвечает, глядя прямо в мои глаза, а в его взгляде читается "все уже решено".

Медсестра забегает в палату и командует всем посетителям на выход. Посетитель только один. Я смотрю в его удаляющуюся спину, сильный разворот плеч, не сломленный, уверенный. Знаю, никуда я уже не смогу от него уйти. Мой ответ всего лишь оттягивание времени, ни на что не влияющий.

— Счастливая ты. — слышу с соседней койки. Соседка успела вернуться. В какое время, мы, увлеченные собой, не заметили даже.

— Спасибо, — я оборачиваюсь к ней в смущении. Чужое счастье всегда кажется легким. Окружающие могут и не догадываться какой путь нужно пройти до него.

— Муж у тебя любящий, чего тут думать. Прости уж его. И ребеночка хочет. Мой вот только обрадовался, когда узнал, что я ребенка потеряла, а я так ждала его.

Ее слова откликаются глухой болью в сердце. Так мучительно слышать это, когда я сама, совсем недавно, переживала примет ли Радим нашего малыша.

— Прости за мои слова. Тебе итак нелегко сейчас. Но зачем тебе мужчина, которому не нужен свой ребенок?

— Люблю его. — отвечает она просто и отворачивается к стенке.

Даже не нахожусь, что ответить. Трудно что-либо противопоставить этому аргументу. Даже страшно представить выбор между любимым и ребенком.

Медсестра заходит в палату шурша бумагой, отвлекая от тяжелых мыслей.

— Ну Красновская, счастливица, цветы тебе. — улыбается от души, показывая мне пышный букет крупных, садовых ромашек и голубых гипсофил, обернутых в крафтовую бумагу и перевязанных в тон голубой лентой с красивым бантом. — Кажется, кто-то ждет не дождется пацана. — хихикает она.

Букет действительно похож на любовно обернутый кулек с младенцем, только вместо малыша цветы. Я медленно выдыхаю, как хорошо, что это не красные герберы, а белые, чистые ромашки. Не уверена, что смогу после аварии без содрогания смотреть на алый их аналог. Лежащий Радим и рассыпанные красные цветы по дороге надолго осядут в памяти.

Вечером, после отбоя, Радим снова появляется на пороге палаты. Не знаю чем он подкупил медсестер, но они не мешают нам и не выгоняют его из палаты. Даже моя соседка Лида, с которой мы все же познакомились, решает уйти в столовую с девчонками из других палат, оставив нас наедине.

Как только она выскальзывает из палаты мы как-то сразу притягиваемся друг к другу. Точнее Радим подкатывает к кровати, зарывается пятерней в мои волосы и уже не отлипает. Если можно было бы лечь он бы уместился рядом, но на узкой больничной койке не находится места нам двоим.

Его губы безошибочно находят мои и несколько минут жадно поглощают голодным поцелуем, от которого у меня начинает кружиться голова.

— Подумала? — хрипло шепчет он в губы.

Это был нечестный прием. После его поцелуев едва ли могу вспомнить, о чем я там должна была подумать, но на всякий случай киваю.

— Вот и отлично.

Он еще раз долго целует меня. Отстраняется смотря мне прямо в глаза, проводя по моим волосам рукой.

— Люблю тебя и всегда буду любить.

Его признание разливается теплом по сердцу, откликаясь радостью в груди и сладким послевкусием поцелуя. Только главные слова, ничего лишнего, в этом весь Радим.

Он хмурится, вытирает незаметно для меня появившиеся мокрые дорожки.

— Не надо, не плачь.

— Оно само, — оправдываюсь я, улыбаясь, — это от счастья.

Он зацеловывает, стирая губами дорожки счастья, отстраняется и шутливо интересуется:

— Я, конечно, понимаю, что не заслужил ответного признания, но все же хотелось бы.

Ну что еще можно ответить этому невозможному мужчине?

Только:

— Я тоже. — шепотом, чтобы не спугнуть счастье.

Просыпаюсь от шума в соседней комнате. Грохот такой, словно строители решили сделать внеплановый ремонт в детской. Смотрю на часы ровно шесть утра. Радим еще спит. Ему вставать через час, он по прежнему много работает, но неизменно возвращается каждый вечер домой, к семье.

Накидываю халат и иду проверить, что там успел учудить мой юный строитель. Наш годовалый Ромка проснулся, как всегда в свое время, как по часам, устроил внеплановый ремонт. Нашел чем заняться пока мама спит. Не переставая дубасит игрушечным молотком по решеткам детской кровати. Ему понравился этот набор юного строителя сразу же, как увидел его в магазине и теперь не расстается с молотком, отверткой и дрелью.

Как только появляюсь в дверях малыш сразу же замечает меня, забывает о своем увлекательном деле, что занимало его ближайшие несколько минут и начинает улыбаться во все свои шесть молочных зуба. Ей богу зайка.

Ловко цепляясь за прутья, споро поднимется к бортику и тянет ко мне свои маленькие ручки, нетерпеливо пританцовывая.

Подхватываю его на руки, попутно зацеловывая пухлые щечки. Наверно никогда не перестану умиляться этому бандиту, в каком бы возрасте он не был. Разбудил маму привычным способом и теперь радуется, заливисто хохоча.

Как-то внезапно подрос наш малыш. Давно я не слышала его плеча, он всегда находит способ убедить маму в своем желании без выматывания нервов бесконечным ревом.

— Ам, ам кушать? — спрашиваю карапуза.

Он смотрит своими сияющими глазами, темными, как у Радима, не переставая улыбаться, выдавая тарахтящие звуки, как будто собрался куда-то ехать, попутно объясняя в каком направлении — всем телом подаваясь вперед только и успеваю его перехватить, чтобы и вправду не улетел без меня.

Понятное дело, все его пути сейчас ведут на кухню, где для него всегда находится что-то вкусненькое. Туда мы и идем.

Успеваю сварить кашку и ароматный кофе, который начинает тянуть на всю квартиру. Он то и приманивает Радима, появившегося на пороге кухни заспанным. Садится за стол поближе подвигая к себе детский стульчик, в котором сосредоточено "подкручивает гайки", найденной здесь же игрушечной отверткой, юный мастер на все руки. Сразу начинает что-то активно объяснять отцу, старательно вытягивая буквы. Радим сосредоточенно его выслушивает и кивает.

— Полностью с тобой согласен, сегодня задержался, проспал, исправлюсь.

Ромка улыбается показывая свою заячью улыбку. Хватает Радима за футболку стараясь перетянуть на себя.

— Эээ, мужик, полегче, мы же не поместимся с тобой в твоём крутом кресле. Окей, окей, пока мама охлаждает твою кашку, у нас есть время посидеть на ручках.

Радим вынимает его из стульчика и сажает себе на колени. Но Ромку это не устраивает и он карабкается по мужу, встает на ножки, пытаясь ухватиться за щетину, уши и все, что попадет под его цепкие пальчики. Наконец, фиксирует его небритые щеки и серьезно говорит:

— Ам-ма-а-а!

Радим кивает:

— Кушать, так кушать. — снова усаживает Ромку на колени и подтягивает ближе тарелку с немного остывшей кашей. Ему нравится кормить сына. Это их время. Потому что дедлайн и он снова приползет вечером, когда сын уже будет спать.

Но дедлайн пройдет, все проекты будут сданы и Радим станет посвящать все свое свободное время семье.

Беременность — прекрасное время остановиться, подумать и принять решение, чем же хочется заниматься дальше в жизни. Помимо воспитания малыша, разумеется. Вот и я нашла себе увлекательное занятие — эпоксидная смола. Теперь я делаю оригинальные, авторские фоторамки для себя, друзей и небольшого круга клиентов, который, внезапно, после "сарафанной" рекламы моей подруги Людки, начал расширяться.

А началось у меня это увлечение, когда я внезапно после родов решила снова сделать перестановку в нашей гостиной и обнаружила за диваном разбитую рамку с фотографией Радима, так и пролежавшей там все эти месяцы. Рамка пошла в мусор, а вот фотографию я отреставрировала и хотела по обыкновению найти красивую рамку, но тут задумавшись решила попробовать сделать ее самой.

Рамочки из эпоксидной смолы и полимерной глины — мое новое увлечение, превратившееся в полноценное собственное дело. В какой-то момент у меня накопилось много готовых рамок и я решила их раздарить. Ну а Людкин язык сделал свое дело, и мои рамочки с элементами засушенных трав и фигурками из полимерной глины начали продаваться. Радим все время ворчит, что как только мы выбираемся на природу, я сразу пускаюсь на сбор трав и цветов, но это ворчание его проходит и он сам втягивается на выискивание красивых цветов для меня. Но эти цветы в подарок лишь для моей работы.

Мне безумно нравится составлять композиции из собранного материала — замысловатых травинок, цветов, высушенных кусочков фруктов и мелких камешков, в обрамлении бусинок, полудрагоценных камней или бисера, рассыпанных, как звезды на ночном небе и заливать это все прозрачной жидкостью, которая застынет через несколько часов и превратится в уникальную композицию — мой собственный шедевр.

Сейчас, когда мой Ромка засыпает на обеденный сон я могу заниматься этим свободно.

Теперь Радим увековечен в смоле, как муха в янтаре

Я поменяла и остальные рамки на полке, со свадьбы и семейные фото, теперь они выстроились в ряд в другом облики.

Авария и последующая, долгая реабилитация не остались без последствий. Радим до сих пор немного прихрамывает и жалуется на ногу в непогоду. Я — все еще вздрагиваю при виде красных гербер. Даже научилась обходить стороной все цветочные города, чтобы ненароком не столкнуться с предвестниками беды. Я знаю, что это всего лишь суеверие, но память не обманешь и она щедро выдает мне картинки прошлого на этот безвинный цветок.

Да, мы все еще муж и жена. И счастливы вместе в нашей маленькой семье, изо всех сил стараюсь хранить наше счастье, как наивысшую ценность, потому что знаем цену этого счастья.

Больше книг на сайте - Knigoed.net